

СЮРПРИЗ

22

88

Детский фонд. Что сделано?

Под звон фанфар. Разговор о комсомоле

Экономика и нравственность. Полемика

Варлам Шаламов. Из «Колымских тетрадей»

Нужна ли милиция нравов? Фotoочерк

ЭТО — АВТОКРОСС

(Читайте стр. 20—21.)

Альберт ЛИХАНОВ, писатель, председатель правления Советского детского фонда имени В. И. Ленина

ВЫБОРЫ

Прошел год со дня учредительной конференции Советского детского фонда имени В. И. Ленина. Что удалось сделать за этот период? С таким вопросом мы обратились к председателю правления Советского детского фонда имени В. И. Ленина.

Подступ к 1987 году, поворотному в моей жизни, был многолетним и не простым, хотя в общем и неотступным. Волею судеб, а может быть, постоянством своей писательской темы, радеющей о растущем человеке, я всегда старался разобраться в причинах одиночества человека. Природа его может быть различной — физической и духовной, ведь можно быть одиноким и в толпе любвеобильной родни. А наиболее незащищенными перед этой страшной бедой — одиночеством — оказываются слабые мира сего — дети и старики. Об этом я писал книги, статьи, говорил с трибун писательских, комсомольских, педагогических. Слово писательское возвращалось ко мне письмами, откликами, исповедями, но самыми пронзительными были исповеди детей с трудной, подчас трагической судьбой. И с течением времени мной все глубже овладевали два чувства — чувство сострадания, многие годы признававшееся стыдным, и чувство неисполненного долга и ответственности за несложившиеся судьбы малолетних наших сограждан. Мне казалось, кроме книг, выступлений, необходимо сделать еще что-то важное в этой жизни, от призыва к умягчению нравов перейти к делам абсолютно конкретным, земным. Так родилась идея воссоздать детский фонд имени Ленина, учрежденный еще в 1924 году, но, к сожалению, закрытый в 1938-м. А вместе с фондом воссоздать и одну из гуманнейших общественных традиций нашего народа — всеобщее участие в защите детства.

И вот уже год наш детский фонд существует. Много ли нами сделано за это время? Не мне быть судьей. Подчеркну лишь одно. Между словом и делом — дистанция немалого размера, ибо слово принадлежит одним, а дело, даже самое простое, творится в соавторстве с другими людьми. И часто — а на практике почти всегда! — созиательности противостоят несовершенство средств и возможностей, множество неурядиц — организационных и психологических.

Как было бы хорошо: придумал, обсудил с людьми или инстанциями, нажал кнопку — и... появились умельцы-строители, умельцы-ученые, умельцы-врачи, умельцы-воспитатели, вы им — задание, срок, чек в конце концов, и, глядишь, через год, от силы — второй, вам предъявляют общественную идею, реализованную в санаторий для маленьких инвалидов или долгожданно возро-

женную науку о ребенке, сданные по всем законам совершенства «под ключ» — идите, люди, пользуйтесь на здоровье.

Пока что такие возможности для нас мечта. Нам же в работе до седьмого пота приходится преодолевать порожки разной высоты, петлять по лабиринтам ведомственных инструкций и устаревших нормативных актов, сражаться с бюрократическими проволочками, а еще — и это самое несправедливое! — испытывать на себе завистливые уколы, нередко злобную неквалифицированность commentators со стороны. Но кто-то ведь должен принять на себя эту нелегкую ношу. И хорошо бы на защиту детства встать всем миром, всем сообща — от министра до рабочего, а не одному лишь, пусть и общественному, формированию — детскому фонду.

Не считите это за жалобу. Речь о другом: сможет ли детский фонд, даже объединившись с кем-то, даже вооруженный новой законностью, полностью сломать отложенные механизмы, образующие отстойники детской беды, своего рода канализационную систему для сброса... людских судеб?

Вопрос ко всем. Так давайте вместе и обсудим его.

Приоритеты детского фонда определились на учредительных конференциях. Их поддержал народ.

Начну с проблемы детских интернатных учреждений, точнее, с состояния детства в них. Вот Дом ребенка. Как живется здесь малышу? Одна пара воспитательских рук на 20 ребятишек. Сделайте нехитрую арифметическую операцию. Сколько времени на обход каждого из них приходится? И перепелеть, и накормить, и «поагуказать», и сказку рассказать? Не из-за отсутствия ли с первых дней жизни материнской ласки, радости общения, без которых нормальное развитие малыша невозможно, зарождаются « пятна » в его интеллекте? Теперь помножьте эту беду на 35 тысяч таких ребят. Медико-психологические исследования показали, что почти у 90 процентов детей, воспитывающихся в этих учреждениях, отмечается задержка психомоторного развития. Картина не просто безрадостная — трагическая. Вот почему самым первым шагом фонда стало выделение средств на разукрупнение групп в домах ребенка вдвое. Содержание почти 2 тысяч дополнительных воспитателей взяли мы на себя. Продолжим мы эту работу и в будущем году. А вот с 1990 года такую заботу — и на всегда — возьмет на себя государство. Так реализуется один из принципов деятельности детского фонда — не подменять государство в решении проблем защиты детства. Да и не сможет фонд поднять такую тяжесть только своими силами. Но помочь государству — наша обязанность и право, данное народом.

Попробуем еще раз оглянуться вокруг. Много ли детских домов, школ-интернатов для сирот расположено

в удобных городских районах? Увы, дислокация их вполне соответствует поговорке: «С глаз долой — из сердца вон». И не о материальных трудностях идет разговор, хотя они есть, и немалые, а о дефиците общественного внимания. Подсчитайте, как часто детдомовцы по своему желанию посещают театр, футбол, престижные концерты, кинофильмы, спортивные секции, дома пионеров? Разовые акции и благотворительные кампании, причем масштабные — всех сразу, и младших, и старших, на один спектакль, в один лагерь — таких обычный прием. Сделал дело — гуляй смело. И гуляем, не замечая тоскливых глаз, смотрящих из-за забора на «чужую» жизнь.

Раздвинуть границы детдомовского мира, помочь им вырваться из удручающе монотонного существования — таким желанием было продиктовано второе решение фонда: подарить каждому детскому дому, сиротскому интернату, Дому ребенка автомобильный транспорт. 230 автобусов, микроавтобусов и грузовых машин уже стали достоянием детских интернатных учреждений. Сумеем ли довести это дело до конца? Уверен, да. И не только за счет фонда. В трудовых коллективах ведущих заводов родилась прекрасная инициатива — передача таким учреждениям сверхплановых автомобилей. Надеемся, что это станет традицией. Не ограничивается, естественно, наша помощь детским домам «автомобильным бумом». Около 50 тысяч экземпляров детских книг уже получили в подарок от Народного книжного банка воспитанники интернатных учреждений.

Близко к сердцу приняли беды нынешнего сиротства представители творческой интеллигенции. Известные мастера изобразительного и декоративно-прикладного искусства безвозмездно передают в детский фонд свои произведения, поступающие в картинную галерею фонда. Часть этих произведений мы направляем в детские дома и школы-интернаты, часть используем для проведения выставок-продаж и аукционов.

Однако все это лишь частности. За год нашего существования коренной перелом к лучшему в «сиротской» системе еще не наступил. Наверное, это объясням. Десятилетия запустения за год не поправишь. Да, ясное дело, не один фонд это сделать должен.

Слабы кадры в детских домах — лишь 40 процентов с высшим образованием, да и одно лишь образование погоды не сделает. Педагогика детского дома не подкреплена наукой — это сделает Институт детства Академии педагогик СССР и детского фонда, который еще только надо организовать. По-прежнему мы получаем много свидетельств о воровстве в детских домах, о надругательствах над воспитанниками — физических и моральных. Радоваться вроде пока нечему. И все же дело стронулось с мертвой точки. То в одной, то в другой газете мы читаем сообщения: люди такого-то завода, ин-

ститута, совхоза пришли в детский дом, дом ребенка, школу-интернат, починили здание, ходили вместе с ребятами в театр, передали им свою премию.

Понимаю: это лишь первый импульс. Главное, чтобы он не остыл, не угас, превратился в постоянную человеческую заботу. И все же импульс, первое человеческое движение дорогого стоит. Детский фонд — это и есть помощник, сильных, другим, слабым. А вовсе не еще одна центральная или местная система, которая «все решит». Так что главная наша цель — со-организация, со-действие, действенное, выраженное в поступке, со-страдание.

Что же касается материально-технической стороны сиротского существования, то все «дыры» детский фонд залатать не сможет. Ведь более половины интернатных учреждений нуждается в немедленной реконструкции, а пока на каждого воспитанника в среднем приходится не более двух квадратных метров площади. Широкий комплекс неотложных мер по улучшению работы с детьми-сиротами предусмотрен известным постановлением партии и правительства. Жаль только, что не все, кому это поручено, торопятся их осуществлять. Но это отдельный, большой разговор. И мы готовимся к нему серьезно.

Я о другом. Каким бы фешенебельным ни был детдом, он никогда не заменит ребенку семью, как никогда не компенсировать служебными обязанностями воспитателя то, что не сделано сердцем родителей. В том-то и состоит многотрудность, сложность детского дома и решительное отличие его от всех остальных педагогических систем, что здесь ребенка надо не просто воспитывать, а очень бережно, терпеливо, каждодневно возвращать ему веру в нас, взрослых, ведь житейский опыт здешней малышни такой горечи и печали, чего многим из нас за всю жизнь не испытать.

Как компенсировать такие нравственные утраты, как вернуть ребенку надежду на нас?

Фонд настойчиво боролся за создание принципиально нового типа детского дома, который бы, оставаясь все-таки государственным учреждением, давал возможность детям-сиротам испытать благотворное влияние семьи, теплоты, человечности общения, взаимных забот. Искали варианты, изучали отечественный и зарубежный опыт, пропагандировали и научно обосновали такой подход к социальной защите детей-сирот и, что особенно важно, нашли тысячи единомышленников, энтузиастов, желающих создавать и работать в таких детских домах. Усилия эти воплотились в постановление Совета Министров СССР о детских домах семейного типа. Предстоит главное. Строить эти дома, целые городки. Создавать концепцию их жизни. Определить правовой статус такой новой профессии — «родитель-воспитатель», не допустить ошибки при подборе людей.

Одобрено предложение фонда о вы-

ДЕТСТВО

Отец и сын.

Фото Анатолия ОХМАКЕВИЧА

пуске специальных благотворительных билетов. Мы рассматриваем этот билет как своеобразный «кирпичик», который каждый человек может вложить в строительство таких домов и целых детских городков. Безусловно, это не единственная форма участия народа в оказании помощи в строительстве и содержании детских домов семейного типа. В фонд поступает много предложений о проведении венчевой лотереи, средства от которой будут использованы на благотворительные цели. Материальным обеспечением лотереи могла бы стать, на наш взгляд, сверхплановая продукция автозаводцев, коллективов предприятий министерств электронной и радиопромышленности, других ведомств, выпускающих товары народного потребления, произведения наших верных друзей — художников и мастеров декоративно-прикладного искусства, переданные Советскому детскому фонду для этих целей. Словом, мы работаем над тем, как это сделать лучше, ждем предложений от наших сторонников и активистов, всех тех, кому небез-

различна судьба детей, лишенных семьи.

Скажу еще об одной акции детского фонда — нашем участии в борьбе с детской смертностью. Тяжелейшую беду — высокий уровень детской смертности (по этому печальному показателю наша страна держит едва ли не первое место в мире среди развитых стран) — авторы многочисленных писем и обращений в фонд справедливо расценивают как явный признак социальной несправедливости и отсталости, свидетельство и следствие долголетней «политики экономии» на охране материнства и детства. Пик такой экономии, соединенной с другими социальными и культурными бедами, пришелся на республики Средней Азии и Казахстан. Здесь общесоюзные проблемы — слабая в большинстве своем материально-техническая база детского здравоохранения, острый дефицит лекарств, медицинского оборудования — длительное время усугублялись низкой санитарной и социальной культурой и национально-религиозными предрассудками. Не го-

воря уж о климатических условиях, о тяжелых условиях работы беременных женщин на хлопковых полях и табачных плантациях. Беспощадное отношение к матери ее близких (некоторые рожают по два раза в год!) кровнородственные браки вызывают много различных заболеваний, генетические отклонения, появление ослабленных детей.

Именно сюда мы высадили наш крупный медицинский десант. Оправдал ли он себя? Безусловно. В мире нет ценностей дороже детской жизни. На несколько промилле снизилась шкала этой общенациональной трагедии. Десант детского фонда сохранил жизнь тысячам своих юных сограждан.

скому и нравственному здоровью — основа вложений народных денег.

Но есть и немало других этически важных проблем, в решении которых фонд не участвовать не может. Безнравственным это было бы.

Особая наша боль и горечь — дети-инвалиды. Не секрет, что детство не избавлено от тех же страданий, какие переносят наш взрослый мир. Только в детстве все переживается пронзительнее, больнее и потребность в нашем человеческом участии, нашей помощи остree. Но что мы знали об этой беде до недавнего времени? Разве думали о том, что только детей, больных церебральным параличом, у нас в стране почти 400 тысяч? А что мы сделали для них? Пока очень и очень мало. Ведь, не зная, нельзя сочувствовать, а в конечном счете нельзя помочь. Мы же спрятали своих инвалидов, не видим их на улицах, в кафе, кино- и театральных залах, на концертах и в музеях. Часть из них мы «упекли» в специальные школы-интернаты, остальные живут в семьях, зачастую один на один со своим одиночеством и трагедией.

Во многих странах мира на перекрестках уложены специальные бетонные плиты со скосами. Инвалид на коляске легко может пересечь такой перекресток. Эти пандусы есть и в общественных зданиях, они закладываются в проект. У нас же такого рода технические нормы применяются и действуют только в Таллине. Кстати, там же живет группа молодых инициативных людей, которые сейчас организуют специальный центр помощи детям-инвалидам. Больше того, в Таллине создан наш коператив, который будет выпускать оборудование для таких детей — начиная с костылей и заканчивая специальной техникой, может быть, даже и колясками. Скажу кратко: одно из важных дел нашего фонда — добиться того, чтобы ребенок-инвалид перестал быть «человеком-невидимкой», стал равноправным членом нашего общества. Я бы даже слово «инвалид» отменил. Это человек, требующий особого внимания.

Уже несколько лет я переписываюсь с кооперативным товариществом молодых инвалидов «Искра». Они объединились во имя того, чтобы поддерживать морально друг друга. Они собирают рубли из своих скучных пенсий, чтобы иметь в запасе дефицитное лекарство, которое можно послать нуждающемуся деревенскому пареньку. У них есть своя библиотека, где собраны книги о мужестве, они посыпают их друг другу. Ребята выпускают свой машинописный журнал со статьями из периодики о мужестве, пускают по кругу эти несколько экземпляров, чтобы, читая, не теряли духа их товарищи...

И мы очень основательно будем заниматься проблемой детской инвалидности. Фонд собирается построить несколько санаториев для маленьких инвалидов. Мы ведем переговоры с зарубежными фирмами и советскими организациями о строительстве таких санаториев — как совместных предприятий — на самом современном уровне. Не хочу сейчас предвосхищать всего, что будем делать. Лучше сделать, а потом сказать. Слишком много обещаний давали мы нашим детям в прежние времена.

И еще об одном. К стыду нашему, на задворках общественного внимания до недавней поры оставались те, чье детство просто не состоялось. Я имею в виду бывших малолетних узников фашистских концлагерей. Кто должен позаботиться о них, о восстановлении социальной справедливости к жертвам фашизма — детям? Или, скажем, об адаптации малолетних правонарушителей? Или о судьбах детей, чьи родители погибли, выполняя свой служебный долг, либо стали жертвами трагедии Чернобыля, морских, железнодорож-

ны мы пойдем дальше. Уже сейчас мы получаем массу предложений о расширении сферы действий и десантов, и специальных доверенных врачей детского фонда, включить в «зону риска» многие территории Российской Федерации. Кроме того, мы активно содействуем процессу передачи зданий упраздненных министерств и ведомств, бывших особняков и зон отдыха «высоких гостей» под региональные центры охраны здоровья детей, санатории для маленьких инвалидов. Один из таких дворцов мы получили, например, в Баку. Планируем создать Всесоюзный центр детского здоровья, Институт детской неврологии и психиатрии. В плотную приступили к созданию Всесоюзной ассоциации «Семья и здоровье». В общем, мы убеждены, что сохранение детской жизни не может быть только задачей медиков. Это забота народа.

Я привел лишь три примера крупных, долговременных, социально важных, на наш взгляд, акций и инициатив детского фонда, чтобы еще раз трижды подчеркнуть: забота о детстве, его физиче-

ных катастроф? Наверное, и мы, фонд. Что-то у нас уже выстраивается. Так, например, создан Союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей, активно действует его совет. Но много дел впереди.

Год практической работы детского фонда не только подтвердил правильность выбранных приоритетов, но и сделал многие болевые точки детства яснее, четче, выявил немало новых задач — неотложных и перспективных. Одна из них — создание Института детства Академии педагогических наук и Советского детского фонда. По нашему глубокому убеждению, Институт детства должен стать многоцелевым научным учреждением, комплексом «НИИ — вуз», где бы органично сочетались фундаментальные теоретические исследования и прикладные науки с функциями высшего учебного заведения, включая переподготовку педагогических кадров. Словом, высшая цель, которую преследует детский фонд, состоит в том, чтобы реализовать идею триединой защиты детства: медицинской, психолого-педагогической и правовой, чтобы выпускники института были не только исповедниками милосердия, наставниками детей, но и практическими их опекунами и попечителями. Вполне возможно, что предоставление таких функций потребует изменения законодательства.

За каждым нашим шагом следят миллионы глаз. Люди смотрят телепередачи, читают газету «Семья», сопререживают и откликаются на полученную информацию. Почта фонда стала важным каналом обратной связи. Более восьми тысяч лисем поступило к нам, в приемную фонда пришли три с половиной тысячи граждан. Кто-то просит помощи, кто-то предлагает ее, кто-то делится мыслями, кто-то требует вмешаться в конфликтную ситуацию, а кто-то просто нуждается в конкретном слове сочувствия.

Нам очень нелегко справляться с таким потоком писем и посетителей, тем более что живем мы в тесноте и обиде, в нескольких крохотных номерах гостиницы «Юность», но стараемся, чтобы ни одно письмо, ни одно заявление не осталось без ответа, просьба — без помощи.

Трудное это дело. Нередко письмо — это чьи-то многолетние хождения по мукам, и за помощь в детский фонд автор обращается как в последнюю инстанцию. Да и вопросы не из легких. Сумеем ли помочь, если все другие «инстанции» не смогли или отмахнулись? Ведь мы далеко не всесильны. К тому же живем в условиях перевернутой этики. Обращаясь с просьбой помочь человека к первому секретарю обкома партии, а отвечает тебе чуть ли не горкомхоз. Пишешь министру, отвечает зам. начальника главка. Вот так пока что относятся чинуши к детскому фонду, и это правда, товарищи, печальная, но реальность.

За строкой многих писем ощущается бездушное отношение к проблемам семьи, особенно многодетной. Просьбы о содействии в улучшении жилья, сохранении здоровья детей — в каждом пятом письме. Идеи семейного детского дома, требования об упрощении существующих инструкций по вопросам опеки и усиливления высказываются почти в половине писем. Такое единомыслие людей не может не радовать. Слышатся, конечно, и равнодушные, и злобные письма, но бог им судья. Я же хочу сказать спасибо всем, кто милосерден, добр, исполнен веры в то, что наше дело правое. Детство нуждается в нашей защите, в нашей помощи. Нужен конкретный адрес? Пойдите в любой детдом, интернат, Дом ребенка, детскую больницу, в многодетную семью. Загляните туда и увидите: везде нужны ваши руки, ваше сердце.

В одном я уверен: вместе у нас хватит сил решить любую проблему. Но только вместе, ибо мы выбрали Детство — этот беззащитный, слабосильный и еще не познанный мир.

МЫ ГЛУХИ ПОТЕЧЕНИЮ

Размышления бывшего бюрократа

Анатолий БЛЮДИН,
кандидат философских наук

Десять застойных лет я был тем, кого так страстно обличают сегодня, — «комсомольским аппаратчиком», одним из «винтиков» административно-командного механизма. Тогда, в апреле 1970 года, когда из комитета комсомола политехнического института меня выдвинули на работу в Ульяновский обком ВЛКСМ, я не мог предположить, что через пятнадцать лет автоматически буду зачислен временно в так называемую бюрократию, а на XX съезде комсомола о нас скажут приговорной строкой: «Ничто не нанесло большего ущерба авторитету комсомола, чем перерождение части комсомольских кадров». Велик соблазн ухватиться за спасительное «часть кадров», уговорить себя, что это про других, что сам-то ты устоял...

А начинались семидесятые на ноте искренне высокой и торжественной. Страна отмечала 100-летие со дня рождения В. И. Ленина. Лейтмотивом праздничной атмосферы была мысль о торжестве ленинских идей. Для большинства из моего поколения это воспринималось без всякой натяжки. Короткий, очищающий всплеск общественной активности 60-х годов дал свои оптимистические результаты. В Ульяновске за пять лет создали ленинскую мемориальную зону. Город молодел — сносились последние бараки, на их месте вставали микрорайоны высотных многоэтажек, строились новые фабрики и заводы. В соседних областях набирали полную мощь автомобильные гиганты. И везде слышался звонкий голос комсомола. На Всеобщие стройки каждый год отправлялись ударные отряды. Их провожали митингами, красивым вокальным кумачом, песнями. Печать оповещала нас о новых победах и настойчиво внушала мысль о том, что все достигнутое связано с именем «выдающегося деятеля современной эпохи Л. И. Брежнева...».

Когда-то К. Маркс весьма тонко подметил одну особенность: исторические события и личности повторяются: «первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса». Так и произошло. Если живущие в тридцатые — сороковые в массе своей искренно верили, что именно Сталин своей мудростью обеспечил строительство социализма (и эта вера стала личной трагедией миллионов), то в семидесятые вряд ли кто-либо, обладая просто здравым смыслом, продолжал верить в «сверхпрозорливую мудрость» Л. И. Брежнева. Да и как в это можно было поверить, если в повседневной жизни миллионы людей видели вокруг себя то, что противостоящим духу социализма — коррупцию, протекционизм, пьянство, халтуру? И все это под туманной завесой изощренной социальной демагогии.

Вера рушилась. Считать, что в атмосфере безверия только усилиями комсомола можно было защитить социалистические идеалы в сознании молодых, — наивно. Но тогда ни я, ни большинство моих коллег так не считали. Мы еще верили, что ведем молодежь за собой. С трудом, но обеспечивали приток пополнения в комсомол, упорно вели каждодневную заведомо проигранную «войну» с тысячами выбывших и не ставших на учет; выполнялись проценты охваченных, включенных, участвующих... Вот это «с трудом» и становилось самым сильнодействующим лекарством, помогавшим прозрению.

Умеющий и желающий видеть и слы-

шать невольно задумывался о происходящем. Но начиная мыслить критически, ответов чаще всего не находил. Объективно мы и не могли найти эти ответы. Собственных знаний не хватало, теория не спешила срывать покровы с «тайны» внутрисоюзных, политико-правовых, идеологических изъянов комсомола. Ну, а у старших товарищей, наставников из партийных комитетов не было возможности заниматься молодежью. Три года я избирался кандидатом в члены бюро Ульяновского обкома КПСС и видел, как сложно было сводить концы с концами в разрушавшемся экономическом механизме. Хозяйственные вопросы «выжимали» всю энергию. А на пленумах, активах, семинарах нескончаемо обсуждались задачи, «вытекающие» из книг, речей, выступлений Л. И. Брежнева... Так что в своем осознании кризиса комсомольские работники остались наедине с собой.

Свое избрание в комсомольские органы я воспринимал как доверие партии. Перед пленумами райкома, обкома ВЛКСМ со мной беседовали партийные работники, они же потом и предлагали мою (единственную) кандидатуру на выборах. К тридцати годам я уже прочно усвоил, что формула «Есть мнение» всецельна. Б. Н. Пастухов, первый секретарь ЦК ВЛКСМ в те годы, окончательно убедил меня в этом. Перед пленумом обкома он в личной беседе откровенно заявил, что в Секретариате ЦК моя кандидатура на должность первого секретаря обкома ВЛКСМ воспринята без восторга, но после короткой паузы добавил, что мнение Ульяновского обкома партии не будет оспаривать.

Не знаю, почему в ЦК комсомола без особого желания утверждали меня на новую должность, но это в принципе не имело большого значения: решали не там, а здесь, на месте, в аппарате обкома партии. Комсомольское слово и тут было вторичным.

Процедура «собеседования» в те годы относилась к разряду исторически сложившихся неписанных правил. По своей сути, она была «технологическим» моментом партийного руководства комсомола. Каждый год тысячи инженеров, агрономов, учителей становились комсомольскими работниками. Что потом, после комсомольской работы ожидало их? Практика предшественников подсказывала, что подавляющая часть выдвигалась на должности, входящие в номенклатуру партийных органов.

Следовательно, начало и конец комсомольской работы «отмерялись» в партийных комитетах. Конечно, при этом учитывалось, как ты работаешь с молодежью, но фактически решение принимал партийный комитет. Тысячекратные призывы быть ближе к молодежи, жить в ее гуще оказывались бесполезными перед очевидной истиной — твое будущее зависит не от мнения комсомольцев, а от партийных руководителей.

В наследство от своих предшественников мы получили негласный закон — табу на обсуждение проблемы партийного руководства комсомолом. Эта тема могла обсуждаться в комсомольской теории только в положительном аспекте, а на практике понималась как возможность просить что-то в партийных органах.

Сегодня кто-то может задать нам вполне резонные вопросы: почему мы не воспользовались своими уставными правами членов партии и не предупредили партию о серьезных бедах комсомола? Почему, вместо этого с трибун комсомольских пленумов (от ЦК до райкома) мы бодро произносили слова-заклинания о том, что молодежь, комсомольцы «каждым прожитым днем, каж-

ИНСТИТУТ МОЛОДЕЖНЫХ ПРОБЛЕМ

дым ударом сердца...» ответят на забо- ту партии и выполнят поставленную за- дачу? Только ли потому, что каждый хотел устроить свою карьеру? Только ли потому, что это хотели услышать отставшие от времени партийные руководители, сидящие в президиуме? Или это было проявлением массового затмения здравого смысла? Ответы на эти вопросы нельзя найти только в анализе событий 70-х годов, они имеют свои корни в далеком прошлом.

Когда я в конце своей комсомольской работы впервые прочитал резолюцию VI съезда РКП(б) «О союзах молодежи», мне стало страшно. «Вмешательство партии в организационное строительство рабочей молодежи не должно носить характера опеки над ней... партия... должна стремиться к тому, чтобы рабочая молодежь создала самостоятельные организации, организационно не подчиненные, а только духовно связанные с партией».

Задолго до нас большевистский принцип в отношениях между партией и комсомолом был предан забвению. О какой организационной самостоятельности ВЛКСМ можно было говорить в наше время, если любой вопрос своей жизни комсомол мог решить только при помощи старших!..

Жизнь постоянно учила комсомольского работника — без парткомов ничего не сделать. Существующая модель административно-командного управления с партийной поддержкой создавала лишь иллюзию воздействия на молодежь. И происходило это не по вине каких-то отдельных комсомольских или партийных руководителей — все это стало следствием несовершенства всей политической системы общественной жизни. Тезис «Комсомол — боевой помощник и резерв партии» стал означать то, что деятельность ВЛКСМ в абсолюте подчинена реализации государственных задач. И только какую-то незначительную часть своей энергии комитеты ВЛКСМ могли направить на решение чисто молодежных проблем, отставая и защищая интересы молодежи.

Передо мной десять одинаково оформленных книг с лаконичным называнием «Документы ЦК ВЛКСМ». В этих строках сохранилась наша повседневная работа тех лет. Большинство постановлений начинается со слов: «О роли комсомольских организаций..., о повышении роли, о повышении ответственности...» В чем и за что? В развитии общественного животноводства, в проведении зимовки скота, уборки урожая, в борьбе за режим экономики, в развитии легкой промышленности... Комсомольские организации рассматривались лишь как средство решения хозяйственных задач.

В этих сборниках документов нет постановлений по вопросам жилья молодых рабочих, по социальной помощи молодой семье, по реализации повседневных жизненных интересов молодежи. Почему? Да потому, что к 70-м годам комсомол окончательно «перепутал» цели и средства своей работы. Да, он должен был быть на передовой линии хозяйственного строительства, но не как пожарная команда или бездумный агитатор, знающий единственный лозунг «Давай, давай!» — он должен был заботиться о жизни комсомольцев, строя тем самым фундамент своей воспитательной работы.

Предав же забвению жизненные интересы комсомольцев, комитеты ВЛКСМ не могли опереться на их инициативу и заинтересованность и, чтобы поддержать видимость своей «организационной мощи», вынуждены были взять на вооружение административно-командный механизм управления, защищенный не собственной силой, а политico-правовым авторитетом партии.

После чего был неизбежен и следующий шаг — в формах своей организационной и идеологической работы комсомол начал дублировать партию. Сложилась фактически одинаковая структура первичных организаций и выборных органов, мы стремились не отстать в количестве проведенных бюро, пленумов, собраний (и проводили их в точном подобии с партийными органами). Ну, а так как интеллектуальных сил, жизненного опыта у комсомольских вожаков было меньше, то все это неизбежно превращалось в формальность.

Молодежный союз все дальше и дальше отходил от ленинских заветов о собственном почине, инициативе, самодеятельном характере, о том, что каждое новое поколение будет идти к социализму своим путем.

В семидесятые годы комсомол своих путей не искал. Но многих комсомольских работников подобное развитие очень устраивало. Мысленно связав свою будущую жизнь с номенклатурой партийных органов, они объективно были заинтересованы в переносе методов партийной работы в молодежную организацию: это позволяло им уже здесь приобретать необходимые навыки и качества партийных, хозяйственных руководителей.

Пишу «они» и ловлю себя на мысли, что сам был одним из «них», сам плыл по течению и думал: так, наверно, и должно быть...

Чуть ли не каждое второе решение ЦК принималось совместно с министерствами и ведомствами. Теоретически это обосновывалось как объединение усилий для работы с молодежью (постулат абсолютно верный!). Фактически же все обстояло иначе. Хозяйственные органы рассматривали социальные проблемы как нечто второстепенное, так же они относились и к молодежи. От совместных постановлений с ЦК ВЛКСМ их «отеческая забота» о молодежи не возрастала. Но для комсомольских работников принятие подобных решений считалось очень престижным. Еще бы — они в своем сознании как бы автоматически зачислялись в разряд высоких «государственных мужей», влияющих на решение ответственных общественных задач! Как тут не закружиться голове от собственного величия! Ну, а в такой голове обыденная жизнь избранных тебя комсомольцев начинает восприниматься делом второстепенным. Так благие намерения следовать за партией, извращенные примитивизированным толкованием сути партийного руководства, вели к дальнейшему перерождению комсомольских кадров.

И все-таки была ли возможность предотвратить застой в комсомоле раньше, до апреля 1985 года? Чтобы, отвечая на этот вопрос, не угодить в плен доказок, иллюзий, попробую пояснить, как функционировал в те годы механизм внутрисоюзной работы, то есть как применялись в жизни уставные нормы демократического централизма. Одна из них — безусловное выполнение решений вышестоящих органов, но, как это ни парадоксально, именно оно чаще всего и не выполнялось. И не в силу чьей-то личной недобросовестности или профессиональной некомпетентности. Многие постановления были изначально утопичны, объективно невыполнимы. Так, например, в реальных общественных условиях нельзя было убедить каждого молодого труженика иметь среднее образование, сдавать нормы ГТО, невозможно было решить проблемы сельской школы только шефством комсомола и т. д.

А в целом постановлений было так много, что прочитывать их успевали только комсомольские работники, да и то не все, комсомольский же актив —

главный их исполнитель — вообще оставался в стороне от этой бумажной лавины. В итоге реальная комсомольская жизнь и всевозможные директивы стали существовать сами по себе. Но зато любой комсомольский работник попадал под своеобразный «колпак» потенциальной недисциплинированности. В любой день, по желанию вышестоящего функционера, он мог стать виновным за невыполнение очередного невыполнимого циркуляра. Более хитроумного способа деморализации кадров и не придумать! Вроде все по Уставу, фактически же полный произвол «верхов», защищенный нормой о безусловном выполнении решений вышестоящего органа. Добавим к этому, что в семидесятые годы фактически комсомолом руководили не выборные органы, а его аппарат, и станет понятным, почему на XX съезде говорилось о перерождении демократического централизма в централизм бюрократический.

В такой атмосфере любая попытка противостоять «решению сверху» была бессмыслицей. Более того, она могла расцениваться как нарушение Устава ВЛКСМ со всеми вытекающими последствиями. Комсомольский работник вставал перед альтернативой: или «выбить из игры», вернуться к работе по специальности (опять же с разрешением партийных органов), или же не нарушать «правила игры», сложившиеся задолго до 70-х годов, а следовательно, имитировать кипучую деятельность в борьбе за выполнение невыполнимого. Ну, а если заниматься этим не год, не два...

Вот теперь, вероятно, можно утвердительно сказать, что предотвратить застой до апреля 1985 года было невозможно. И не из-за того, что не было честных комсомольских работников (победить то, что было заложено в Уставе ВЛКСМ, невозможно индивидуальными усилиями). Не берусь отрицать необходимость норм демократического централизма, но глубоко убежден — его правило о безусловном выполнении решений вышестоящих органов чревато незаметным превращением в закон бюрократического централизма до той поры, пока не будет отработан механизм демократической выработки самих решений. А это «тянет» за собой необходимость в новом механизме отбора лиц, которые будут готовить проекты решений, новых процедур принятия решения. Без этого вся комсомольская организация не застрахована от тупиков и кризисов, от необходимости выполнять любые, противоречие ее же собственным интересам, решения. Без этого над каждым новым поколением комсомольских кадров будет висеть угроза попасть в неумолимые жернова очередного перерождения.

«В будущем, вероятно, кто-то напишет «Историю социальной лжи» — многотомную книгу, где все эти трусливые попытки самооправдания, собранные воедино, представляют собой Аарат беспытных усилий подавить очевидную, реальную истину грудами липкой, хитрой лжи. Мещане всегда соблазняются призрачной возможностью доказать себе и всему миру, что они ни в чем не виноваты». Это писал М. Горький в начале века. Вряд ли он предполагал, что в грядущей социалистической реальности нас, современных мещан, будет так много и мы по-прежнему, только теперь уже более изощренно, будем находить тысячи объективных причин в оправдание своего социально-духовного рабства. Да, причины для послушания были. Но под одним и тем же гнетом этих причин люди вели себя по-разному.

Первый секретарь Ленинского райкома ВЛКСМ Александр Корольков был самым «неудобным кадром»: чаще всех

критиковал работников аппарата обкома. Может быть, не всегда в приемлемых формах, недостаточно аргументировано, но, как показало время, по делу — за формализм, нереальность и непродуманность принимаемых решений. Чего же он добился? Механизм обкомовской жизни от этой критики не изменился, ну, а сам Александр заработал вечный ярлык «демагога». Его не сняли с работы, не объявили выговоров, его просто чаще, чем других, критиковали на совещаниях и пленумах... и прочко держали на одном месте. Коллеги шли «вверх», становились его начальниками, слали ему новые директивы, а он был бессилен что-то изменить.

Логичный вопрос: почему же я, в ту пору первый секретарь обкома ВЛКСМ, видя, что Корольков прав, не помогал ему? Но это теперь, спустя время, могу все оценить именно так, а тогда я сам был если не винтиком, то шестеренкой того могучего механизма, отторгающего Королькова. Где-то в глубине души я сознавал, что ему надо помочь, поддерживать, но в лучшем случае — лишь смягчал критику аппарата в его адрес и убеждал себя, что аппарат прав...

С абстрактно-этических позиций А. Королькову и ему подобным сегодня можно предъявлять обвинение в том, что они свое мнение не смогли превратить в мнение большинства. Но те, кто знаком с механизмом внутрисоюзной работы, знают, что организационных возможностей для этого практически не было. Решение, принятое большинством (пусть даже пассивным и равнодушным), критике не подлежит. Да и где критиковать обком секретарю райкома? На пленум обкома? Здесь не всегда предоставят слово. В областной газете? Она орган обкома и вправе решать, что печатать, что нет. Остается узкий круг рабочих совещаний, но там на одно твое критическое замечание могут ответить десятком претензий за очередные невыполненные дела. При существующих уставных положениях меньшинство никогда не сможет побороться за свою точку зрения.

Такой организационный механизм изначально предполагает, что истина всегда, словно удар молнии, мгновенно озаряет большинство. В жизни не так. Новое всегда будет сначала осознаваться единицами. Если это новое, родившееся в сознании меньшинства, искусственно сдерживают, то приходит ждать, когда дела зайдут в тупик и элементарный здравый смысл большинства признает нецелесообразность старого.

Что проку в том, что прогрессивные идеи реабилитируются временем? Дело-то уже не поправишь. А те, кто боролся за новое, и те, кто противостоял ему, автоматически становятся в один ряд «коллективно прозревших», и попробуй теперь разберись, кто из них поборник прогресса. Те, кто в свое время держал А. Королькова на «коротком поводке», и сегодня стоят выше его по служебной лестнице и теперь учат его, как лучше и быстрее перестраиваться. Причем многие из них, подобно горьковским мещанам, свято верят, что лично они за эпоху застое виновны не несут, ведь они были в «большинстве».

Сегодня пресса активно обсуждает проблемы правовых и политических гарантов перестройки. Нужны такие гаранты и комсомолу. Горький опыт прошлого научил, что, защищая прогрессивное, нельзя уповать только на нравственную силу какой-то группы людей. Моральная стойкость оказывается небеспределной, особенно когда ты в рядах «меньшинства» под незаметным, но каждодневным прессом тех, кто присвоил себе право выступать от имени большинства. Нужны новые, продолжающие линию XX съезда ВЛКСМ изменения в политico-правовых, уставных основах жизни комсомола.

Какие? Этот вопрос, на мой взгляд, должен стать предметом обсуждения.

Так рождается «Снежинка».

На обсуждение — пять минут. (В центре зам. бригадира Эсан Марунов)

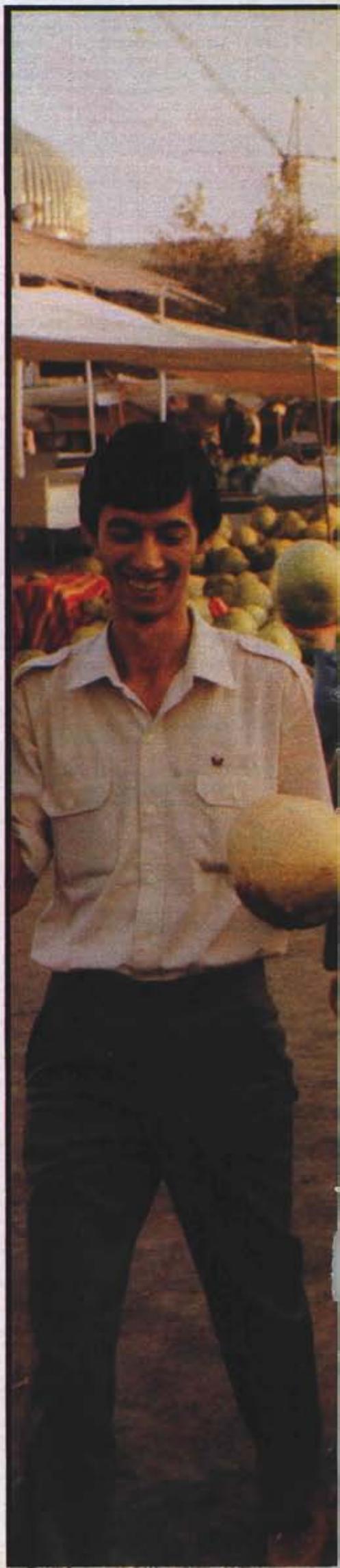
Вроде могли бы перейти на полный хозрасчет уже в этом году, но знают, не готовы, понимают, что прежде, чем сделать рывок, необходимо подтянуть «тылы».

Ведь бригада сотнями нитей связана со всем заводским производством.

Можно, конечно, напитать конвейер для передового КМК необходимым количеством деталей, и технически оснастить, и обеспечить инженерной, экономической поддержкой, только кому нужен такой вот «малый» хозрасчет?

Если только для отчета, для рапорта...

Ребята никогда не пойдут на это. Невыгодно заводу, значит, невыгодно им...

НЕ УНИЖАЙ СЕБЯ ПЛОХОЙ РАБОТОЙ

Леонид КОСТИН,
Валерий ЛОКТЕВ

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Конвейер дернулся, прошел еще метра два и остановился. Третий раз за неделю.

Не было защелок — маленькой пластмассовой детали. Из-за этого застопорилась работа бригады, смены — всего сборочного цеха. Тогда и решили: сколько можно ждать, уоваривать, не пора ли спросить с тех, кто делает эти защелки. Пусть они прямо скажут, сколько времени еще нервы мотать будут?

Всей бригадой двинулись в цех пластмасс...

В одиннадцатой пятилетке Самаркандский завод холодильников — головное предприятие ПО «Электротимаш» — успешно завалил план почти по всем показателям. О его продукции шутили: хочешь дыню высушить, покупай «Снежинку».

Сотни, тысячи холодильников покидали на заводском складе, в магазинах. Торговля отказывалась принимать их. Но в ту пору руководителей завода это особенно не беспокоило. Знали: «сверху» нажмут, торговля примет, нигде не денется. «Телефонное право» действовало безотказно. Два раза в месяц рабочие расписывались в платежной ведомости, администрация получала премии, превышающие оклады, а те, кто не знал о «чудодейственных» свойствах «Снежинки», выкладывали двести с лишним рублей за брак.

Изредка завод критиковали. Наезжали комиссии. Но, видимо, повышенная температура узбекского гостеприимства вполне компенсировала отсутствие холода в морозильных камерах «Снежинки». Убытки благополучно списывались. И если бы самарканцам в ту пору кто-то сказал, что всего через тричетыре года холодильники, сработанные здесь, в центре Средней Азии, станут дефицитом, престижной покупкой в Ленинграде и Варшаве, Кракове и Донецке, Хабаровске и Баку, его приняли бы, мягко говоря, за фантазера.

Это сейчас, оглядываясь на то время, мы иронизируем, но мастер Юнус-ака — на заводе он полтора десятка лет — сказал с горечью: «Стыдно было, я в махалле никому не говорил, где работаю. Мне бы в глаза аксакалы сказали — не унижай себя плохой работой...»

Уверены, стыдно было не одному Юнус-ака. Но в годы нравственной атрофии, процветания теневой экономики, когда хозяйственную, духовную жизнь республики определяли рашидовы и одиловы, а Самарканд вообще был зоной вне критики, большинству оставалось лишь уповать на то, что «стыд не дым, глаза не выест».

Какой счет? В нашу пользу!

Самаркандский базар... Разве минуешь его?!

ЖИВ

В беседе нашего специального корреспондента Сергея Каленикина с доктором философских наук Масхудом Джунусовым, опубликованной в № 9, шла речь о проблемах межнациональных отношений. Этот разговор продолжили читатели.

Полученные письма — о наболевшем. Не все они стилистически гладки, бесспорны, но все — откровенны.

Не с каждым читательским выводом можно согласиться, но спорные мысли, противоречия не должны отталкивать нас друг от друга. Это стало особенно очевидным после событий в Нагорном Карабахе и Ереване. Мы не только видим и откровенно говорим об извращениях ленинских норм и принципов национальной политики, но, в сущности, уже располагаем обширной программой по преодолению допущенных ошибок, развитию демократии в национальном вопросе — программой, выработанной XIX Всесоюзной конференцией КПСС.

Разумеется, конференция — не подведение итогов, а начало большой совместной работы. А дел непочатый край. Об этом и пишут наши читатели.

Я недавно переехала на родину мамы — в УССР. Родилась и жила в РСФСР. Украинский бытовой язык я понимаю, а литературный письменный и произношение — это моя трагедия... Несмотря на скучность денежных средств, я занимаюсь украинским с учителем (пенсионеркой), но, увы, результат пока не виду. Я могла бы и сама одолеть язык, но нет специальных книг, грамматик, словарей... Я написала об этом в республиканские партийные газеты, и мне посоветовали репетитора. А где найти опытного и недорогого (?) репетитора?

Я предложила бы в каждой республике (национальном округе, автономной области) выпускать журнал с грамматиками для изучения национальных языков. На кооперативных начальниках открываются курсы (очные и заочные)... У меня есть много дальних предложений, но кому (?) они нужны?

С первого класса моя дочь имеет только хорошие оценки по украинскому языку, перешла уже (с отличием) в четвертый класс, а языка толком не понимает... Что делать в этой ситуации?

Т. КОЛОВОРТНАЯ,
Житомир

Нужна регулярная передача на ЦТ, которая знакомила бы с жизнью, культурой, историей, современными проблемами всех советских республик народов. Хорошо, если бы тот или иной месяц проходил в стране под знаком какой-то республики. Допустим, июль провозглашается месяцем Латвии, август — Грузии и так далее. Эти нехитрые мероприятия позволят лучше понять другие народы.

Владимир ЗАБЕЙВОРОТА,
20 лет,
Петропавловск-Камчатский

Весной 1985 года генеральным директором объединения стал Виктор Чжен, самобытно думающий инженер с хорошей экономической подготовкой, большим опытом организаторской работы. Чуть раньше в сборочный цех завода оформился слесарь Эмашук Касымов. Что сказать о нем? Тридцать лет, коммунист. Внешне спокоен, даже чуть суховат. А в глазах — открытость, дружелюбие.

Только ли счастливым случаем можно объяснить, что на предприятие, переживающее глубокий, затяжной кризис, пришли почти одновременно два неординарных работника — директор и бригадир? И в других городах, на других предприятиях образовывались в ту пору такие вот связи — единомышленники находили друг друга, чувствуя свою правоту, силу.

Интуитивно, на ощупь искали на первых порах выход из кризиса Чжен и Касымов — каждый со своей стороны. Прошлый опыт в чем-то помогал, но не он был решающим в перестройке. Новое не скроишь по старым лекалам. И далеко за полночь засиживался Чжен в директорском кабинете, обдумывая завтрашний, послезавтрашний день завода, а Касымов после сменышел в заводское общежитие, и за неторопливым чаепитием взглядался, вслушивался в ребят, подыскивая тех, кто станет первой комсомольско-молодежной бригадой сборочного цеха. Не «бумажной», как прежде (их-то на заводе было около десятка), а действенной, реальной силой перестройки.

Они — директор и бригадир — не сулили «золотых гор». Говорили: будет трудно, но ни один бракованный холодильник с завода не выйдет. Заработок — по конечному результату, по реализованной продукции. Кто чувствует, что не справится, что такой поворот не по нему, может уйти.

— Уходили, — вспоминает Виктор Анатольевич, — особенно в первые месяцы. Но, знаете, немногие. Большинство тянулись к нормальной, честной работе. Стосковались по ней...

Пожалуй, впервые за два десятка лет, что существует этот завод, сами рабочие начали вести счет, соединив в неразрывную нить время, ресурсы, деньги. Призыв к экономии и бережливости, еще вчера отлетающий от слуха и души, нынче обрел смысл, и вес.

Те же защелки валялись возле конвейера, под ногами — хоть бы кто нагнулся?

— Я по-настоящему поверил в перестройку у нас в цехе, в бригаде, когда увидел, как сборщик Сагдулла шайбы с пола поднимает и аккуратно складывает размеш к размеру. — Бригадир Касымов смотрит выжидательно: поняли мы его?

Переход на бригадный подряд — ступень к полному хозрасчету — дался не сразу. Не все выдерживали нагрузки — и физическую, и психологическую. И здесь уместно будет привести рассказ одного из членов комсомольско-молодежной бригады.

— Я в бригаду почему пошел? Говорили, заработать можно. А десятка-другая никогда лишней не бывает. И потом там молодые ребята, мои сверстники собрались. Ну, Эшамкул не возражал, сказал только: не подведи. Я спросил насчет денег, он улыбнулся — как работать будешь. Первый, да и второй месяц вышло неплохо. Трудно давались эти рубли: каждые полторы минуты с конвейера холодильник сходит. Не выдержал, махнул рукой на заработки, в другой цех перешел. И поначалу вроде доволен был — спокойно, не надо на конвейере «свой» холодильник доделывать. А потом заскучал... Короче, вернулся в бригаду. Спасибо ребятам, поверили, взяли. Скажу так: работа впол силы — не работа. Я не о деньгах... У нас каждый знает — бригаде без него нелегко будет, а я понял — мне без бригады уж точно не обойтись.

Верно аксакалы говорят: кто ветер на скакуне обгонял, на ишака не сядет.

О любопытном случае рассказал руководитель участка госприемки сборочного производства Хуршед Туракулов.

— Как-то нас на браке поймал рабочий с конвейера, молодой парень. Подошел и говорит: «Слушай, три дня мукаешь, никак не пойму, на какой же операции получаем царгину на испарителе?» А царгина-то почти не видна невооруженным глазом. Еще год назад, уверен, на нее никто и внимания не обратил бы...

Чтобы точно спланировать завтрашний день, необходимо разобраться во вчерашних ошибках. И тут на первый план выступает понятие качества. Качество продукции, качество работы, качество производственных, людских отношений. Сколько их было — старательно незамечаемых «царгин». Да что там на испарителе — на душе, на судьбах!

Фанфарное «посвящение в рабочие», что еще вчера умиляло многих — и нас, журналистов, тоже — нынче выглядело бы по крайней мере нелепо, если не подкреплено реальной потребностью и возможностями производства, заинтересованностью предприятия. Знаем, было и такое: гасли прожектора, смолкали аплодисменты, а ребята, которым прилюдно вручали красочные удостоверения, на следующий день неприязненно мотались по цеху, не зная, чем заняться. Новых, современных станков не хватало и для кадровых рабочих...

Лет пять назад выпускной класс одной из подмосковных школ дружно решил — пойдем работать в колхоз. Во всяком случае, так отрапортовали по инстанциям городские руководители народного образования и комсомола. На деле все выглядело иначе: лишь одна(!) девушка пошла в доярки. Одна из тридцати шести выпускников.

И остальные, конечно, выбрали свой жизненный путь — стали студентами, рабочими, строителями. Но начали они путь этот с обмана. С обмана санкционированного, поддержанного взрослыми — учителями, наставниками. Не «загноится» ли когда-нибудь эта «царгина»?

И генеральный директор Чжен, и бригадир Касымов — реалисты. Они понимали и понимают, что перестройка требует конкретных действий, результатов. Но, естественно, «угол зрения» на проблемы, в том числе и внутризаводские, деловой охват этих проблем разные.

Трудовой коллектив завода, сделав нынче кругой поворот, не вышел пока на ровную дорогу. Хватает рывков, ухабов. Притягиваясь к язычкам стали смежники. Самарканцы недополучают металла, пластмассу. До сих пор Минхимпром не может предложить теплоизолятор, соответствующий мировым аналогам. Да и межцеховая цепочка нетнет да и не выдержит испытаний на разрыв.

В тот раз, когда установился конвейер из-за нехватки защелок, бригада добилась своего — деталь пошла на сборку. Но на десять холодильников меньше собрали ребята за смену. И сколько же еще раз им придется идти на другой производственный участок, требовать, наставлять...

Сегодня на заводе трудятся полторы тысячи человек. Шестьсот — в возрасте до 30 лет. Коллектив заметно омоложился. В цехах приходят выпускники школ, получившие специальность в межотраслевом учебно-производственном комбинате.

В сложное время они начинают свой трудовой путь. В сложное, но не обманное...

В бригаде Касымова 37 человек. В условиях хозрасчета четверо должны будут уйти.

Кто же окажется «лишним»?

Ситуация, прямо скажем, непростая. Как проявится в ней ребята? Возникнет ли отчужденность, недоверие, зависть? Не исчезнут ли взаимовыручка и сердечное расположение друг к другу?

Вопросы непраздные.

Уходить из бригады, где работа в ра-

боте, где труд оплачивается не только хорошо, но и справедливо, не хочется. Да и невыгодно: теряешь в заработке, да и в глазах окружающих ты уже не тот — не сгодился, значит, для бригады Касымова, лучшей на заводе. Как меняется твой социальный статус.

Нет, что ни говори, тут как по живому резать. Оттого и мучается бригадир. Хотя понимает: те, кто покинет бригаду, привнесут и в другие коллективы (а ни один из них с заводом не расстанется, это — твердо!) желание да и умение работать с «первого предъявления», что характерно для нынешнего КМК. Но как у поэта — «и все же, все же, все же...»

Хусейн Эгамбердыев служил в Афганистане, связист. И здесь, в бригаде, он «связывает» характеры, настроения, скаживает душевые перепады друзей, когда шуткой, острым словом, а когда и по-армейски, жестким, прямым подходом к ситуации.

Бригада, как взвод, — все вместе, все заодно. Мне такая работа по душе. Я вот думаю, почему так здорово нам работает. Тепличных условий никто не создает, преимуществ никаких, та же инструменты, та же пластмасса, что у соседей. Но нет разрыва между экономикой и человеком: не получаем рубль — зарабатываем...

Вроде могли бы перейти на полный хозрасчет уже в этом году, но знают — не готовы, понимают, прежде, чем сделать рывок, необходимо подтянуть «тылы». Ведь бригада сотнями нитей связана со всем заводским производством. Можно, конечно, напитать конвейер для передового КМК необходимым количеством деталей, и технически оснастить, и обеспечить инженерной, экономической поддержкой, только кому нужен такой вот «малый» хозрасчет? Если только для отчета, для рапорта...

Ребята никогда не пойдут на это. Невыгодно заводу, значит, невыгодно им. И в планировании, и в распределении заработанных средств.

Так разумно ли поступает министерство, спуская заведомо завышенный объем выпуска: сто девяносто тысяч холодильников в год? Ведь уже сейчас самарканцы подняли «планку» со ста сорока до ста семидесяти тысяч «Снежинок». Вот и закрепиться бы! Но штаб отрасли привычно диктует: «от достигнутого!..»

И еще циркуляр: из прибылей, заработанных коллективом с таким трудом и уже расписанных на самое насущное — реконструкция цехов, жилье, подсобное хозяйство — изымаются вдруг в приказном порядке три миллиона рублей. Что это? Экономическая «продразверстка»?! О какой же рабочей самостоятельности можно тут говорить?..

Все это, конечно, волнует ребят. Сопрягают свои заботы и нужды с общезаводскими, они ясно видят взаимодействие прямой и обратной связи: бригада — цех — завод.

Не к рекордам стремятся — другое волнует их, другое важно. Подтянувшись бы вплотную остальные КМК, а за ними — другие бригады, цехи. И смежники, и поставщики. Да не только в отрасли. Стране, людям и мебель нужна, и одежда, и обувь...

У нас свадьба субботу, приходите, — Зульфия Хамракулова — тоненькая, синий халатик, зеленый свитерок — смотрит на нас, улыбается.

О предстоящей свадьбе мы уже слышали. Жених — Яша Ахмедов, работает в этой же бригаде. Зульфия познакомилась с ним в цехе: служебный роман, шутят ребята.

Мы были бы рады побывать на свадьбе, но уже лежали в кармане билеты на Москву... И нам оставалось только пожелать завтрашним молодоженам самого лучшего.

— Ok уйол, — как говорят здесь, — счастливого пути!

И этого же мы желаем бригаде Касымова. Путь у нее нелегкий. И добрые пожелания не будут лишними.

Я ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

Беда в том, что наш язык и культура находятся вне закона. Их надо конституционно узаконить. Имея такой закон, мы не дошли бы до того, что на Украине позакрывали украинские школы... В газетах «Правда», «Известия», в журналах специалисты толкуют о демократическом выборе. Что мы, родители, можем выбрать, если в городах нет школ с преподаванием на родном для наших детей языке? Я уже не говорю о тех украинцах, которые проживают в Ростовской, Белгородской, Воронежской, Амурской областях, Приморском крае...

Нам нужно дружно жить под одной крышей без дырок и течи. Как решать вопросы перестройки, не решив национальный вопрос? Мы отчетливо понимаем: язык — это нация. Нет языка — нация мертва.

В. ЗАХАРЕНКО,
молодой преподаватель
университета,
Харьков

Возможно, мое письмо поможет в открытой дискуссии по теоретическим аспектам национального вопроса.

Для каких целей в нашем социалистическом обществе требуется определить национальность каждого человека? Для статистики? Но это делается при проведении переписи населения, причем обезличенно.

Что такое национальность человека? Принадлежность к нации, народности, этнической группе? В словарях, в том числе и в философском, даже в Большой Советской Энциклопедии, этого слова просто нет!

Как объективно определить национальность человека? По национальности родителей? Но национальность не биологическая (как раса), а историческая категория и, следовательно, по наследству не передается, а формируется в результате воспитания. По родному языку? Но он зачастую не совпадает с официальной национальностью. По паспорту я еврей, но ни слова не знаю ни на «иврите», ни на «идише», ни на «жаргоне». Как поступает милиция при выдаче паспортов? Если родители одной нации — тут все понятно. Если разных — получатель паспорта выбирает сам. Если же национальность родителей неизвестна, то и в этом случае все решает желание молодого человека, его национальное самосознание. На мой взгляд, последний способ — единственно правильный для всех случаев.

Но в принципе зачем вообще указывать национальность в паспортах и других документах? М. Джунусов говорит, что «со временем... национальность из паспорта исчезнет. Пока к этому люди еще не готовы». Но осталось без ответа прямое предложение журналиста: «Национальность указывать по желанию человека». Ведь такой порядок соответствовал бы мнениям и тех, кто считает нужным оставить в паспорте национальность, и тех, кто так не считает, тем более что информацию о национальности человека запрещено исполь-

зовать для предоставления каких-либо привилегий или установлений ограничений. Для чего же такая информация нужна?

С искренним уважением,
ХАЗАНОВ Лев Ефимович,
Герой Социалистического Труда,
Москва

С болью в душе откликаюсь на материал «Живя под одной крышей». Не спорю, в нем есть очень много правильного и важного. Но как понимать это: «Со временем, конечно же, национальность из паспорта исчезнет». Только человек, ненавидящий свою страну, свой народ, может пойти на упразднение национальности. Это своего рода репрессия по отношению к любому народу. Да какое вы имеете право об этом даже рассуждать? Ведь что получится? Исчезнет национальность — и ничего у человека не останется — ни культуры, ни жизни, ни нации, ни Родины! Вы понимаете — Родины! И как личность он не состоится!

Советский человек прежде всего является Гражданином своей республики, а уж потом — Гражданином СССР. А братство народов СССР — это братство национальностей, братство людей, имеющих свое лицо, свою культуру.

ПАРВОЯ,
студент, Ленинград

Я чистокровный армянин. Учусь в русской школе. В нашем классе много ребят разных национальностей. Поверьте, мы дружны, хотя всяко бывает... В школе мы изучаем и русскую, и армянскую литературу. Скажу откровенно, у меня есть предрассудки по отношению к мусульманам, но я хочу искоренить их, ибо отлично знаю, что у любого народа есть и плохие, и хорошие представители. И из-за одного, допустим, идиота армянина, который где-то натворил дел, мне приходится краснеть. Но один армянин — это еще не Армения. А отчего бывают предрассудки?

Я лучше знаю историю города Великого Новгорода, чем, допустим, Риги или Кинешмы. Мы проводим телемосты Москва — Лондон, Москва — Сингапур и т. д. Это, конечно, интересно. Но был ли когда-нибудь телемост между жителями Еревана и Москвы, Ленинграда и Ташкента? Странно звучит, правда? Нам кажется, что мы достаточно знаем друг друга, у нас одинаковые суждения о политике, говорим о братстве народов, а потом удивляемся, что в Алматы беспорядки, в Сумгите убивали армян, в Ереване не работали предприятия...

Да что там говорить, когда в Новокузнецке один мальчик спросил меня: а у вас, армян, деньги такие же, как у нас?.. А пожилой человек вел беседу со стариками на лавочке и уверял, что армяне — мусульмане...

В учебнике по истории очень мало написано о союзных республиках, об их истории, культуре. В прокате мало фильмов, сделанных на киностудиях союзных республик. В 8-м классе я вел дневник просмотренных фильмов. Из

28 советских фильмов был лишь один армянский — «Танго нашего детства». Кстати, 8-й класс я проучился на Кубани. Обидно, когда о моей нации понятия не имеют и называют нас грузинами. Какая, мол, нам разница: все кавказцы — грузины. Из-за этого часто спорится, дрались. Все было!

Каждый год 24 апреля армяне отмечают всенародным трауром день геноцида 1915 года. ЦТ, пресса ни одним словом об этом не обмолвились, а вот о геноциде в Камбодже сообщалось многократно.

Карен АНКЕЗ,
Ереван

Представьте, историю Азербайджана в системе ПТУ мы изучаем всего 36 часов. И никто не возмущается. Недоверчивость в национальных отношениях раздражает. Претензии армянских граждан к нам имеют давнюю историю. Начиная с 40-х годов азербайджанцы, живущие на территории Армении, уезжают с родных земель. Об этих фактах молчат. Кому-то неудобно. Кому? Я не хочу поднимать дискуссию о том, что в национальных отношениях является самым важным. Хочу сказать одно: не надо проблемы одного народа решать за счет интересов другого. Это безнравственно.

Я не националист. В нашем роду есть армяне, евреи, русские и азербайджанцы. Мы как жили, так и будем жить — хорошо, мирно, с уважением друг к другу. Но скрывать историю нельзя. Нужна правда.

Аслан ШАФИЕВ,
преподаватель истории
СППУ № 66,
Баку

Важнейшее требование, которое предъявляется к освещению проблем межнациональных отношений — это объективность, выверенность суждений и оценок. Подлинно научному освещению национальных процессов претят всякого рода натяжки и передержки, необоснованные суждения о слиянии наций и народностей, произвольное цитирование классиков марксизма-ленинизма, голословные рассуждения о минимизации русификации и дерусификации, о разгуле национализма. Как это ни печально, но именно эти качественные отличаются некоторые выступления и высказывания по проблемам национальных отношений. Читая их, можно прийти к выводу, что главная задача, которую ставят перед собой авторы, состоит в том, чтобы отыскать возможно большее количество недостатков и на этой основе вешать о невозможности решения тех или иных вопросов, возникающих в процессе совершенствования национальных отношений. Беседе корреспондента «Смены» с М. С. Джунусовым как раз чужда предвзятая критика, которая черпает свои доводы не в научном анализе национальных отношений, а в субъективном произволе, откровенной тенденциозности.

Несправедливое отношение к некоторым нациям и народностям тесно связано с культом личности Сталина, когда были пограны элементарные права советских людей, включая предательства легло на целые народы. Но мы забываем порой, что простые труженики Узбекистана, Киргизии, Казахстана, куда были высланы крымские татары, чеченцы, ингушеты, калмыки, карачаевцы, не бросили их в постигшей беде. Так, например, узбеки делились с переселенцами кровом, помогали обзавестись хозяйством, т. е. приняли их в свою семью. В этой ситуации узбекский народ проявил подлинный интернационализм. Сегодня в республике работают известные писатели и поэты, ученые и педагоги, врачи и инженеры из числа крымских татар. Издаются журналы и газеты на крымско-татарском языке, функционирует факультет крымско-татарской филологии при Ташкентском педагогическом университете, большой вклад в развитие культуры вносит ансамбль «Хайтарма». Дружба простых тружеников различных национальностей отметала и отметает искусственные преграды, воздвигнутые между народами.

Именно демократизация, широкое развертывание гласности могут стать важным условием формирования интернационального сознания трудящихся, в особенности молодежи. Выработка культуры межнационального общения в условиях перестройки должна стать неотъемлемой качественной характеристикой процесса совершенствования национальных отношений, преодоления проявлений шовинизма, национального эгоизма и чванства. Порой те или иные перекосы в формировании партийного и государственного аппарата отражаются и на формировании культуры межнационального общения, на реанимации отживших традиций и обычая.

Совершенствование национальных отношений вызывает острую потребность в овладении русским языком. В ряде республик молодежь коренных национальностей все еще слабо владеет русским языком, что ослабляет потенциальные возможности формирования интернационалистского сознания. Затянулась перестройка подготовки учителяских кадров, все еще не на уровне материальная база педагогических учебных заведений, большинство из которых, особенно в республиках Средней Азии, ются в приспособленных помещениях. Слабое знание русского языка так или иначе ведет к национальной замкнутости.

Но надо отметить и то, что значительная часть русскоязычного населения республик Средней Азии пока еще не осознала необходимости овладения языком коренных национальностей, ибо долгое время считалось, что проблемы языковой жизни могут быть решены лишь на путях овладения русским языком. Поэтому русскоязычное население Узбекистана, например, не прилагало усилий для изучения национального языка.

Ш. Н. ЯКУБОВ,
зав. кафедрой
истории КПСС
Республиканского педагогического института
русского языка и литературы,
Ташкент

житие инженера Кипреева

Варлам ШАЛАМОВ

ного лет я думал, что смерть есть форма жизни, и, успокоенный зыбкостью суждения, я вырабатывал формулу активной защиты своего существования на горестной этой земле.

Я думал, что человек тогда может считать себя человеком, когда в любой момент всем своим телом чувствует, что он готов покончить с собой, готов вмешаться сам в собственное свое житие. Это сознание и дает волю на жизнь.

Я проверял себя — многократно — и, чувствуя силу на смерть, — оставался жить.

Много позже я понял, что я просто построил себе убежище, ушел от вопроса, ибо в момент решения я не буду таким, как сейчас, когда жизнь и смерть — волевая игра. Я ослабею, изменюсь, измению себе. Я не стал думать о смерти, но почувствовал, что прежнее решение нуждается в каком-то другом ответе, что обещания самому себе, клятвы юности слишком наивны и очень условны.

В этом убедила меня история инженера Кипреева.

Я никого в жизни не предал, не продал. Но я не знаю, как бы держался, если бы меня били. Я прошел все свои следствия удачнейшим образом — без битья, без метода номер три. Мои следователи во всех моих следствиях не прикасались ко мне пальцем. Это случайность, не более. Я просто проходил следствие рано — в первой половине тридцать седьмого года, когда пытки еще не применялись.

Но инженер Кипреев был арестован в 1938 году, и вся грозная картина битья на следствии была ему известна. И он выдержал это битье, кинувшись на следователя, и, избитый, посажен в карцер. Но пункта подписи следствие легко добилось у Кипреева: его припустили арестом жены, и Кипреев «подписал».

Вот этот страшный нравственный удар Кипреев пронес сквозь всю жизнь. Немало в жизни арестантской есть унижений, растлений. В дневниках людей освободительного движения России есть страшная травма — просьба о помиловании. Это считалось позором для революции, вечным позором. И после революции в общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев не принимали категорически так называемых «подаванцев», то есть когда-либо по любому поводу просивших царя об освобождении, о смягчении наказания.

В тридцатых годах не только «подаванцам» все прощалось, но даже тем, кто «подписал» на себя и других заведомую ложь, подчас кровавую, — прощалось.

Живые примеры давно состарились, давно сгинули в лагере, в ссылке, а те, что сидели и проходили следствие, были сплошь «подаванцы». Поэтому никто

и не знал, каким нравственным пыткам обрек себя Кипреев, уезжая на Охотское море — во Владивосток, в Магадан.

Кипреев был инженер-физик из того самого Харьковского физического института, где раньше всего в Советском Союзе подошли к ядерной реакции. Там работал и Курчатов. Харьковский институт не избежал «чистки». Одной из первых жертв в атомной науке был инженер Кипреев.

Кипреев знал себе цену. Но его начальники цену Кипрееву не знали. Притом оказалось, что нравственная стойкость мало связана с талантом, с научным опытом, научной страстью даже. Это были разные вещи. Зная о побоях на следствии, Кипреев подготовил себя очень просто — он будет защищаться как зверь, отвечать ударом на удар, не разбирая, кто исполнитель, а кто — создатель этой системы, метода номер три. Кипреев был избит, брошен в карцер. Все начиналось сначала. Физические силы изменяли, а вслед за физической изменяла душевная твердость. Кипреев «подписал». Угрожали арестом жены. Кипрееву было безмерно стыдно за эту слабость, за то, что при встрече с грубой силой он, интеллигент Кипреев, уступил. Тогда же, в тюрьме, Кипреев дал себе клятву на всю жизнь никогда не повторить позорного своего поступка. Впрочем, только Кипрееву его действие казалось позорным. Рядом с ним на нарах лежали также подпавшие, оклеветавшие. Лежали и не умирали. У позора нет границ, вернее, границы всегда личны, и требования к самому себе иные у каждого жителя следственной камеры.

С пятилетним сроком Кипреев явился на Колыму, уверенный, что найдет путь к досрочному освобождению, сумеет вырваться на волю, на материку. Конечно, инженер оценят. И инженер заработает зачеты рабочих дней, освобождение, скидку срока. И хотя Кипреев с презрением относился к лагерному труду физическому, — он скоро понял, что ничего, кроме смерти, в конце этого пути нет. Работай [там], где можно было применить хоть тень специальных знаний, которые были у Кипреева, — он выйдет на волю. Хоть квалификацию не потеряет.

Опыт работы на прииске, сломанные пальцы, попавшие в скрепер, физическая слабость, щуплость даже — все это привело Кипреева в больницу, а после больницы на пересыпку.

Беда была еще и в том, что инженер не мог не изобретать, не искать научных технических решений в том хаосе лагерного быта, в котором инженер жил.

Лагерь же, лагерное начальство смотрело на Кипреева, как на раба, не более. Энергия Кипреева, за которую он сам себя клял тысячу раз, искала выхода.

Только ставка в этой игре должна была быть достойной инженера, ученого. Эта ставка — свобода.

Колыма не только потому «чудная планета», что там «девять месяцев в году» зима. Там в войну сто рублей платили за яблоко, а ошибка в распределении свежих помидоров, привезенных с материку, приводила к кровавым драмам. Все это — и яблоки, и помидоры — разумеется, для вольного, вольнонаемного мира, к которому заключенный Кипреев не принадлежал. «Чудная планета» не только потому, что там «закон — тайга». Не потому, что Колыма — сталинский спецлагерь уничтожения.

Не потому, что там «дефицит» — махорка, чифирь-чай, — что это валюта колымская, истинное ее золото, за которое приобретается все.

И все же «дефицитней» всего было стекло — стеклянные изделия, лабораторная посуда, инструменты. Хрупкость стекла усиливалась морозы, а норма «боя» не увеличивалась. Простой градусник медицинский стоил рублей триста. Но подпольных базаров на градусники не существовало. Врачу надо заявить уполномоченному райотдела о предложении, ибо медицинский градусник прятать труднее, чем Джоконду. Но врач никаких заявлений не подавал. Он просто заплатил триста рублей и приносил градусник из дома мерить температуру тяжелобольным.

На Колыме консервная банка — поэма. Жестяная консервная банка — это мерка, удобная мерка всегда под рукой. Это мерка воды, крупы, муки, киселя, супа, чая. Это кружка для «чифиря», в ней так удобно «подварить чифирку». Кружка эта стерильна — она очищена огнем. Чай, суп разогревают, кипятят в печке, на огне костра.

Трехлитровая банка большая — это классический котелок «доходя», с проволочной ручкой, которая удобно прикреплена к поясу. А кто на Колыме не был или не будет доходягой?

Стеклянная банка — это свет в раме деревянного переплета, ячеистом, рассчитанном на обломки стекла. Это прозрачная банка, в которой так удобно хра-

нить медикаменты в амбулатории.

Полулитровая банка — посуда для третьего блюда лагерной столовой.

Но не термометры, не лабораторная посуда, не консервные банки — главный стеклянный дефицит на Колыме.

Главный дефицит — это электролампа.

На Колыме — сотни приисков, рудников, тысячи участков, разрезов, шахт, десятки тысяч оловянных, вольфрамовых забоев, тысячи лагерных комендировок, вольнонаемных поселков, «лагерных» зон и бараков отрядов охраны, и всюду нужен свет, свет, свет. Колыма девять месяцев живет без солнца, без света. Бурный, незакатный солнечный свет не спасает, не дает ничего.

Есть свет и энергия от сдвоенных тракторов, от локомотива.

Промприборы, бутары¹, забои требуют света. Подсвеченные юпитерами, забои удлиняют ночные смены, делают производительный труд.

Везде нужны электролампы. Их возят с материка — трехсотки, пятисотки и в тысячу свечей — готовых осветить барак и забой. Неровный свет движков обрекает лампы на преждевременный износ.

Электролампа — это государственная проблема на Колыме.

Не только забой должен быть «подсвечен». Должна быть подсвеченена «зона», колючая проволока с карабульными вышками по норме, которую Дальний Север увеличивает, а не уменьшает.

Отряду охраны должен быть обеспечен свет. Простой актирировкой (как в приисковом забое) тут не обойдешься, тут люди, которые могут бежать, и хотя ясно, что бежать зимой некуда и никто на Колыме зимой никуда не бежал. Закон остается законом, и если нет света или нет ламп, разносят горящие факелы вокруг зоны и оставляют их на снегу до утра, до света. Факел — это тряпка в мазуте или бензине.

Электролампы перегорают быстро. И восстановить их нельзя.

Кипреев написал докладную записку, удивившую начальника Дальстроя. Начальник уже почувствовал орден на своем кителе, кителе, конечно, а не френче и не пиджаке.

Восстановить лампы можно — лишь бы было цело стекло.

И вот по Колыме полетели грозные приказы. Все перегоревшие лампочки бережно доставлялись в Магадан. На промкомбинате, на 47-м километре, был построен завод. Завод восстановления электрического света.

Инженер Кипреев был назначен начальником цеха завода. Весь оставшийся персонал, штатная ведомость, выросшая вокруг ремонта электроламп, был только вольнонаемным. Удача была пущена в надежные, вольнонаемные руки. Но Кипреев не обращал на это внимания. Его-то, создателя завода, не могут не заметить.

Результат был блестящим. Конечно, после ремонта лампы долго не работали. Но сколько-то часов, сколько-то суток золотых Кипреев сберег Колыме. Этих суток было очень много. Государство получило огромную выгоду, военную выгоду, золотую выгоду.

Директор Дальстроя был награжден орденом Ленина. Все начальники, имевшие отношение к ремонту электроламп, получили ордена.

Однако ни Москва, ни Магадан даже не подумали отметить заключенного Кипреева. Для них Кипреев был раб, умный раб и больше ничего.

Все же директор Дальстроя не считал возможным вовсе забыть своего таежного корреспондента.

На великий колымский праздник, отмеченный Москвой, — в узком кругу, на торжественном вечере в честь — чью честь? — директора Дальстроя, каждого из получивших ордена и благодарности (ведь, кроме правительенного указа, директор Дальстроя издал свой приказ о благодарностях, награждениях, поощрениях), всем участвовавшим в ремонте электроламп были, кроме орденов и благодарностей, еще заготовлены американские посылки военного времени. Эти посылки, входившие в поставку по ленд-лизу, состояли из костюма, галстука, рубашки и ботинок. Костюм, кажется, пропал при перевозке, зато ботинки — краснокожие американские ботинки на толстой подошве — были мечтой каждого начальника.

Директор Дальстроя посоветовался с помощниками — и все решили, что о лучшем счастье, о лучшем подарке инженер эзка не может и мечтать.

О сокращении срока инженеру, о полном его освобождении директор Дальстроя и не предполагал просить

Москву в это тревожное время, политическое время. Раб должен быть доволен и старыми ботинками хозяина, костюмом с хозяинского плеча.

Об этих подарках говорил весь Магадан, вся Колыма. Здешние начальники получили ордены и благодарности предостаточно. Но американский костюм, ботинки на толстой подошве — это было вроде путешествия на луну, полета в иной мир.

Настал торжественный вечер, блестящие картонные коробки с костюмами громоздились на столе, затянутом красным сукном.

Директор Дальстроя прочел приказ, где, конечно, имя Кипреева не было упомянуто, не могло быть упомянуто.

Начальник политуправления прочел «список на подарки». Последней была названа фамилия Кипреева. Инженер вышел к столу, ярко освещенному лампами — его лампами, — и взял коробку из рук директора Дальстроя.

Кипреев выговорил раздельно и громко: «Американских обновок я носить не буду» — и положил коробку на стол.

Тут же Кипреев был арестован и получил восемь лет дополнительного срока по статье, какой, я не знаю, — да это и не имеет никакого значения на Колыме, никого не интересует.

Впрочем, какая статья за отказ от американских подарков? Не только, не только. В заключении следователя по новому делу Кипреева сказано: говорил, что Колыма — это Освенцим без печей.

Этот второй срок Кипреев встретил спокойно. Он понимал, на что идет, отказываясь от американских подарков. Меры были вот какие. Кипреев попросил знакомого написать письмо жене и матери, что он, Кипреев, умер. И перестал писать письма сам.

С завода инженер был удален на прииск, на общие работы. Вскоре война кончилась, лагерная система сделалась еще сложнее — Кипреева как сугубого рецидивиста ждал номерной лагерь.

Инженер заболел и попал в центральную больницу для заключенных. Здесь в работе Кипреева была большая нужда — надо было собрать и пустить рентгеновский аппарат, собрать из старья, из деталей инвалидов. Начальник больницы доктор Локтор обещал освобождение, скидку срока. Инженер Кипреев мало верил в такие обещания, он «числился больным», — а зачеты дают только штатным работникам больницы. Но в обещание начальника хотелось верить, рентгенокабинет не прииск, не золотой забой.

Здесь мы встретили Хиросиму.

— Это она — бомба, это то, чем мы занимались в Харькове.

— Самоубийство Форрестола. Поток издевательских телеграмм.

— Ты знаешь, в чем дело? Для западного интеллигента принимать решениебросить атомную бомбу очень сложно, очень тяжело. Депрессия психическая, сумасшествие, самоубийство — вот цена, какой платит за такие решения западный интеллигент. Наш Форрестол не сошел бы с ума. Сколько встречал ты хороших людей в жизни? Настоящих, которым хотелось бы подражать, служить?

— Сейчас вспомню: инженер-вредитель Миллер и еще человек пять.

— Это очень много.

Ассамблея подписала протокол о геноциде.

— Геноцид? С чем его едят?

— Мы подписали конвенцию. Конечно, тридцать семь год — это не геноцид. Это истребление врагов народа. Можно подписывать конвенцию. Режим закручивают на все винты. Мы не должны молчать. Как в букваре: «Мы не рабы». «Рабы не мы». Мы должны сделать что-то, доказать самим себе.

— Самим себе доказывают только собственную глупость. Жить, выжить — вот задача. И не сорваться... Жизнь более серьезна, чем ты думаешь.

Зеркала не хранят воспоминаний. Но то, что у меня прячется в моем чемодане, трудно назвать зеркалом — обломок стекла — как будто поверхность воды замутилась, и река осталась мутной и грязной наследством, запомнив что-то важное, что-то бесконечно более важное, чем хрустальный поток прозрачной, откровенной до дна реки. Зеркало замутилось и уже не отражает ничего. Но когда-то зеркало было зеркалом, было подарком бескорыстным и пронесенным мною через два десятилетия — лагеря, воли, похожих на лагерь, и всего, что было после Двадцатого съезда партии. Зеркало, подаренное мне, не было коммерцией инженера Кипреева — это был опыт, научный опыт, след этого опыта во тьме рентгеновского кабинета. Я сделал к этому зеркальному куску деревянную оправу. Не

¹ Бутара — устройство для промывания песка.

сделал — заказал. Оправа до сих пор цела, ее делал какой-то столяр из латышей, выздоравливающий больной за пайку хлеба. Я уже мог тогда дать пайку хлеба за такой сугубо легкомысленный заказ.

Я смотрю на эту оправу — грубую, покрашенную масляной краской, какой красят полы — в больнице шел ремонт, и столяр выпросил «чуток» краски. Потом раму лакировал — лак давностерся. В зеркале ничего не видно, а когда-то я бралась перед ним в Омиконе, и все вольняшки завидовали мне. Завидовали мне до 1953 года, когда в поселок кто-то вольный, кто-то мудрый прислал посылку из зеркал, дешевых зеркал. И эти крошечные копеечные зеркала — круглые и квадратные — продавались по ценам, напоминавшим цены на электролампы. Но все снимали с книжки деньги и покупали. Зеркала были распроданы в один день, в один час.

Тогда мое самодельное зеркало уже не вызывало зависти моих гостей.

Зеркало со мной. Это не амулет. Приносит ли это зеркало счастье, не знаю. Может быть, зеркало привлекает лучи зла, отражает лучи зла, не дает мне раствориться в человеческом потоке, где никто, кроме меня, не знает Колымы и не знает инженера Кипреева.

Кипреев было все равно. Какой-то уловщик, почти блатной, рецидивист погромотней, приглашенный начальником для обучения грамотный блатарь, постигающий тайну рентгенокабинета, включающий и выключающий рычаги, блатарь, что шел по фамилии Рогов, учился у Кипреева делу рентгенотехники.

Тут у начальства были намерения немалые, и меньше всего начальство думало о Рогове, блатаре. Нет, но Рогов поселялся с Кипреевым в рентгенокабинете, стало быть, контролировал, следил, доносил, участвовал в государственной работе как друг народа. И если не мешал, то доносил, блюз.

Это была главная цель начальства. А кроме того, Кипреев готовил смену самому себе — из бытовиков.

Как только Рогов научился бы делу — это была профессия на всю жизнь, — Кипреева посыпали бы в Берлаг, номерной лагерь для рецидивистов.

Все это Кипреев понимал и не собирался противоречить судьбе. Он учил Рогова, не думая о себе.

Удача Кипреева была в том, что Рогов плохо учился. Как всякий бытовик, понимающий главное — что начальство не забудет бытовиков ни при каких обстоятельствах, — Рогов не очень внимательно учился. Но пришел час. Рогов сказал, что он может работать, и Кипреева отправили в номерной лагерь. Но в рентгеноагрегате что-то разладилось, и через врачей Кипреева снова прислали в больницу. Рентгенокабинет заработал.

К этому времени относится опыт Кипреева с блендо.

Словарь иностранных слов 1964 года так объясняет

слово «бленда»: 3) диафрагма (заслонка с произвольно изменяемым отверстием), применяемая в фотографии, микроскопии и рентгеноскопии.

Двадцать лет назад в словаре иностранных слов «бленда» нет. Это новинка военного времени — по-путное изобретение, связанное с электронным микроскопом.

В руки Кипреева попала оборванная страница технического журнала, и «бленда» была применена в рентгенокабинете в больнице для заключенных на «Левом берегу» Колымы.

Бленда была гордостью инженера Кипреева — его надеждой, слабой надеждой, впрочем. О бленде было доложено на врачебной конференции, послан доклад в Магадан, в Москву. Никакого ответа.

— А зеркало ты можешь сделать?

— Конечно.
— Большое. Вроде трюмо.
— Любое. Было бы серебро.
— А ложки-серебряные?
— Годятся.

Толстое стекло для столов в кабинетах начальников было выписано со склада и перевезено в рентгенокабинет.

Первый опыт был неудачен, и Кипреев в бешенстве расколол молотком зеркало.

Один из этих осколков — мое зеркало, кипреевский подарок.

Второй раз все прошло удачно, и начальство получило из рук Кипреева свою мечту — трюмо.

Начальник даже и не думал чем-нибудь отблагодарить Кипреева. К чему? Грамотный раб и так должен быть благодарен, что его держат в больнице на койке. Если бы «бленда» нашла внимание начальства, получена бы была благодарность, не больше. Вот трюмо — это реальность, а бленда — миф, туман... Кипреев был вполне согласен с начальником.

Но по ночам, засыпая на топчане в углу рентгенокабинета, дождавшись ухода очередной бабы от своего помощника, ученика и осведомителя, Кипреев не хотел верить ни Колыме, ни самому себе. Ведь «бленда» же не шутка. Это технический подвиг. Нет, ни Москве, ни Магадану не было дела до бленды инженера Кипреева.

В лагере не отвечают на письма и напоминать не любят. Приходится только ждать. Случая — какой-то важной встречи.

Все это трепало нервы, если эта шагреневая кожа еще была цела, изорванная, истрепанная.

Надежда для арестанта — всегда кандалы. Надежда всегда несвобода. Человек, надеющийся на что-то, меняет свое поведение, чаще кривит душой, чем человек, не имеющий надежды. Пока инженер ждал решения об этой проклятой «бленде», он прикусил язык, пропускал мимо ушей все шуточки, нужные и ненужные.

ные, которыми развлекалось его ближайшее начальство, не говоря уж о помощнике, который ждал дня и часа своего, когда будет хозяином. Рогов и зеркала уж научился делать — прибыль, «навар» обеспечен.

О бленде знали все. Шутили над Кипреевым все, в том числе секретари парторганизации больницы аптекарь Кругляк. Мордастый аптекарь был неплохой парень, но горяч, а главное — его учили, что заключенный — это червь. А этот Кипреев... Аптекарь приехал в больницу недавно, историю восстановления электрических лампочек никогда не слыхал. Никогда не подумал, что стоило собрать рентгеновский кабинет в глухой тайге на Дальнем Севере.

«Бленда» казалась Кругляку ловкой выдумкой Кипреева, желанием «раскинуть темноту», «зарядить туфту» — этим-то словами аптекарь уже научился.

В процедурной хирургического отделения Кругляк обругал Кипреева. Инженер схватил табуретку и замахнулся на секретаря парторганизации. Тут же табуретку у Кипреева вырвали, увели его в палату.

Кипрееву грозил расстрел. Или отправка на штрафной прииск, в «спецзону», что хуже расстрела. У Кипреева в больнице было много друзей, и не по зеркалам только. История с электролампочками была хорошо известна, свежа. Ему помогали. Но тут пятьдесят семь и пункт восемь — террор.

Пошли к начальнику больницы. Это сделали женщины-врачи. Начальник больницы Винокуров не любил Кругляка. Винокуров ценил инженера, ждал результатов на запрос о «бленде», а главное, был незлой человек. Начальник, который не использовал «своей власти для зла. Самоснабженец, карьерист Винокуров не делал людям добра, но и зла не хотел никому.

Хорошо, я не передам материал уполномоченному для начала дела против Кипреева только в том случае, — сказал Винокуров, — если не будет рапорта Кругляка, самого пострадавшего. Если будет рапорт — дело начнется. Штрафной прииск — это минимум.

— Спасибо.

С Кругляком говорили мужчины, говорили его друзья.

— Неужели ты не понимаешь, что человека расстреляют. Ведь он бесправен. Это не я и не ты.

— Но он руку поднял.

— Руку он не поднял, этого никто не видел. А вот если бы я ругался с тобой, то по второму слову дал бы тебе по роже, потому что ты во все лезешь, ко всем цепляешься.

Кругляк, добрый малый, по существу, совсем непригодный для колымских начальников, сдался на уговоры. Кругляк не подал рапorta.

Кипреев остался в больнице. Прошел еще месяц, и в больницу приехал генерал-майор Деревянко, заместитель директора Дальстроя по лагерю — самый высший начальник для заключенных.

В больнице начальство любило останавливаться.

На Троекуровском (Старокунцевском) кладбище в Москве скромно возвышается ныне над вязью могильных оград бюст с надписью:

Варлам Шаламов.

На постаменте две роковые даты (года рождения и последнего года пребывания на земле). В черточке между цифрами укладывается скавшаяся в тире жизнь почивших. У Варлама Тихоновича она продолжалась семьдесят пять лет, из коих почти семнадцать с людьми, не возвращавшимися обратно...

Создатель публикуемых ниже произведений родился в семье вологодского православного священника Тихона Николаевича (1868—1934) в нелегком по нашей историографии 1907 году. В энгельском, двадцать шестом году В. Т. Шаламов оказывается студентом Московского государственного университета. А с двадцать девятого, первого года сплошной коллективизации, числится (за распространение «фальшивки» — ленинского Письма к XII съезду партии) в списках 4-го лагерного отделения УСЛОНа*. (Это на Вишере, впадающей в Каму.)

И с тридцать второго года он снова в Москве, не очень-то преуспевший... Проба пера в самых различных жанрах неопытного еще Шаламова резко обрывается в тридцать седьмом году, превратившемся со временем в идиому, нарицательно-отрицательный знак...

Однажды, в одну из полярных ночей на Инте, мне приврезился тусклый дрожащий огонь над плоским захоронением безымянного эзка. К счастью для нашей литературы, в конце пятьдесят третьего года поезд дальнего следования привез сорокашестилетнего писателя в центр государства к вернувшейся из

карагандинской ссылки жене и уже повзрослевшей дочери... И менее чем через два месяца Борис Пастернак преподнес ему вышедший в свет собственный перевод «Фауста» с обнадеживающей надписью, что все, мол, с наступлением нового, 54-го года устряется и надо, стало быть, «с верой и надеждой жить дальше».

А через четыре года, намучившись на разных работах в Подмосковье и Калининской области, он вернулся в Москву. И тут — новое несчастье. Каждый раз, поднимаясь по эскалатору метро, он чувствовал, что привычный окрестный шум уменьшает напор, становится тише... Так началась у него быстро развивающаяся потеря слуха...

Дальнейшая одинокая жизнь поэта и прозаика, имеющая неизбежные чередующиеся подъемы и спады, потекла в интенсивном литературном труде. «Портфель» его пух и пух. Знаменитые теперь лагерные открытия, напоминающие дневниковые записи, целиком и каждая в отдельности есть страстное повествование о разрушении человека, о превращении его в рефлексирующее животное, думающее только о еде, о куске хлеба... и как бы поспать...

Но разрушение человека в сталинский период нашей истории шло не только в лагерях, но и по другую сторону стен и колючей проволоки. Есть у Шаламова повествование о том, как дети так называемого вольнонаемного состава северных лагерей рисовали в школьных своих тетрадках.

Они рисовали охранные вышки, закозыренные заборы, собак и колючую стальную проволоку.

Тощие, ограниченные впечатления уводили их в сторону от дорог жизни. Один из таких загубленных малышей — в другом повествовании Шаламова — набросился на плохо говорящего по-русски эзка. Он мастерски справился с ним,

Скульптурный портрет Варлама Шаламова работы Ф. СУЧКОВА. Фото автора.

* УСЛОН — Управление северных лагерей Особого назначения (прим. ред.).

Там было где остановиться большому северному начальству, было где выпить и закусить, было где отдохнуть.

Генерал-майор Деревянко, облачившись в белый халат, ходил из отделения в отделение, разминаясь перед обедом. Настроение генерал-майора было радужным, и Винокуров решил рискнуть.

— Вот у меня есть заключенный, сделавший важную для государства работу.

— Что за работа?

Начальник больницы кое-как объяснил генерал-майору, что такое «блэнда».

— Я хочу на досрочное представить этого заключенного.

Генерал-майор поинтересовался анкетными данными и, получив ответ, помычал.

— Вот что я тебе скажу, начальник,— сказал генерал-майор,— там бленда блендой, а ты лучше отправь этого инженера... Корнеева...

— Кипреева, товарищ начальник.

— Вот-вот, Кипреева. Отправь его туда, где ему положено быть по анкетным данным.

— Слушаюсь, товарищ начальник.

Через неделю Кипреева отправили, а еще через неделю разладился рентген, и Кипреева вызвали снова в больницу.

Теперь уже было не до шуток,— Винокуров боялся, чтобы гнев генерал-майора не пал на него.

Начальник управления не поверит, что рентген разладился. Кипреев был назначен в этап, но заболел и остался.

Теперь не могло быть и речи о работе в рентгенокабинете. Кипреев понял это хорошо.

У Кипреева был мастиондит — простуженная голова на лагерной присыпкой койке — и операция была жизненным показателем. Но никто не хотел верить ни температуре, ни докладам врачей. Винокуров бушевал, требуя скорейшей операции.

Лучшие хирурги больницы собирались делать мастиондит кипреевский. Хирург Браудэ был чуть ли не специалист по мастиондитам. На Колыме простуда больше, чем надо, и Браудэ был очень опытен, сделал сотни таких операций. Но Браудэ должен был только ассистировать. Операцию должна была делать доктор Новикова, крупный отоларинголог, ученица Волчека, много лет проработавшая в Дальстрое. Новикова никогда не была в заключении, но уже много лет работала только на северных окраинах. И не потому, что длинный рубль. А потому, что на Дальнем Севере Новиковой многое прощалось. Новикова была алкоголичка запойная. После смерти мужа талантливая ушница, красавица, скиталась годами по Дальнему Северу. Начинала блестящую, а потом срывалась на долгие недели.

Новиковой было лет пятьдесят. Выше ее не было по квалификации человека. Сейчас ушница была в запое,

запой кончался, и начальник больницы разрешил задержать Кипреева на несколько дней.

В эти несколько дней Новикова поднялась. Руки у нее перестали трястись, и ушница блестящее сделала операцию Кипрееву — прощальный, вполне медицинский подарок своему рентгенотехнику. Ассистировал ей Браудэ, и Кипреев лег в больницу.

Кипреев понял, что надеяться больше нельзя, что в больнице он оставлен не будет ни на один лишний час.

Ждал его номерной лагерь, где на работу ходили строем по пять, локти в локти, где по тридцать собак окружали колонну людей, когда их гоняли.

В этой безнадежности последней Кипреев не изменил себе. Когда заведующий отделением выписал больному с операцией мастиондита, серьезной операцией, заключенному-инженеру — спецзаказ, то есть диетическое питание, улучшенное питание, Кипреев отказался, заявив, что в отделении на триста человек есть тяжелее его, с большим правом на «спецзаказ».

И Кипреева увезли.

Пятнадцать лет я искал инженера Кипреева. Посвятил его памяти пьесу — это решительное средство для вмешательства человека в загробный мир.

Мало было написать о Кипрееве пьесу, посвятить его памяти. Надо было еще, чтоб на центральной улице Москвы в коммунальной квартире, где живет моя давняя знакомая, сменилась соседка. По объявлению, по обмену.

Новая соседка, знакомясь с жильцами, вошла и увидала пьесу, посвященную Кипрееву, на столе; повертела пьесу в руках: «Совпадают буквы инициалов с моим знакомым. Только он не на Колыме, а совсем в другом месте». Моя знакомая позвонила мне. Я отказался продолжать разговор. Это — ошибка. К тому же по пьесе герой — врач, а Кипреев — инженер-физик.

— Вот именно, инженер-физик.

Я оделся и поехал к новой жилище коммунальной квартиры.

Очень хитрые узоры плетет судьба. А почему? Потому что понадобилось столько совпадений, чтобы воля судьбы сказала так убедительно. Мы мало ищем друг друга, и судьба берет наши жизни в свои руки.

Инженер Кипреев остался в живых и живет на Севере. Освободился еще десять лет назад. Был увезен в Москву и работал в закрытых лагерях. После освобождения вернулся на Север. Хочет работать на Севере до пенсии.

Я повидался с инженером Кипреевым.

— Ученый я уже не буду. Рядовой инженер — так. Вернуться бесправным, отставшим; все мои сослуживцы, сокурсники — давно лауреаты.

— Что за чушь!

— Нет, не чушь. Мне легче дышится на Севере. До пенсии будет легче дышаться.

Публикация Ирины СИРОТИНСКОЙ.

Платонова. В ноябрьском номере были опубликованы несколько стихотворений В. Т., не сделавших погоды. С его рассказами также ничего не вышло.

В шестьдесят пятом году я накропал для издательства «Московский рабочий» внутреннюю рецензию на стихи Шаламова, портрет которого вырубил в той поре из корягового комля березы.

Рекомендованные стихотворения света не увидели, а портрет пригодился — по копии с него был отлит памятник.

Года через полтора, не веря в возможность публикации лучших своих произведений, Варлам

Тихонович подарил мне около шестидесяти написанных кровью рассказов. Все они с течением лет разошлись по достойным рукам любителей самиздатской, возникшей стихийно литературы.

Такой, казалось бы, легкий пересказ событий и основных дат биографии Шаламова скрывает за собой исполненное тревог и всяческих унижений существование одного из выдающихся наших современников. Он недополучил от эпохи все то, что должен был получить от нее за вложенное в ее культуру...

Мне вспомнилось сейчас мое и геофизика В. И. Горбенко посещение Варлама Тихоновича в Доме престарелых (что поблизости от станции Планерная) осенью восемьдесят первого года.

Он лежал, когда мы вошли в двухместную, пахнущую мощами приютскую комнатушку, как все мы лежали беспамятно в материнском чреве. И это походило на позу свернувшегося калачиком заключенного, пытающегося удержать остаточное тепло. Это было последнее мое свидание с Шаламовым. Он ощупал ходившими ходуном руками мой облысевший кумпол и, по-моему, не узнал меня.

Федот СУЧКОВ

Варлам ШАЛАМОВ

С годами все безоговорочной Суждений прежняя беспечность, Что в собранной по капле горечи И есть единственная вечность.

Затихнут крики тарабарщины, И надеется подобострастье, И мы придем, вернувшись с барщины, Показывать Господни страсти.

И, исполнители мистерии В притихшем, судорожном зале, Мы были то, во что мы верили, И то, что мы изображали.

И шепот наш, как усилителем Подхваченный сердечным эхом, Как крик, ударит в уши зрителя, И будет звук не до смеха.

Ему покажут нашу сторону По синей стрелочке компаса, Где нас расклевывали вороны, Добравшись до живого мяса.

И где черты ее фантазии, Ее повадок азиатских Не превзошли ль в разнообразии Какой-нибудь геены адской.

Хранили мы тела нетленные, Как бы застывшие в движенье, Распятые и убиенные И воскресенные к сраженьям.

И бледным северным сиянием Качая призрачные скалы, Светили мы на расстоянии Как бы с какого пьедестала.

Мы не гнались в тайге за модами, Всю жизнь шагая узкой тропкой, И первородство мы не продали За чечевичную похлебку.

И вот, пройдя пути Голгофские, Чуть не утратив дара речи, Вернулись в улицы московские Ученики или предтечи.

Ты упадешь на снег в метель, Как на пуховую пастель, Взметенную погромом.

И ты заплачешь обо мне, Отворотясь лицом к стена Бревенчатого дома.

И ты не слышишь — я зову, Я, как в лесу, кричу «ау», Охрипший и усталый.

Сжимаю, бурей окружен, В застывших пальцах медальон Из белого металла.

Так много в жизни было зла, Что нам дорога тяжела И нет пути друг к другу.

И если после стольких вьюг Заговорит над нами юг — Мы не поверим югу...

Мы дышим тяжело, Мы экономим фразы, Спустившись вниз, в тепло Сгустившегося газа.

Но здешний кислород, Расхваленный рекламой, Почти не лезет в рот, Хотя он тот же самый,

ИЗ "КОЛЫМСКИХ ТЕТРИЙ"

Который много раз
Когда-то мы вдыхали,
Еще не пляя глаз
На сумрачные дали.

Мы ищем на земле
Соснового озона,
Расцвеченных полей
И летнего сезона.

Целебный кислород,
Собрав с лесной опушки,
Сосем, прихватив рот
К резиновой подушке.

■
Я здесь живу, как муха, мучась,
Но кто бы мог разъединить
Вот эту тонкую, паучью,
Неразрываемую нить?

Я не вступаю в поединок
С тысячечуким пауком,
Я рву зубами паутину,
Стараясь вырваться тайком.

И вполину омертвевший,
Я вполину трапезу,
Еще ищу живого дела,
Еще спасения ищу.

Быть может, палец человечий
Ту паутину разорвет,
Меня сомнит и искалечит
И все же на небо взьмет.

■
Мечты людей невыносимо грубы,
И им не нужны светлые слова.
Вот почему так немы эти губы,
И поседела эта голова.

А жизнь, как зеркало, движению
враждебна:
Она хранит лишь мертвое лицо,
Она вошла ошибочно судебной
На это шатков, крикливое крыльце...

■
Чтоб торопиться умирать,
Достаточно причины,
Но не хочу объектом стать
Судебной медицины.

Я все еще люблю расцвет
Чистейшей акварели,
Люблю латунный цвет
И жаворонков трели...

■
Я с отвращением пишу,
Черчу условленные знаки...
Когда б я мог карандаш
Велеть не двигаться к бумаге!

Не успеваю за моей
В губах запутавшейся злости,
Я испугался бы гостей,
Когда б ко мне ходили гости.

И в угол из угла стихи
Шагают, точно в одиночке,
И не могу поднять руки,
Чтобы связать их крепкой строчкой.

■
Чтоб оттащить их в желтый дом,
В такую буйную палату,
Где можно бредить только льдом,
Где слишком много виноватых.

■
Я — чай-то сон, я — чья-то жизнь
чужая,
Прожитая запалом, второпях.
Я изнемог, ее изображая
В моих неясных, путанных стихах.

Пускай внутри, за гипсом этой маски,
Подвижные скрываются черты.

Черты лица естественной окраски,
Окраски застыдившейся мечты.

Все наши клятвы, жалобы и вздохи,
Как мало в них мы видим своего,
Они — дары счастливейшей эпохи,
Прошедшего столетья колдовства.

А что бы мы оставили потомству,
Что наши дети примут, как свое —
Уловки лжи и кодекс вероломства —
Трусливое житье-бытье...

■
Я не скажу, я не раскрою тайны,
Не обнажу закрытого лица,
Которое поистине случайно
Не стало лицом, лицом мертвеца...

■
Кому-то нынче день погожий,
Кому — томящая жара,
А я, наверно, проморжен
Тайгой до самого нутра.

■
И мне все кажется, что лето
Напрасно силы бережет,
Напрасно раскаленным светом
Дотла всю землю не сожжет...

■
Я беден, одинок и наг.
Лишен огня.
Сиреневый полярный мрак
Вокруг мания.

■
Я доверяю бледной тьме
Мои стихи,
У ней едва ли на уме
Мои грехи.

■
И бронхи рвут мои мороз,
И сводят рот,
И, точно камни, капли слез
И мерзлый пот.

■
Я говорю мои стихи,
Я их кричу.
Деревья голы и глухи,
Страшны чуть-чуть.

■
И только эхо с дальних гор
Звучит в ушах,
И полной грудью мне легко
Опять дышать.

■
Зачем холодный блеск штыков
И треск селекторных звонков?

Чего вы испугались вдруг?
Что слышно в злобном гуле выог?

■
Ведь он — не бог и не герой,
Он даже жалкий трус порой.

■
Ведь он — один, один, один,
Хотя дожил и до седин.

■
Его же верные друзья
Не испугаются ружья.

■
Друзья, и братья, и отцы —
Они ведь только мертвецы!

■
Бормочут у крыльца две синенькие
галки,
И воду воробей из лужи важно пьет.
Щегол уж не творит, а шпарит по
шпаргалке,
Я с детства звучил порядок этих нот.

■
Но прелест детских лет —
не больше чем невзгода,
Чем тяжесть страшная на памяти
моей,
Мне совестно взглянуть под купол
небосвода,
Под купол цирковой
моих превратных дней.

Дней юности моей, что прожита
задаром,

Разорванный, растоптанный
дневник,
Соседства смертных стрел,
напитанных анчаром,
Опасное соседство книг...

■
И молодость моя — в рубцах от
первых пыток —
Возмездья первородного греха.
Не самородок, нет, а выплавленный

слиток
Из небогатых руд таежного стиха.
И зрелость твердая — в кружкающейся
метали,
Бредущая по лесу с топором...
Я жизнью заболел, и я лежу
в постели,
И трижды в день глотаю горький
брон...

■
Есть постоянные источники,
Где не заметен переход
От неподвижности к движению
И — что странней — наоборот.

■
Все дело здесь такого рода,
Как вы легко понять могли:
Дождем крапленая колода
Ва-банк играющей земли.

■
Где грох и то поставлен на кон,
Ведь вся земная красота
Не признает бумажных знаков
И кровь меняет на металлы.

■
Свой рубль волшебный,
неразменный,
Я бросил в эту же игру,
Чтоб заполнить вполне нетленным
В любую снежную нору.

■
Мои дворцы хрустальные,
Мои дороги дальние,
Лиловые снега.

■
Мои побаски вольные,
Мои стихи крамольные
И слезы — жемчуга.

■
Бездонные, холодные,
Урочища бесплодные,
Безвыходные льды.

■
Где людям среди лиственниц
Не поиск нужен истины,
А поиски еды.

■
Где мимо голых лиственниц
Молиться богу истово
Безбожники идут.

■
Больные, бестолковые,
С лопатами соковыми
Шеренгами встают.

■
Рядясь в плащи немаркии,
С немецкими овчарами
Гуляют пастухи.

■
Кружится заметь выложная
И кажутся ненужными
Стихи.

■
Жизнь другая, жизнь не наша
Участь мертвеца,
Точно гречневая каша,
Оспины лица,

■
Синий рот полуоткрытый,
Мутные глаза.
На щеке была забыта —
Высохла слеза.

■
И на каменной подушке
Сынет голова.
Жмется листьями друг к дружке
Чахлая трава.

■
Над такою головою,
Над таким лицом
Ни надзора, ни конвоя.
Нет над мартвяцом.

■
И осталось караульных
Нынче только два:
Жесткие кусты: багульник
И разрыв-трава.

■
Ты душу вывернешь до дна,
До помраченья света.
И сдачу даст тебе луна
Латунною монетой.

■
Увы, на каждого рабу,
Не дожидаясь гроба,
Дано испытывать судьбу,—
А мы такие оба.

РОМАНС

■
В заболоченной Чукотке,
У вселенной на краю,
Я боюсь одной чахотки,
Слишком громко я пою,

■
Доставая из-под спуда,
Из подполья злого дна
Удивительные руды
С содержанием огня.

■
Для моих усталых легких
Эти песни тяжелы.
Не найду малодий легких
Средь сырой болотной мглы.

■
Кровь густая горлом хлынет,
Перепачкав синий рот,
И у ног моих застынет,
Не успев впитаться в лед.

■
На этой горной высоте
Еще остались камни те,
Где ветер выбил письмена,
Где ветер выбил имена,
Которые прочел бы бог,
Когда б читать умел и мог.

■
Я нищий, может быть, и так.
Стикает птичий гам,
И кто-то солнце, как пятак,
Швырнулся к моим ногам.

■
Шагну и солнце подниму,
Но только эту медь
В мою дорожную суму
Мне спрятать не суметь...

■
Не хватает чего? Не гор ли,
По колено увязших в пески,
Чтобы песней прочистить горло,
Чтобы выговорить стихи.

■
Не хватает бумаги писчей,
Или силы любой щеты,
Или братского, в скалах, кладбища,
О котором не знаешь ты?

■
Я не верю, не верю крику
В мире, полном кровавых слез,
Проступающих, как земляника,
Сквозь траву возле белых берез.

дверь-блеск, приготовился к взлету. Двигатели запускали вручную, и было ощущение, что время откатилось на полвека назад — раздалась такая знакомая по старым фильмам о летчиках команда:

— От винта!

Оба мотора заработали ровно, и Прокопец, дав газ, порулит в конец поля, чтобы оттуда начать взлет.

«Малыш», пробежав метров сто, оторвался от земли и круто взмыл вверх.

— Градусов под сорок пять, не меньше, — прокомментировал Вячеслав.

Самолет ходил кругами над полем, делал восьмерки, снижался и снова уходил вверх. При очередном развороте немного качнулся и вдруг, сделав переворот через крыло, пошел вниз.

Кондратьев, задрав голову, заметил ворчливо:

— А вот это натуральное хулиганство! Но в голосе его чувствовалась гордость за «малыша», способного к высшему пилотажу.

все крупные самолетостроительные фирмы изготавливают подобные модели, и они охотно раскупаются...

Преимущества нашего варианта? Относительная дешевизна, простота в эксплуатации. В серии он будет стоить 30 тысяч рублей. Для сравнения — цена «Вильги», польского самолета аналогичного класса, 70 тысяч...

Мой отец, заслуженный штурман СССР Валентин Иванович Аккуратов, налетавший в Арктике сотни тысяч километров, когда я ему рассказал о «малыше», воскликнул:

— Молодцы, ребята! Стоящее дело затеяли! Это дорога в небо для тех, кто не смог попасть в большую авиацию... Обучение тут займет не более двух недель, знаю это по личному опыту. А когда человек обретает крылья, сам понимаешь, что для него это значит...

Остается добавить лишь одно — в прошлом году на Всесоюзном смотре-конкурсе сверхлегких летательных аппаратов самолет из Жуковского завоевал первое место.

САМОЛЕТ НА ПРОДАЖУ

Иван АККУРАТОВ

— Прошу! — И размашистым жестом Николай Прокопец приглашает нас в гараж. Я заглянул туда, кроме двух автомобильных корпусов на стапелях ничего не увидел.

— А где же?..

— Одну минуту, сейчас покажем. — И, повозившись в полурамке помещения, «творческая группа» выкатила на свет самолет.

Теперь понятно, почему не удалось его заметить сразу, — он практически прозрачен и до смешного мал!

Фюзеляж без крыльев и хвостового оперения напоминает стрекозу. Окрашенный «серебрянкой», сверкающий под солнечными лучами, он и впрямь был большой стрекозой.

Мда-а... Невелика птица, подумал я. И закралось сомнение: а полетит ли?

Вячеслав Кондратьев, начальник отдела сверхлегких летательных аппаратов Летно-исследовательского института, будто перехватив мои мысли, сказал:

— Не беспокойся, «малыш» летает, да еще как! Конечно, его характеристики с большой авиацией не сравнимы. При длине в шесть метров он весит всего триста килограммов. Берет двух человек на борт. Обрати внимание на компоновку: места для пилотов мы расположили параллельно — так легче обучать начинающих, появляется «чувство локтя». Кроме того, при полной

загрузке не меняется центр тяжести и за сиденьями есть место для багажа. На взлет достаточно 150—200 метров поля, скорость, в общем, тоже невелика — до 140 километров в час. Но ему больше и не нужно. Ведь проектировали самолет специально для «камерного» применения. Для охотников, лесников...

Недавно камчадалы запросили для лесного хозяйства три таких вот «малыша». Выполнить заказ взялись ребята из кооператива «Сотрудничество». До конца года они должны сделать несколько наборов (самолет будут продавать в разобранном виде, для последующей сборки авиолюбителями), а на следующий запланировано гораздо больше. Большую помощь оказывает Министерство авиационной промышленности.

Сейчас группа ОКБ легкомоторной авиации работает над улучшением конструкции аппарата. Со следующего года наладит выпуск более удобной и экономичной модели. Ведется разработка и шестиместного варианта.

...Тем временем самолет прицепили хвостом к автомобилю и, рассовав по всем свободным местам матчасть, решили опробовать его в воздухе.

«Аэродром» — обыкновенная, заросшая травой бывшая пашня, даже борозды от плуга остались.

Николай сел в кабину и, задвинув

Речь зашла о трудностях в любительском самолетостроении.

— Нам в определенном смысле повезло. Жуковский — как-никак город авиационный... Но как быть тем, кто не имеет таких возможностей?.. И еще одна, очень важная проблема — промышленность не выпускает двигателей для сверхлегкой авиации. Самодельщики ставят моторы от мотоциклов или, как мы, — от снегохода «Буран». А они недороги...

от РЕДАКЦИИ. Итак, разбег сделан. Сегодня в небе — один «малыш». А сколько их будет завтра? Консорциум планирует выпуск сверхлегких аппаратов в прямой зависимости от числа заявок.

И если вы захотите иметь самолет — легкий, удобный, простой и надежный в управлении, — направляйте свои заявки в адрес редакции «Смены». Самолет в хозяйстве — не роскошь...

Леонид ГОЛЬДИН,
доктор философских наук

НЕОТВРАТИМ

Сегодня, когда первая эйфория гласности, очищения от скверны миновала, а вопросов стало больше, чем ответов, растерянность, смятение ума и сердца — удел не только слабохарактерных. До сих пор слышим привычное: зачем ворошить старое, будоражить людей? Зачем обыденное «что делать» заменили на «кто виноват», ведущее к душевной сумятице и конфронтации?

Нужен ли нам, обществу социального единства, этот самый плюрализм оценок и позиций, хоть и названный социалистическим? Вот и результаты налицо: «неформалы», демонстрации, петиции с ультиматумами высоким инстанциям. Каждая газета, журнал — про свое. То про узурпацию бюрократией прав напишут, то про сопротивление перестройке, то усомнятся: было ли такое в истории, чтобы кто-либо отказался добровольно от своих привилегий, поделился властью или монополией на истину? Не то что журналисты — ученые, генералитет втянулся в дискуссию. Какая уж тут дисциплина и сплоченность?.. Да, есть немало людей, сомнений не испытывающих: насосим, мол, вред международной нашей репутации, урон воспитанию молодых...

О нашей бесхозяйственности, бюрократах и взяточниках самого высокого уровня знает весь мир. «Нет таких чиновников в мире, которые взяли бы верх над советскими чиновниками, когда они выстраиваются для упрямого и злого сопротивления», — говорил Арманд Хаммер. К нам интуристы ездили пить дешевую водку в обществе еще более дешевых девочек, желтой прессе об этом писать давно наскучило. Но вот и нам глаза приоткрыли. На кого же обрушить свой стыд и гнев за все это? Конечно же, удобнее всего на тех, кто лишил нас неведения и душевного покоя.

Кому-то перестройка поперек горла, но она по-разному оделила и тех, кто связывает с ней смысл и цель своей жизни. Сказочно, немыслимо щедрой перестройка оказалась для тех, кто застыдался в уродствах культа, волонтеризма, застоя. Кто из самых дальновидных мог представить, что в столь короткие сроки рухнут языческие «табу», что страна заговорит в полный голос, и даже порой дух захватят от обилия непривычного свежего воздуха? Для нас журнальный бум, «революция газет» не компенсация за малый заработок, бесконечные очереди и нарушения прав человека. Авансам, прогнозам о светлом будущем люди верят слабо: натерпелись, наслушались... Жить хотят сейчас, и жить хорошо. У философов это называется так: повысилась ценность настоящего времени по отношению к будущему. А у лидеров перестройки сверхзадача: как эту ценность отоварить.

Нынешнее состояние прилавка, как и вызывающее тревогу состояние умов, порождено не демократизацией и гласностью, а тем, что им прямо противоположно: всепокорность и бессловесность, монополией на мысль и решение, восхвалением вождей... Решающее поле борьбы — экономика. Конечно, мы чего-то добились, были сдвиги, и немалые, но по масштабам мировой экономики отнюдь не рекордные, в особенностях если учесть безоглядно расточа-

емые сырьевые и трудовые ресурсы, ограниченность потребления, которое к тому же в немалой степени за наш с вами счет и оплачивается. В брежневские времена к этому добавились безудержное стяжательство, коррупция, везизм, лицемерная двойная жизнь, двойная мораль, породившие пьянство, наркоманию, массовую социальную апатию. Словом, перестройка получила тяжелейшее экономическое и нравственное наследство — раньше или позже за все приходится платить...

Как хотелось утешиться: заменили б Сталина вовремя, все было бы по-другому. Что без серьезнейших перемен не обошлось бы, это верно. Но если бы все определялось только его личными качествами! Вот опубликована статья Николая Бухарина, крупнейшего теоретика партии, сторонника, в отличие от Троцкого, экономических методов развития народного хозяйства. Но каковы его терпимость, отношение к инакомыслящим? «Наконец-то мы снова берем в руки меч против изменников! Придет наше время, негодяи!..» «Мерзавцы», «навоз» — это об оппонентах. Из той же статьи: «Точно охотник за волком, гонялся Ильич за Плехановым». Какого, а меня коробит от этих строк.

Можно сравнить, как сам Ленин рассказал о конфликте с Плехановым: «Трудно описать с достаточной точностью наше состояние в тот вечер: такое это было сложное, тяжелое, мутное состояние духа! Это была настоящая драма, целый разрыв с тем, с чем noscися, как с любимым детищем, долгие годы, с чем неразрывно связывал всю свою жизненную работу... Все налаживалось к лучшему — налаживалось после таких долгих невзгод и неудач, — и вдруг налетел вихрь — и конец, и все опять рушится». В этой исповеди нет и тени тех волчих настроений, о которых пишет Бухарин.

В трагические годы репрессий и для самого Бухарина найдут зоологический образ — «проклятая помесь лисицы и свиньи». Фразеология нетерпимости, ужающая словарь эпохи репрессий: «вонючая падаль», «поганые псы», «презренная куча авантюристов» создавались не только Сталиным, Берией и Вышинским. Радек называл Зиновьева и Каменева «бандой кровавых убийц». Пятаков призывал «уничижать их как падаль»... Не отличался деликатностью язык деятелей РАППа, ученых, сокрушавших оппонентов политическими ярлыками. Чего стоит, к примеру, деятельность академика М. Б. Митина по уничижению не то что инакомыслия, а всего того, что хотя бы малый след мысли имело.

Все это было не только в политике, в идеологии, но и в экономических отношениях. Более того, там и вызревало, рефлексируя, отражаясь в надстройке. И поотставшего в социалистическом соревновании «с песочком протирали», и на черных досках клеймили: «Вы нас позорите!» Это еще так, по-дружески. А не выполнил план — тут уж язык прокурора...

Не для того об этом пишу, чтобы судить о вчерашнем по меркам сегодняшнего дня, а для того, чтобы сложнейшую нашу историю не втискивать в удобные для драматургии схемы. Для того, чтобы напомнить: «персоналии»

значат в истории не более, чем это определено марксизмом.

Может быть, мы еще не вполне оценили предупреждение Маркса: «Ручная мельница дает нам общество с созерцанием во главе; паровая мельница — общество с промышленным капитализмом». Марксизм отвергает технологический детерминизм, но роль средств и методов производства в социальных отношениях учитывает в полной мере. Общественная психология формируется средствами труда, экономическими условиями куда в большей степени, чем какой-либо личностью. И тому дают подтверждение строительство Петербурга и Норильска, епифанских шлюзов и Беломор-Балта, демидовских печей и Магнитки.

Пока косное мышление, иллюзии прошлого тянут назад, к намертво сковавшим сознание стереотипам, сложно думать о творчестве человека, его готовности к нетривиальному действию, к которому ведет не приказ, не постановление, а свободный выбор.

Различных строгостей, критики и самокритики у нас — море разливанное, и все считаем, что мало. Неулыбчивы, озабочены, взрываемся по всякому поводу. А в японских фирмах считается, как пишут специалисты, что критика, взыскания снижают трудовую активность. Человек должен работать с хорошим настроением. Страх порождает беспокойство и суетливость, но не дает нужного результата, исключает подлинные инициативу и творчество. Японцы считают гордость и достоинство мощными стимулами эффективного производства. Поэтому проявляется огромная забота «о сохранении лица» работников, деликатность в общении с ними. Американские менеджеры с их прямолинейностью (куда ей, однако, до нашей простоты в отношениях с подчиненными) начинают все больше воспринимать японский опыт обращения с людьми.

Психологи установили, что рабочие и служащие фирмы «Дженерал электрик» через двенадцать недель после аттестации имели самые низкие показатели по тем аспектам работы, по которым были сделаны критические замечания. Снизились активность и интерес к работе, повысилось нервное напряжение. Вывод: акцент на недостатки, а не на положительные качества работника снижает производительность труда и вырабатывает защитный механизм. Критика улучшает результаты, если ее высказывает человек, пользующийся доверием и уважением, если не является повседневной и привычной, не носит грубой формы. Принято большие критиковать сами идеи, чем их авторов.

То, что мы приписываем дурному воспитанию, лихим нравам, имеет крепкие экономические основания. В том числе стиль общения и жargon многих нынешних волевых командиров производства. И барская вседозволенность поступков и оценок, и боязнь начальства, и чинопочтание — эти болезни, порожденные рабством и феодализмом, лежали в основе общественной психологии. Бюрократический стиль отношений этот принцип наследует и «обогащает».

Пропаганда культуры, воспитательная работа, просветительство, как

и критика авторитарных методов, решают немногое, хотя и этим нельзя преувеличивать. Но бережное, на научном знании и гуманизме основанное отношение к человеку утвердится повсеместно лишь тогда, когда важнейшей потребностью производства станет не просто добросовестный, хорошо обученный исполнитель, а творческая, освобожденная от технологического принуждения личность.

Увы, совсем не так много людей, как думалось раньше, этому выбору обратились. Не только для бюрократии был немалый психологический комфорт, когда казалось, что кто-то владеет ключом к разрешению всей многосложности проблем, знает, как всех сделать счастливыми. Но и среди людей, отнюдь не наделенных высокими полномочиями, немало искренне не понимающих, как общество, не впадая в анархию, будет жить по принципу: можно все, что не запрещено законом.

Философия вождизма, административного диктата веками исправно служила властям, ее не одолеть в одиночку, она же серьезнейшая преграда на пути утверждения реальной власти народа. Народ, который не сумеет победить эту философию и ее адептов, обречен быть в арьергарде исторического прогресса. Утрачивая свободу и ответственность, человек лишается вместе с тем и творческого импульса. «Я ничего не могу, ничего не решаю» — что может быть пагубнее для общества, чем это умонастроение, тем более если оно соответствует фактическому положению. А такое положение неминуемо возникает, когда господствуют феодальные нравы, когда популярнейшими словами школьного жаргона становятся «не возникай» и на всю последующую жизнь — «не высывайся».

Главное состоит в том, чтобы открыть социальный простор творческой личности, чтобы люди пробудились от многолетней социальной летаргии и интеллектуального оскудения. Но сами по себе ни демократия, ни гласность не обратимы перестройки не обеспечат. Нужны коренные перемены в производительных силах, в экономике. И при этом хорасчет, прибыль, жесткую финансовую ответственность нужно сократить с нравственным обновлением общества, с утверждением гуманистических идеалов. Экономическое соревнование, конкуренцию производителей — с такой социальной справедливостью, которая не порождала бы вопроса: правильный ли выбор был сделан и семьдесят, и три года назад?

Есть у нас три экономики. Первая — это государственный ее сектор. Здесь сосредоточена львиная доля средств производства, трудовых ресурсов. Когда речь идет о преимуществах социализма, имеем в виду прежде всего государственную собственность. Но и самые острые наши проблемы, противоречия связаны с нею же. Серьезного сдвига здесь пока не произошло. Об этом, в частности, со всей откровенностью и остротой говорилось на партийной конференции.

Вторая экономика — кооперативно-кооперативная, в ее составе и нынешнее кооперативное движение. Хотя мы о нем говорим сегодня очень много, пусть и в разноголосицу, от него

ОСТЬ ВЫБОРА

и в ближайшей перспективе не так уж много перепадет. Рассчитали, что к началу нынешнего года в кооперации и в ИТД должны участвовать 2,5 миллиона человек. Прогноз оказался завышенным. Серьезного вклада в национальный доход пока не получили, а новых противоречий образовалось немало.

И, наконец, третья — «теневая экономика» с годовым оборотом 14—16 млрд. рублей, которую, несмотря на то, что мало она таилась, мы долгие годы старались не замечать. Она есть по всему белу свету. Наша имеет, конечно, свою специфику — морского пиратства, к примеру, нет: МИГ или танк ни в Одессе, ни в туалете на Петровке не купишь. Разве что автомат и патроны россыпью. Такие экстравагантности, как коррупция, спекуляция, наркобизнес, проституция, порнография, отличаются лишь масштабом и качеством, мы здесь не успели продвинуться до мировых рубежей. Зато по самогонке всех опережаем. Наша «теневая экономика» малокинематографична: и главные ее воротилы, и мелкие сошки вроде «несунов» испытывают общую трудность — некуда деньги девать. Плохо обеспечивают товарами и услугами госсектор и кооператоры.

Но не о них, конечно, наша печаль. Главная трудность состоит в том, что пока не удалось повысить качество жизни тех, кто стоит у станка и мартена, пульта управления и кульмана, кто выходит затемно на поле и на ферму.

Итак, при всей нехожести путей, правов и судеб все понимают: какую насущную потребность ни возьми, полноценно удовлетворить ее можно только путем революционного обновления промышленности, сельского хозяйства, обслуживания. Однако привычное и воспитанию нашему соответствующее слово «революция» к производству нужно прилагать с особой осторожностью. Скачки в экономике, если они не подготовлены серьезнейшими переменами в ее материально-технической базе, обычно несут беды не менее застоя, инерционна она, не в пример телевидению и печати. Уплотнением рабочего дня, борьбой с перекурами и опозданиями взымешь жалкие крохи, если сотня здоровых мужиков приставлена к тому, что в других странах слегка обученный робот делает. А у нас чуть не сорок процентов работников заняты ручным трудом. И беда армии управляемцев не столько безделье, сколько суета и истерика.

Есть и другая серьезнейшая причина, определяющая инерционность экономики: состояние первой производительной силы, которая у нас, эксплуатации не подверженная, пока работает хуже, боится чаще и живет меньше, чем нынче принято в индустриальной цивилизации. Философы, социологи говорят об этом мало и сегодня: очень болезненная тема. Когда мы в страхе от телевизора, собранного нашими умелцами, от костюма, сшитого пусть и по французской лицензии, когда боимся Третьяковку, «Метрополь» и Большой зал консерватории своим строителям доверить, здесь груз прошлого еще более крепко держит, чем техническая отсталость. И наши управляемцы, командиры производства, отученные от самостоя-

тельных решений, от права на риск, не скоро еще свою робость одолеют.

Если искать решающее звено, думать, с чего начать, и опираться при этом не на казарменные идеи, не на маниловские проекты, а на экономические законы, мировым опытом проверенные, то во главу угла нужно ставить новые средства производства. Сердцевина интенсификации всей экономики — развитие машиностроения. В нынешней пятилетке рост машиностроительного комплекса опережает промышленность в целом в 1,7 раза, а станкостроение, приборостроение, электроника — еще больше. Раньше бы таким темпам порадовались, а теперь понимаем — мало, недостаточно для того, чтобы по всем статьям с мировым уровнем сравняться.

Новая техника позволяет не только произвести больше, лучше, дешевле. Она в корне меняет содержание труда, отношение к нему. Ведьбегут с завода, с фермы сегодня не столько из-за малого заработка, сколько из-за нетерпимых условий работы. Нужно сказать, перестройка обострила противоречия в этой области. С чем вчера мирились, сегодня в атмосфере всеобщего внимания к личности, к человеческому достоинству терпеть не хотят. Увлечешь ли поклонника хэви-метала вдохновенным завинчиванием гаек на конвейере? А девчонка-ткачиха? Как белка в колесе, в шуме, в пыли — изо дня в день одно и то же. Труженик агропрома с вилами и лопатой... И в придачу к такому труду нередко хамство, грубость, нетерпимость к чужому мнению администраций старых формаций, бездушие, сущность душевного пространства быстро овладевших новыми лозунгами технократов.

Какая связь между уродствами отношений на производстве и его техническим уровнем? Самая прямая. Феодальные нравы возможны только там, где само производство находится на донаучном уровне, где его можно вести беспрекословными командами, устрашением ослушников. Для подлинного освобождения человека нужна не только социальная революция, но и революция в технологии. Тачки и лопаты, мотыги и грабли в царстве свободы не приведут. Об этом нужно помнить и тогда, когда решаем архиактуальную экономическую проблему и когда ведем обостренную дискуссию на историческую тему.

Только глубокие перемены в экономике убедят того, у кого портрет Сталина на ветровом стекле самосвала или «Жигулей», их единомышленников, уставших после всех реорганизаций, что только демократизация и гласность способны поднять наше все еще застойное производство, народное благосостояние, а не командные методы и директивы.

Ультрасовременное производство требует прежде всего работника-творца, личность, способную к новаторству и собственному развитию. Использовать такого работника «на подхвате» — невосполнимый убыток, ибо сразу же оскудеет приток идей — самого важного фактора научно-технического прогресса.

Производство уровня 40—50-х годов нуждается в первую очередь в мало-

рассуждающем, строго дисциплинированном исполнителе. Монополия на мысль и решение здесь принадлежит руководству. Человек с новаторскими идеями, самостоятельный, с активными индивидуальными проявлениями для него помеха. Что будет завтра — еще неведомо, а сегодня он вносит хаос в порядок людей и вещей. И неудобен начальству, а порой и коллегам: почему он себе позволяет то, что нам нельзя? Чаще всего и прижимать его не надо, он сам сломается в этих условиях. Если такие отношения доминируют в основной сфере общественного развития — на производстве, наивно думать, что можно где бы то ни было от них упрятаться. Не спасет от того ни ранг министра, ни профессорское звание, ни тишия захолустного архива, ни будка ночных сторожа.

А когда нет простора для личности, для самовыражения в творческом деле, остается, кроме жесткого командного давления, лишь один стимул — деньги. Труд, всецело сводимый к денежному эквиваленту, может быть уделом и крупного управленица, и ученого, и художника. Такой труд формирует суженную психологию дельца, в котором черты социального инфантилизма проявляются порой даже резче, чем в бездельнике. Наивная вера во всемогущество денег, в возможность достижения устойчивого личного благополучия безотносительно к тому, что происходит в обществе, питает активность и предпринимчивость и госбюрократа, и делового кооператора, и прытко не уступающего им дельца на ниве культуры. Она же, эта вера, неминуемо ведет их к полной зависимости от денег, от вещей, от «нужных людей» — будь это кустарь-автослесарь или сюзерен, венчающий кадровую пирамиду.

И если труд на заводе, в колхозе, «в аппарате» ничего не дает ни уму ни сердцу, то единственным его стимулом становятся деньги. Эти деньги должны в таком случае не только соответствовать экономическим результатам труда, но и компенсировать издержки духа и разума. Безропотный порученец, побоночественный угодник, как правило, не бесребреники. Не получат полной мерой за пресмыкатство — не будут всепокорно служить патрону. Вот и приходится государству расплачиваться за душевный комфорт феодалов от бюрократии.

Партия, народ полны решимости избавиться от этих уродств, обуздать бюрократическое всевластие. Из много-миллионной армии управленицев право на существование должны получить лишь те, кто действительно нужен экономике, социальному развитию. Около 800 союзных и республиканских ведомств должны урезать свои штаты, некоторые наполовину. Есть и такие конторы, которые вообще должны быть ликвидированы.

Оздоровлению отношений на производстве служит выборность руководителей. Вот и в Черниговском производственном объединении «Химволокно» вопреки воле руководства, бывшего всесоюзного объединения избрали подавляющим большинством нужного коллектику генерального директора А. А. Лысенко. Новый руководитель убежден, что решающую роль в этом

сыграл заводской комсомол, который потребовал обеспечить реальную соизволительность претендентов. Обсуждалось пять кандидатур. Победителем хорошо понимает, кому он обязан своей высокой должностью, чьи интересы представляет. Да и в отношениях «с верхами» куда более своих предшественников свободен.

Появился новый орган хозяйственного самоуправления — совет трудового коллектива. Здесь тоже, конечно, не обходится без проблем. Но начало нынешнего года из 2089 СТК, выбранных на предприятиях Московской области, только 3,3 процента возглавляли рабочие. В Свердловской и Ивановской областях более 90 процентов советов возглавляют руководители, такая же картина и во многих других регионах. ВЦСПС настоятельно рекомендует ограничить такую практику, избирать председателем совета передовых рабочих, бригадиров, специалистов. Укрепляются и другие формы демократии.

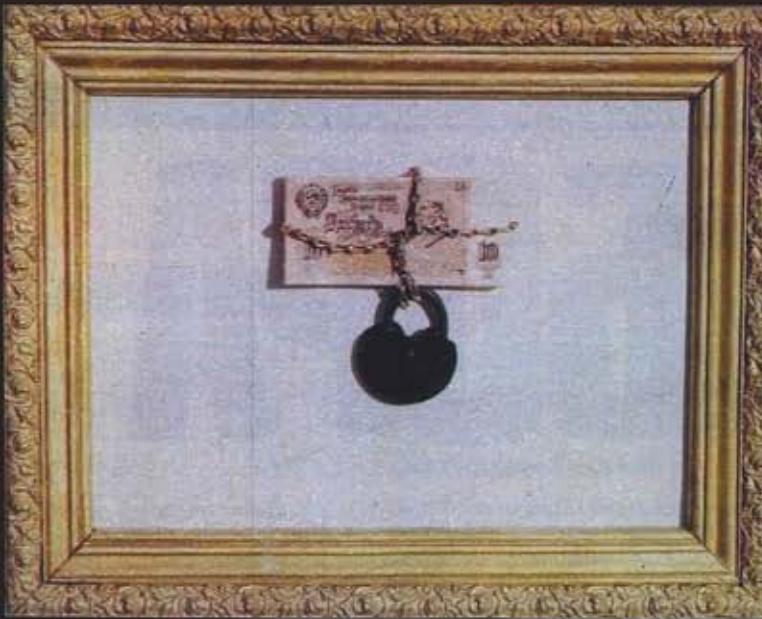
Все эти меры в сочетании с техническим обновлением производства должны гарантировать необратимость процессов перестройки в экономике, сократить их с нравственным оздоровлением общества.

В заключение хочу поставить не сложивший углов вопрос: если бы даже перестройка не дала никаких других результатов, кроме всесторонней гласности, невиданного расширения границ свободы и достоинства личности, как бы мы ее оценили? И какое место она бы заняла в истории? Думается, ответ однозначен.

Те, кто формировал теорию социализма, и те, кто начинал его строительство, не сомневались, что новая цивилизация обеспечит невиданное в истории царство свободы, уважения к личности, заботы общества о ее достоинстве. За три года перестройки мы продвинулись по пути к этой цели дальше, чем за всю историю реального социализма. В направлении ленинском, для мыслящих и честных людей безусловно желанном, но изведанном теорией столь же мало, как и практикой.

Границы творчества, свободного слова сегодня, как никогда ранее, определяются лишь мерой таланта и социальной ответственности. Но только ли авторы не рады таким переменам? Выяснилось, что перестройка многих лишила привычной самозащиты, возможности сетовать на стесненность обстоятельств, серость свою и убогость прикрывать сакральным, исправно служившим: «От меня ничего не зависит». Не призываая на баррикады, отвергая конфронтацию социального противостояния, перестройка тем не менее высветила бескомпромиссно и ответливо, кто есть кто.

Каждый получил возможность выбрать: стать бессловесным манкуртом или свободным, мыслящим человеком. Жить в обществе, напоминающем окаменевшую глыбу (даже если именовать ее монолитом), или формировать социальные отношения, достойные высочайших гуманистических идеалов. Ждать, пока засосет тебя «черная дыра», или через тернии перестройки — к звездам, к цивилизации для человека, дающей каждому реальную возможность быть творцом, личностью.

НАТЮРМОРТЫ

Там, где когда-то Петр I устраивал потешные игры, сегодня вернисаж, ярмарка, мастерская... Как только ступаешь на исторические тропинки и вновь протоптанные дорожки Измайлова, глаза разбегаются, не знаешь, куда смотреть, чем любоваться, что выбирать. Живопись и графика, скульптура и чеканка, матрешки и иконы, детские игрушки, стекло, металл, фаянс, керамика, ложки, поварешки, подносы расписные, календари рекламные, искусственные цветы... Что угодно для души. Причем душа, взыскивая высокого искусства, найдет совсем недурные пейзажи и натюрморты, серьезные живописные полотна, талантливо исполненные портреты. Человек, отдающий предпочтение модернизму, отыщет работы, сделанные по канонам любого «изма», а ежели простая душа тянет к коврику с лебедями, то и коврик отыщется, и более современные достоинства.

Казалось бы, виват, ура! Да здравствует свобода творчества, выбора и предложения — но подождем бросить шапки вверх.

...Покровитель искусства Аполлон благосклонно взирает на своих служителей: творите! Но за Аполлоном неотступно следует бог торговли Меркурий с заповедями: торгуйте, обогащайтесь! Денежные купюры, витающие в измайловском воздухе, вовсе не художественный образ.

Пусть не думает читатель, что мы сейчас начнем подсчитывать деньги в чужом кармане, хотя, честно говоря, мы провели маленькое исследование и убедились, что миллионером здесь не стать. Сбыт не гарантирован: за день можно заработать и две сотни, и десятку. В среднем за месяц выходит рублей 400 — не такие уж большие деньги. Интересней другое: можно ли быть слугой двух господ? Как договорятся между собой Меркурий и Аполлон? Было бы ханжеством утверждать, что художник должен творить только ради идеи, сидя на черном хлебе и воде, «но все же, все же, все же...».

Высокий, художнического вида блондин при бороде и очках по-хозяйски расставил свои картины на зеленой лужайке. На сияющем, как лаковая миниатюра, черном фоне сочными красками изображены прозрачный бокал, несколько черешен на веточке, апельсин. Очень красиво, но глаза разбегаются: перед вами не один натюрморт, а штук десять, одинаковых, как двойняшки. За каждый — сорок рублей.

Такое впечатление, что художник просто нашел золотоносную жилу и moist свой золотой песочек.

Измайлово, так и не став аккумулятором талантов, превращается в рынок.

Вырабатывается тактика. Главное — «охмурить иностранцев». Они —

самые выгодные покупатели.

...А вот крошечные миниатюры, изображающие времена года. Впрочем, автор трезво оценивает свою работу.

— Это отдельный вид искусства... Сувенир, — находит он нужное слово.

Молодой человек согласен, что на эти «сувениры» тратится много времени и сил, которые можно было бы посвятить поискам, совершенствованию мастерства. Но слишком уж заманчива возможность подработать: на стипендию не проживешь. Творчество для него — высокое служение богу Аполлону. А малевание на продажу — это по ведомству Меркурия. Подобный дуализм довольно популярен в Измайлово. Создается впечатление, что молодые художники, студенты училищ и вузов гонят от себя очевидную мысль, боятся взглянуть правде в глаза: нельзя делать одной рукой халтуру, причем откровенную, с полным пониманием этого, а другой — талантливые работы. Рука в конце концов только инструмент, картина пишется душой, разумом, сердцем, а в одной душе два бога редко уживаются.

«Перо, пишущее для денег, смело уподоблю шарманке в руке скитающегося иностранца». Эти слова Козьмы Пруткова, как мы видим, не устарели.

Давайте подведем итоги. Бессспорно, отечественные монмартры стали своеобразным окном в мир искусства, привлекли внимание к художественному творчеству тех людей, у которых знакомство с искусством не шло дальше вырезок из иллюстрированных журналов. Но...

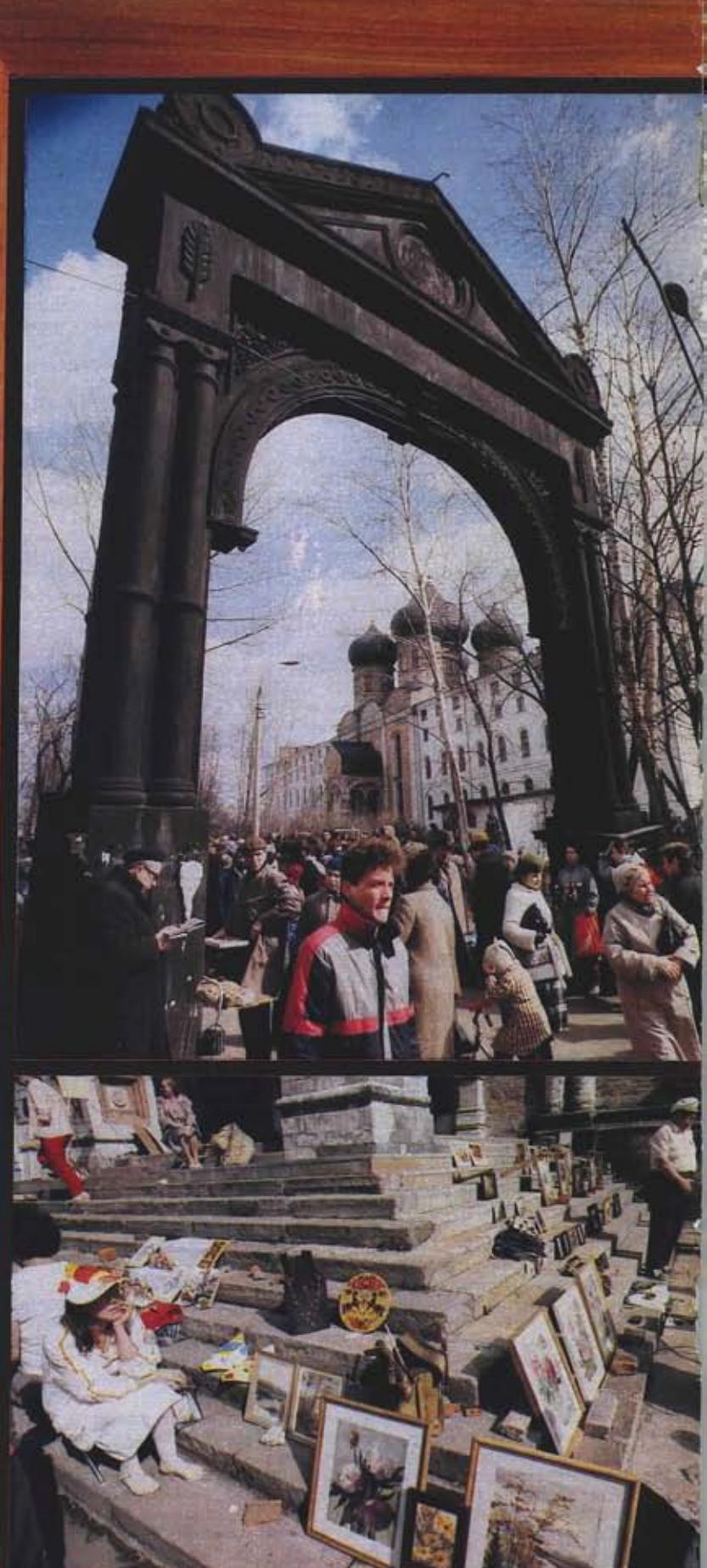
Профессионалы негодуют: «Это же падение, начало конца для художника, я буду умирать с голоду — не сяду, как девочка, на панели...», «Я хочу уважать себя как художника...», «Лучшие работы мы сюда не несем...»

Можно говорить, что это позиция эстетов, замкнувшихся в башне из слоновой кости, но, как бы то ни было, именно эти художники определяют и поддерживают высокий уровень отечественной культуры. И если они будут продолжать бойкотировать народные вернисажи и ярмарки, то как бы не получилось, что их место займут люди более гибкие и податливые, не стесняющие себя жесткими эстетическими рамками. Такие добродушные халтурщики, готовые работать по принципу «чего изволите?».

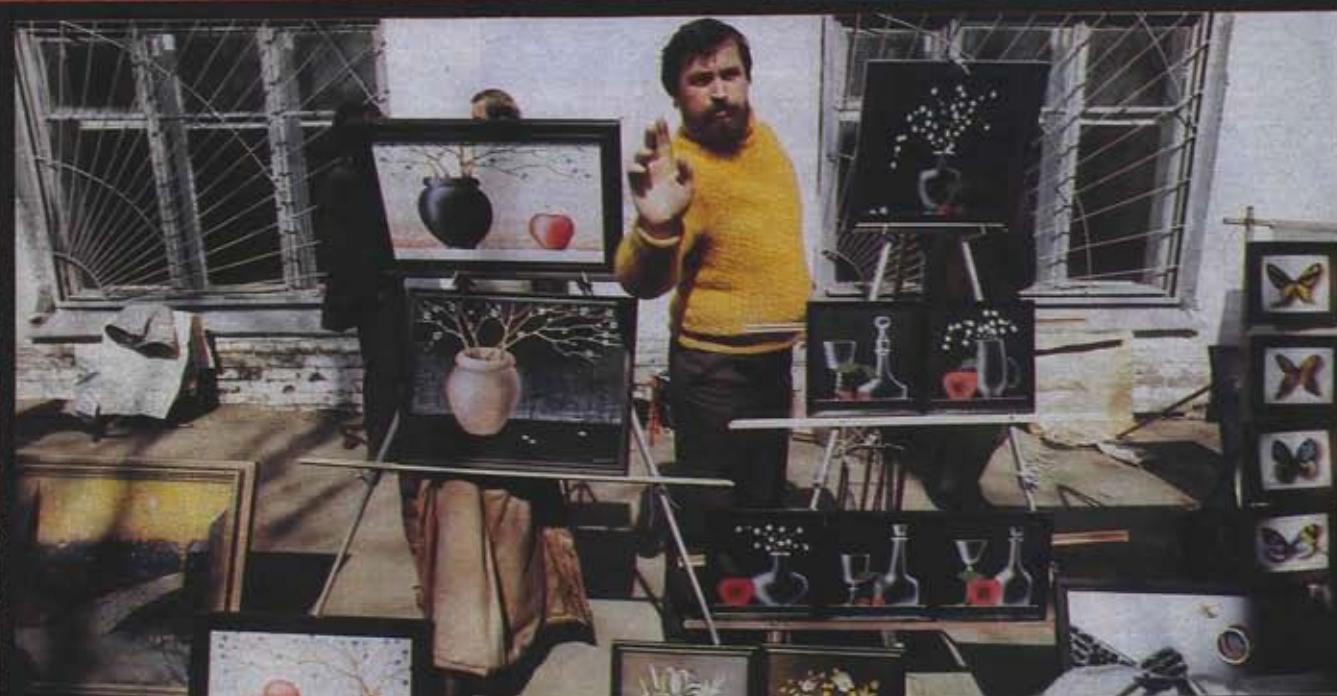
...Напрасно читатель ждет от нас каких-то конкретных рецептов. Давайте вместе подумаем, как сдержать бег быстроногого Меркурия, совершенно незаменимого в торговле, но вряд ли желанного гостя на празднике муз.

А пока что...

— Хорошо идут идиллические пейзажи и примитивизм, — откровенничает завсегдатай Измайлова.

СОРТ С ЧЕРВОНИЦЕЙ

Торжище...

Кому подойдет,
тот купит.

Продукция «на потоке».

Железный аргумент.

Дешево, быстро
и... похоже.

Вот и выгодный клиент.

Фото Владимира
ЧЕЙШВИЛИ

Летним вечером 1976 года на одном из центральных перекрестков Гомеля остановился человек. Истериично визжали тормоза, надрывно голосили клаксоны, а он — ни с места. Когда же самые нетерпеливые из моторизованных сограждан стали «ненормального» обезжалить, тот вдруг рванулся вперед, рискуя попасть под колеса. Правда, все обошлось. И обладателям колес было в тот момент неведомо, что им напререз с невиданной скоростью мчалось совсем иное «колесо»...

С работы он возвращается пешком. Идет не спеша. Во время этих прогулок и осеняют его безумные идеи. Была, скажем, такая: от каждого бруска мыла в хозяйстве остается обмылок. Значит, около десяти процентов мыла попадает в отходы. Дело вроде копеечное. Но в масштабах страны убытков — на миллион. А что, если внутрь бруска вставить кусочек пенопласта? И мыло можно использовать целиком, и в ванне оно не утонет... Мелочь? Мелочь. Особенно в сравнении с идеей, которая, прямотаки «оглушила» его, скромного инженера дорожного строителя Анатолия Юницкого, в тот памятный день.

Рядом притормозил автобус, и Анатолий подумал: не успеешь разогнаться, а уже остановка — сколько энергии впустую тратится! Прикинул — не меньше половины. Значит, хорошее дело предлагает московский профессор Нур-

Юницкий попытался встать и... очнулся. Он сидел за столом, уронив голову на кипу листов с чертежами. Светало...

А. Силин, доктор технических наук, заведующий лабораторией контактного взаимодействия твердых тел ВНИИ оптико-физических измерений

Это глобальный проект, который требует рассмотрения не только с технической и экономической точки зрения, но и с позиций всего человечества, поскольку он требует объединения усилий многих людей. С точки зрения физики — это проект корректный и не вызывает никаких сомнений. За внешней простотой главной идеи и совершенно необычным ее конструкторским воплощением — глубокое понимание сути поставленной задачи и смелое, свободное от гнета традиций инженерное воображение, помноженное на отличную осведомленность в самых последних новинках различных отраслей техники.

На работе, улучшив свободную минуту, Анатолий поделился замыслом с товарищем, начальником отдела стройправления.

— Идея хороша, — сказал Олег Кривко. — Хотя как такая машина полетит — представить трудно. Знаю-знаю, ты вспомнишь, как говорили, что паровоз забуксует на гладких рельсах, а самолет не поднимется, потому что тяжелее воздуха... Но я — практик. Зачем строить невесть что? Тут на земле еще вон

СПАСАТЕЛЬНЫЙ КРУГ,

ИЛИ ШАНС ДЛЯ ПОТОМКОВ

Виктор ЖУК

бей Гулиа — аккумулятор нового типа: с маховиком. Если соединить его с тормозным механизмом, энергия передается на маховик, а потом, при разгоне — обратно на колеса. Вот только мощность такого аккумулятора ограничена скоростью, с которой вращается маховик. Для автобуса она, возможно, больше и не нужна. Но есть техника со скоростями сверхзвуковыми, и маховик там попросту развалится. Начиная от центра — с вала. А что если вал убрать? Хотя почему только его? Наибольшая скорость вращения — по окружности маховика, вот и оставим один ободок. Чем-то его надо держать. Что ж, используем магнитный подвес. Ну а как раскрутить? Можно линейным электродвигателем, вроде того, что в поездах на магнитной подушке.

Но емкость накопителя зависит и от размера маховика. Чтобы накопить энергию, например, для одного дома, нужен маховик диаметром метров десять, а для города — целый километр. И это не «колесо обозрения», в вертикальном положении его не удержишь. Оно должно лежать на земле. Если же сделать такой аккумулятор для удовлетворения нужд всей страны, то диаметр «кольца» увеличится настолько, что оно зацепит океан. Ну, а если для всего мира?.. Да обод же попросту «натянется» на земной шар! Но уж тут предел: максимальный размер зависит от длины экватора. В резерве только скорость маховика. Если разместить его в закрытом корпусе, из которого откачать воздух, то сопротивление движению сведется к нулю, и скорость можно развить запредельную. Три, пять, восемь километров в секунду!.. Вот тут Юницкого прямо-таки встремянуло: да ведь это уже первая космиче-

ская скорость! Весь маховик станет невесомым, и в нем появится подъемная сила...

— Ай да Юницкий! — воскликнул Анатолий и как инженер, знакомый с патентным делом, добавил: — Ай да Мюнхгаузен!..

Конечно, потянув себя за волосы, Мюнхгаузен мог вытянуть разве что собственную шею. Ведь за счет внутренних сил он пытался оторвать центр своей массы от земли и тем самым покушался на законы физики. Но «кольцо» опоясывает Землю, центр его массы совпадает с центром массы Земли. И как бы ни расширялось оно в стороны от экватора, положение его центра относительно центра Земли не изменится...

Анатолий понял, что вместо аккумулятора нашел нечто иное — надземное средство передвижения.

...Вокруг Земли по экватору тянется эстакада, похожая на железнодорожный мост. Бетонные опоры — их высоту определяет рельеф местности — шагают через долы и горы. Переправу через водные преграды Юницкий наводит с помощью японских инженеров, которые в прошлом проектировали аэропорт на море с дрейфом не более одного сантиметра. Здесь опоры стоят на платформах-понтонах, а те крепятся якорями за океанское дно. В опорах размещаются энергетические подстанции и административные помещения, жилье, коммуникации и прочие службы, обеспечивающие бесперебойную работу общепланетного транспортного средства (OTC — так сокращенно назвал Анатолий свое изобретение).

С виду OTC — обычная стальная труба большого диаметра, что лежит на эстакаде. Часть внутреннего простран-

ства трубы занимает вакуумный канал, в котором сердце системы — маховик. Точнее, два маховика. Все остальное место — для полезной нагрузки.

«Контакт? Есть контакт!» На OTC поддается ток, и маховик начинает разбег по ободу трубы. Когда скорость достигает той, с которой летают над Землей спутники, маховик становится невесомым. А ускорение продолжается. И вот — откапываются стартовые держатели, и Анатолий чувствует, как земля уходит из-под ног... Непосвященный наблюдатель вряд ли поймет, с чего это вдруг взмывает в небо труба. Но Юницкий представляет, как все огромное «колесо» — 40 тысяч километров в окружности — постепенно увеличивается в диаметре, растягивается... Размеры трубы таковы, что достаточно ей растянуться на полтора процента, и удаление от Земли составит 100 километров.

OTC проходит самый трудный участок пути — атмосферный, а сила, что прижимает Анатолия к спинке кресла, не больше, чем при взлете обычного самолета. И никаких тебе перегрузок, не то что в ракете. Ведь удаляется «колесо» от Земли со скоростью автомобиля.

В пассажирском салоне стоит тишина. Маховик не громыхает на стыках: он бежит в магнитном поле, не касаясь стенок канала... Анатолий испытывает непривычную легкость во всем теле и, взглянув в иллюминатор, замечает, что облака остались далеко внизу. Высота — 300 километров. Окружность «кольца» увеличилась на пять процентов. Запас хода еще остается: сталь выдерживает растяжение как минимум до двенадцати процентов. OTC вышло в открытый космос.

сколько дел. А для полетов в космос есть ракеты. «Колесо» лучше? Докажи.

И Юницкий перевернул исчерканные ватманские листы чистой стороной.

Аргументы он находил на той же самой улице, по которой ходит каждый день на работу. В безветренную погоду на ней хоть противогаз надевай: тянется бесконечная вереница машин, чадят неподалеку заводские трубы. «По-чёрному» топим, — думал Анатолий, — дым и сажа остаются в нашем общем доме. Ну, а что делать? Чтоб крутить колеса на земле, нужна энергия. Ради нее в конечном счете добываются и перерабатываются уголь, газ, нефть...

Вот и в Гомельском аэропорту всегда толпятся нефтяники — летают на межсторождения Тюмени. Добираться на работу за тысячи километров, конечно, накладно. Только авиационного топлива, говорят, сожгли за несколько лет работы вахтовым методом столько, что строительство нового города размером с Гомель обошлось бы дешевле... Но не будь этой нефти — не будет полноценной жизни и в Гомеле.

Энергетика — кровеносная система общественного организма. И требует она сегодня любой половины всех общественных затрат. А завтра? Ведь источники сырья истощаются. Растет и уровень загрязненности нашего дома. Да так быстро, что вот-вот станет этот дом для жизни непригодным. Экологи утверждают: чтобы познать последствия третьей мировой войны, война, собственно, и не нужна. Просто надо еще лет 50 жить и работать так, как сейчас...

Что-то надо круто менять. Но что? Это только пенсионерам, что судачат у подъезда дома, где живет Юницкий, все ясно: убрать атомные станции

и «грязные» заводы с глаз долой. Вопрос: куда? В другую область? Там тоже люди. Вообще отказаться от несовершенной энергетики? Интересно, кто на это отважится?

А рядом лежат нетронутые «горы хлеба» и «бездна могущества», о чём еще в начале века сообщил глуховатый чудак из Калуги. Раньше других людей взлетел он в мыслях над Землей и увидел: это маленькая планета с ограниченными возможностями. Но за ее пределами — практически неисчерпаемое море энергии и такие же запасы сырья. Чтобы их взять, надо выйти в космос. Но на чем? На ракете?

Есть такая статистика: если хотя бы один процент промышленной продукции будет производиться в космосе, то грузопоток на трассе «Земля — космос — Земля» составит не меньше десяти миллионов тонн в год. Осилят ли эту работу ракеты, которые весят тысячи тонн, а выводят на орбиту «маковые зернышки», не более пяти процентов стартового веса?.. Если вытащить для обозрения всю цепочку полетных потер, то оказывается, что коэффициент полезного действия ракеты как транспорта — один процент. Стоимость доставки одного килограмма груза на такой сверхсовременной системе, как «Шаттл», составляет примерно семь тысяч долларов. Золотым станет кирпич для промышленного предприятия в космосе. Но это еще не все...

Американские ученые признали, что 85 запусков «Шаттла» в год достаточно, чтобы отходами ракетного топлива необратимо разрушить ионосферу Земли, которая заслоняет Землю от космической радиации. Добавим сюда сотни тонн вредных соединений хлора и окислов алюминия, что отравляют атмосферу во время старта. А сколько будет «съедено» кислорода... И при этом перевезут ракеты лишь десять тысяч тонн груза. Как один железнодорожный состав за один рейс.

Современные полеты — это только заглядывание в космос.

Видел недостатки ракеты и сам ее изобретатель. Циолковский искал и принципиально иные средства выхода в космос. Например, кольцевые многоэтажные поезда, что бегут по экватору. Эта идея, несомненно, имеет нечто общее с «колесом Юницкого».

Промышленность на околоземной орбите станет рентабельной, когда космический транспорт по стоимости перевозок понизится до уровня земного. Юницкий утверждает, что ОТС может обеспечивать это уже сегодня: коэффициент полезного действия линейного электромагнитного двигателя с маховиком — больше 50 процентов. Значит, стоимость перевозки одного килограмма составит... 1 рубль. Это будет самое производительное «колесо» в мире, которое к тому же работает без вредного выхлопа.

...OTC подходит к первому космическому производственному «ожерелью». Перед стыковкой «колесо» переводится на режим, при котором тяжелый взлетный маховик тормозится, и в соответствии с законом сохранения количества движения начинает вращаться сама труба, набирая ту же первую космическую скорость, что и спутниковый пояс вокруг Земли. И вот — легкий толчок... Есть стыковка! Начинается разгрузка «колеса» и смена вахты, которую несут земляне на орбитальных станциях — промышленных предприятиях и научных лабораториях.

Одним рейсом «колесо» вывело в космос миллионы тонн грузов. Среди них — материалы для монтажа солнечной электростанции мощностью в 100 миллионов киловатт. Этой энергии хватит для сталеплавильных заводов — частицы того «грязного» производства, что переносится с Земли в космос. В остальных контейнерах — мусор, который невозможно утилизировать на Земле. В том числеadioактивные отходы. Они будут захоронены в космосе... А рабочих, которых сменяют очередная вахта, ждет возвращение на Землю. С помощью ученых очищают-

ся от загрязнения воздух, суша, вода. Раны затягиваются. Это возможно, пока они не смертельны. Земля постепенно становится местом отдыха людей, их радости и созерцания...

...Вот такие «опоры» подвел под свои фантазии Юницкий. После чего, окрыленный, направил заявку на регистрацию проекта в Госкомизобретений. Ему казалось, что речь идет о приоритете всей нашей страны. Ровно через два месяца Анатолий получил отказ из отдела предварительной экспертизы: заявка не прошла самый первый барьер. Контрдоводы эксперта: сооружение не имеет предшественника, его попросту не с чем сравнить. Заявка же оформлена на уровне идеи, в то время как защите подлежат только технические решения. Наконец, откуда это вы, молодой человек, собираетесь взять необходимые для строительства денежные средства, стройматериалы, металлы, электроэнергию?..

Что было делать Юницкому? Обидеться на рутинера-эксперта и на весь белый свет, не признавший своего благодетеля? Юницкий обиделся... на себя. Идея, как и человек, чего-то стоит, когда может защищаться. И он решил «вооружаться».

Сменил работу. Перешел в институт механики металлополимерных систем, имеющий в городе репутацию творческого центра. После этого шага его зарплата стала на полсотни меньше. И дома состоялся еще один памятный разговор.

Во второй заявке, которая была составлена через год, Юницкий не просто изложил принципиальную схему, но и обосновал многие конструктивные особенности «колеса». А также попытался ответить на «дополнительные вопросы» эксперта. Во-первых, где взять столько металла? Ведь его понадобится как минимум сорок миллионов тонн. Но наша страна выплавляет ежегодно 150 миллионов тонн. А сколько металла расходуется во всем мире? Подсчитано, что только «цепочкой» из имеющихся на Земле легковых автомобилей — их 500 миллионов штук — можно обернуть планету по экватору чуть ли не 50 раз. А ведь автомобили разных марок строить куда сложнее, чем участки однотипной «трубы». Хватит на Земле и остальных стройматериалов. Труднее с энергией. Для одного рейса «колеса» к нему пришлось бы ненадолго подключить электростанции всего мира. Это сегодня. Но, судя по прогнозам, к началу будущего века необходимая для взлета ОТС энергия составит лишь один процент той, что будет вырабатываться на Земле.

Но главный вопрос: где взять средства на такое сооружение? Простейший грузовой вариант ОТС — когда в космос выводится один маховик с полезной нагрузкой — обойдется в 200 миллиардов долларов. Даже если эти затраты быстро окупятся, ясно, что одной стране они не по карману. Хотя... Только США планируют израсходовать на военные нужды в ближайшие пять лет два триллиона долларов.

OTC вместо СОИ! Монополии-подрядчики получат куда больше прибыли, ведь их средства будут вложены в своеобразное промышленное предприятие с полезной отдачей. Перевести военно-космическую промышленность на мирные рельсы будет не так уж сложно: для ОТС понадобятся те же радары, компьютеры, защитные покрытия...

Единая земная энергетическая и транспортная артерия, общепланетный территориально-производственный комплекс, который поможет освоению океана, сближению в уровнях развития стран северного и южного полушарий, предотвращению глобальных кризисов, — все это ОТС. Словно становой хребет нашей матушки Земли.

Есть все технические возможности начать такое строительство даже сегодня. Только бы все страны смогли договориться.

«Бездна могущества» из космоса — это прежде всего дешевая и экологич-

ски чистая энергия — освободит людей от изнуряющего рутинного труда. Сбудется мечта Циолковского: осваивая космос, человечество усовершенствует себя.

На этот раз заявка выглядела как кандидатская диссертация: 60 машинописных страниц, 20 чертежей, формулы, таблицы... И отказ Юницкий получил с более высокой степенью Госкомизобретений — из ВНИИ патентной экспертизы. Прочитал он общие слова и решил, что эксперт его попросту не понял. Поехал в Москву. С трудом проился к автору вежливого отказа. Тот посмотрел на Анатоля с сожалением:

— И что это взбрело вам в голову? Ну допустим, ваша система работоспособна. Так ведь проходить она будет не по нашей территории. Почему же вы хотите получить авторское свидетельство у нас? Построить ваше «колесо» можно будет, когда на всей земле будет коммунизм.

Можно было отчаяться. Но Юницкий подумал о другом. Конечно, нужны изобретатели, которые совершенствуют ту технику, что мы имеем сегодня. Но разве меньше нужны люди, думающие: а что же завтра? Ведь они проектируют то, без чего жизнь человека не имеет смысла, — перспективу. Тогда почему же так получается: чем ближе идея к будущему, тем выше барьер для ее признания?..

Анатолий знал, что идея становится силой не после регистрации, а когда ее признают и поддержат другие люди. Он понес свои наброски туда, где рассчитывал на понимание. Вскоре журналы «Изобретатель и рационализатор» (№ 4, 1982 г.) и «Техника — молодежи» (№ 6, 1982 г.) опубликовали статьи про «колесо Юницкого».

И. Бестужев-Лада, доктор исторических наук, сопредседатель Комитета исследований будущего Международной социологической ассоциации. Демографы ООН прогнозируют, что в XXI веке рост земного народонаселения будет постепенно уменьшаться, и примерно к 2150 году народонаселение Земли стабилизируется на уровне 13,5 миллиарда человек. Это очень много. Достаточно сказать, что вся Земля без Антарктиды — это ровно 13,5 миллиарда гектаров. По гектару на человека. Очень мало. Очень высока энергетическая нагрузка. Если продолжить эту линию развития, то понятны опасения специалистов, которые говорят об опасности перегрева земной атмосферы, парникового эффекта, подъема уровня вод Мирового океана на несколько метров. В общем, катастрофические последствия... Мы должны пытаться двигаться в направлении так называемого «общества низкой энергетики», чтобы качество жизни было более высоким, а энергии мы тратили меньше. В этой связи проект Анатolia Юницкого представляется мне интересным. Правда, идея необычна. По сути дела, это принципиально новое транспортное средство.

После выхода в свет своих статей Анатолий получил письмо с приглашением выступить на Циолковских чтениях, которые ежегодно проводят Академия наук СССР.

Доклад, который он сделал в Калуге, был с интересом встречен участниками чтений — учеными, космонавтами, конструкторами космической техники, изобретателями-энтузиастами. В те сентябрьские дни 1982 года у Анатоля было много полезных встреч с людьми, имена которых известны всей стране. Но вот что еще отметил Юницкий: взвешивают не только идею, но и... его самого. Узнавали профессора, что перед ними «неостепененный» самоучка, и начинали смотреть на Анатоля как на участника самодействия...

— Что ты, как дитя, с этим «колесом» тешишься? — встретила дома жена. — Тебе уже 37. Вон твои ровесники — доктора наук. А кто ты? Жалкий неудачник. Маленький человек.

Анатолий тщательно закрыл дверь на балкон. И согласился на развод, о котором давно поговоривала Галина.

...Может, надо остановиться, подумать о себе, о своем благополучии, как следует все в жизни обустроить, защищаться, с семьей отношения наладить. А потом опять за ОТС взяться... Но не будет ли «потом» поздно? Ведь когда над нами повиснут лазерные кулаки с ядерной накачкой, «колесо» будет уже не нужно.

За время, пока Юницкий задавал себе эти вопросы, он, как бы между прочим, сделал сорок изобретений по профилю института. И даже «шутя» получил за них авторские свидетельства. Сразу грянули перемены: он был признан лучшим изобретателем института, назначен руководителем патентной службы, приглашен консультантом в областной Совет общества изобретателей и рационализаторов...

...Наверное, все свои сорок так легко признанных изобретений вряд ли променял бы он на одно-единственное, так и не признанное. Что бы ни делал он, кружится в голове это «колесо». И голову кружит. Однако Юницкий инженер, и ему ясно, что нельзя строить такую систему без ее основательной экспериментальной проверки. Вот только как сделать «колесо» в миниатюре? И вот тут Юницкого как током ударило. Так и есть: «короткое замыкание»! Замкнулся круг, по которому шел он десять лет. Есть реальный «промежуточный вариант» для ОТС! Это аккумулирующая электростанция нового типа — с маховиком.

П. Климук, летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза. Думаю, что если большинство людей поднимется в космос, то войны не может быть. Потому что в будущем, когда будут очень большие орбитальные станции (а освоение космического пространства можно осуществлять всем странам), мы там, в космосе, будем считать: не человек из Советского Союза, не гражданин, допустим, Польши, Чехословакии или Соединенных Штатов Америки, а просто — землянин. Каждый человек, независимо от того, какой он нации и какому государству принадлежит, будет работать для человечества, для землян. И как раз космос даст каждому из людей равные права на защиту своей земли.

По ходатайству Федерации космонавтики СССР в 1986 году в Гомеле был создан общественный комитет по проблемам безракетных транспортных космических систем. Его председателем стал Юницкий. К разработке технических и философских аспектов ОТС ему удалось привлечь многих энтузиастов. И к апрелю 1988-го, когда в Гомеле проходила научно-техническая конференция «Безракетная индустриализация космоса», о проекте Юницкого уже были наслышаны по всей стране, что сказалось на количестве гостей, среди которых были и летчики-космонавты. Кроме «колеса Юницкого», здесь обсуждались и другие идеи. Однако самой перспективной участники конференции признали ОТС. Но — только идеей... Остается много невыясненных вопросов. Необходимы основательные проектные работы. Кто будет их вести? Где взять средства?

Чтобы придать проекту динамизм, Совет Министров БССР принял решение создать фонд «Звездный мир», который имеет свой банковский счет — 000609208 — в операционном управлении Жилсоцбанка г. Гомеля. Так что взять пресловутый «барьер» Юницкому, теперь штатному директору одноименного центра при фонде, может помочь каждый из нас. Принимаются добровольные взносы. Первый — 150 тысяч рублей — поступил сразу, его сделал Советский фонд мира.

...Масштаб личности определяется масштабами ее жизненной цели. Юницкий ищет «спасательный круг» не для себя, не для своих близких, а для всего человечества. В сущности, ОТС — это новая этика. Только в техническом изложении. Это росток того мышления, которое так необходимо людям, чтобы у них было будущее.

Фото автора

Игорь КОНОНОВ

Еще два месяца назад здесь была огромная свалка, оставшаяся от строительства спорткомплекса и гостиницы. Сейчас на этом месте в рекордно короткие сроки проложена первая в стране специальная трасса для кроссовых автогонок. Авторами этой идеи стали хозрасчетный спортивно-технический клуб «Планета» и спортивно-зрелищный комплекс «Измайлово», а непосредственными исполнителями — сами гонщики, свободные от работы вечера и выходные дни проводившие на стройке, правдами и неправдами доставая бульдозеры и грейдеры, песок и гравий. Впрочем, «правдами» было больше, потому что ребята представляли ДОСААФ, СКА МВО, автохозяйства... И вот первая гонка, праздник открытия трассы.

...Мотор взывал, и из-под задних колес метнулась липкая грязь. Скорость вдавила меня в сиденье, и на миг исчезла способность двигаться — ощущение, сходное с тем, когда самолет проваливается в воздушную яму. Но «жигуленок» крепко цепляется за грунт шипованной резиной, и только на виражах задние колеса стремятся обогнать передние. Этую раз за разом повторяемую попытку гонщик Михаил Петрузов уверенно пресекает, резко бросая руль то вправо, то влево и успевая при этом переключать передачи.

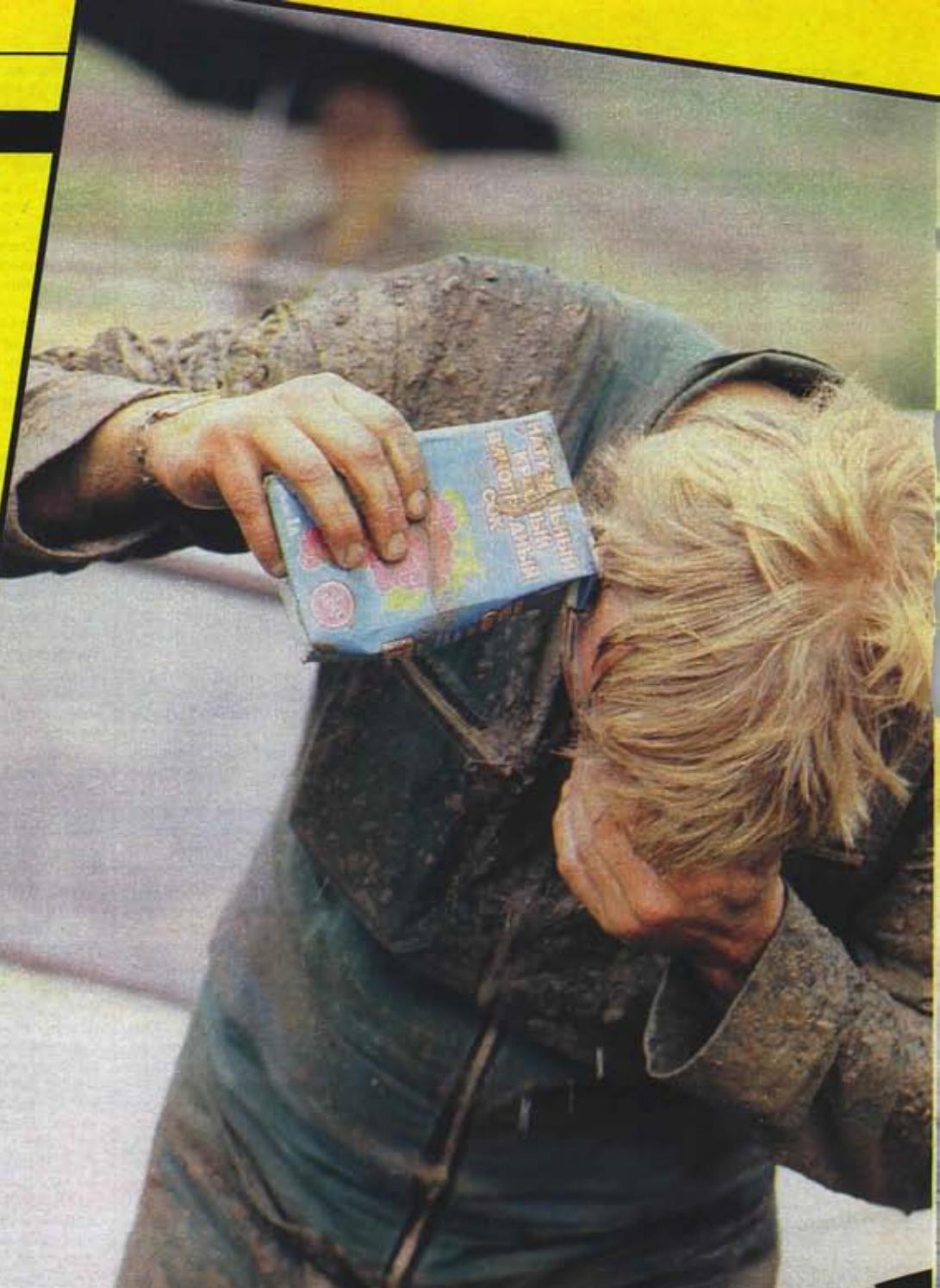
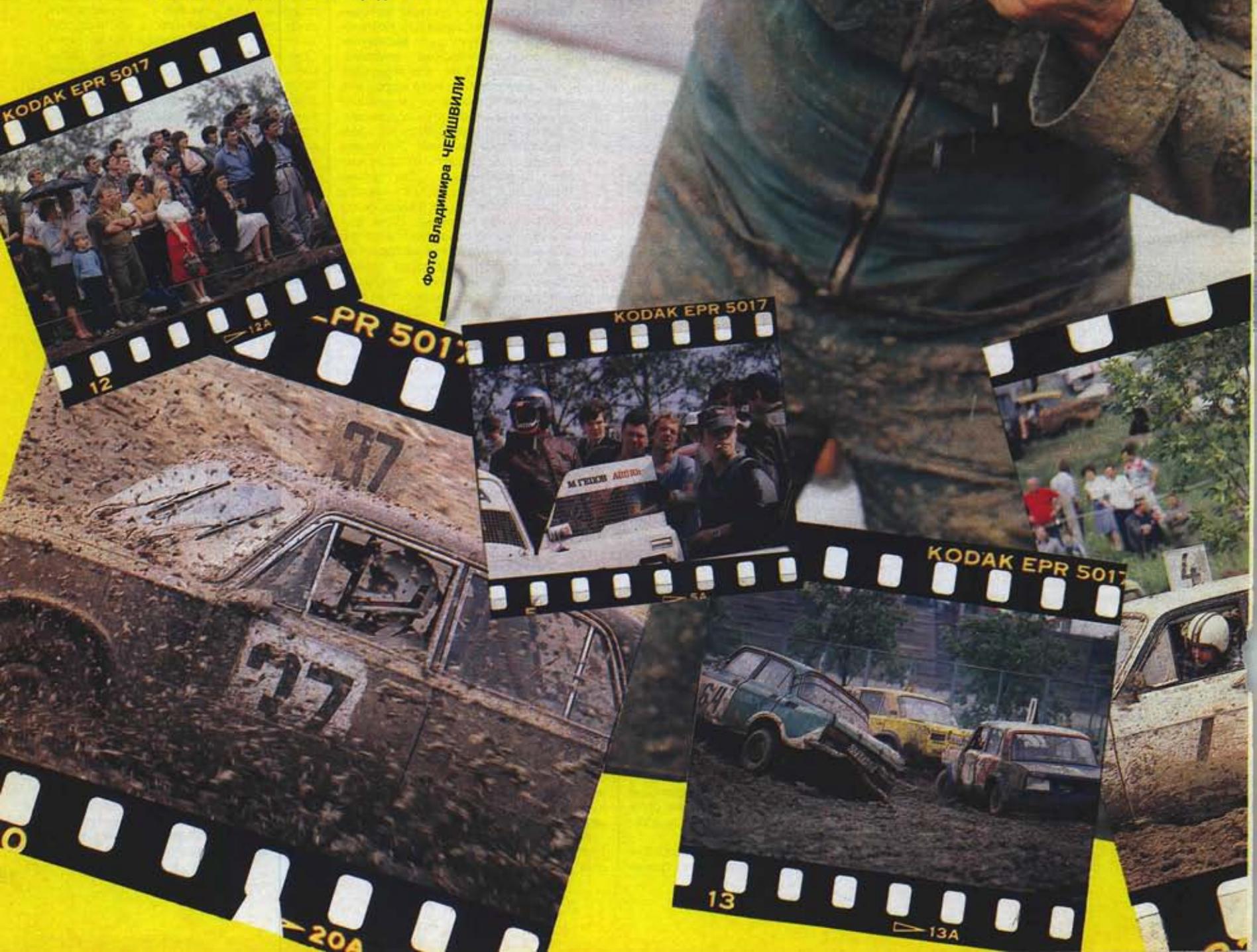

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

В другое время я бы полюбовался точными движениями гонщика, мужественной красотой и изяществом, с каким он держит машину на трассе, но сейчас не до этого. Едва сорвавшись со старта, несколько автомобилей сразу же засели в огромной луже. Надсадный рев двигателей перекрывает усиленный динамиками голос комментатора, а бешено крутящиеся колеса зарываются все глубже и глубже в глину. «Отъездились, — кивает на них Михаил, — попенились усиленные пружины поставить».

В идеале для автокросса требуется отнюдь не бездорожье, а тщательно подготовленная, специально спланированная трасса, где твердая накатанная дорога чередуется с участками песка и глины. Такой она и была задумана в «Измайлово», но в тот день вся предварительная подготовка пошла насмарку, потому что целую неделю до соревнований лил дождь и почти каждый из тысячи шестисот метров дистанции превратился в болото. Такие условия диктовали особую стратегию и тактику, и козырем становилось не просто умение «давить на педаль», а невидимый зрителю, малопривлекательный для романтиков труд по подготовке машины к гонке. Мелочей здесь не бывает, и за каждую не до конца затянутую гайку, за любое упование

на «авось» расплата неминуема.

Гонка продолжается. Уже есть лидеры и аутсайдеры. Стрелка тахометра нашей машины дрожит за красной отметкой — обороты предельные. Безостановочно работают «дворники» и все равно не успевают смывать грязь с лобового стекла. А у «Москвича», что пытается обойти нас на вираже, щетка отскочила, и он, «слепой», вылетает на земляной вал, ограждающий трассу. Тут же ему в багажник с характерным грохотом «въезжает» автомобиль с номером «1» на борту. Но разглядывая, что там случилось, некогда. Только вперед!

Двадцать ревущих железных коробок, растеряв в грязи и на ухабах свою врожденную элегантность, рвутся к финишу. Только быть первым, любой ценой, но первым! Круг за кругом — и все меньше претендентов на победу. Как же переменчива гоночная фортуна! Не выдержал лидер — из-под капота повалил пар: выкипела вода, и нечем охладить раскаленный мотор. Слекся... Кто же теперь, кто? Последний круг... И вот он, финиш.

В закрытом парке гонщики снимают шлемы и подставляют потные лица под струи воды. Механики суетятся вокруг машин — скорее что-то заменить, что-то исправить, ведь впереди еще один старт. Но для кого-то

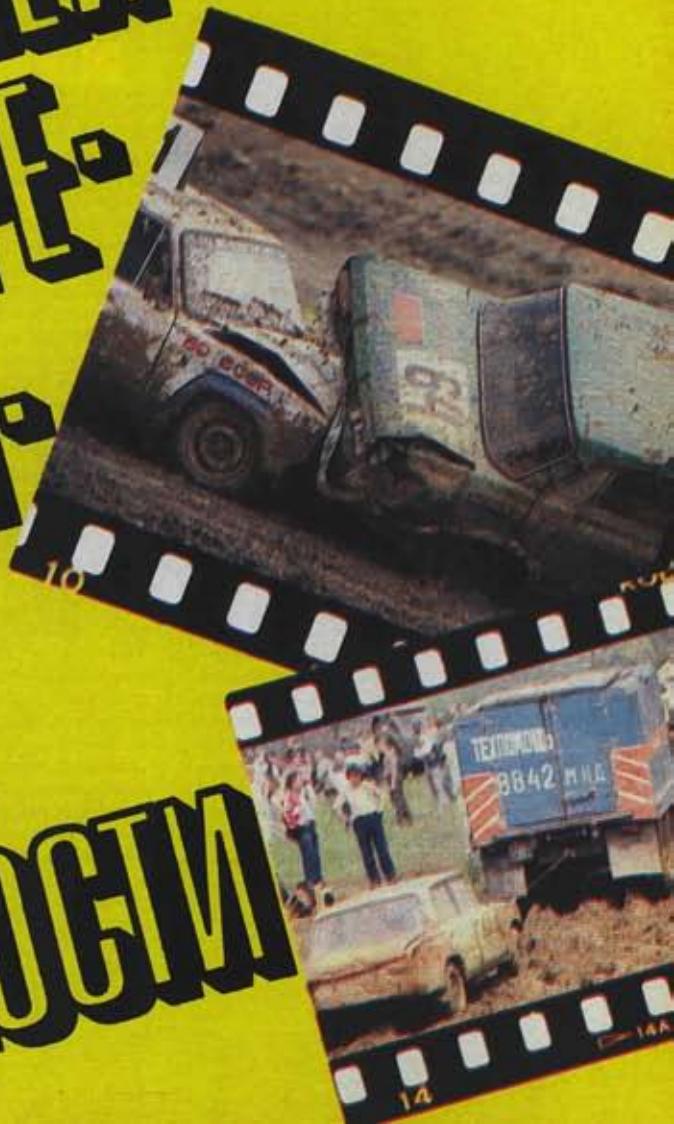
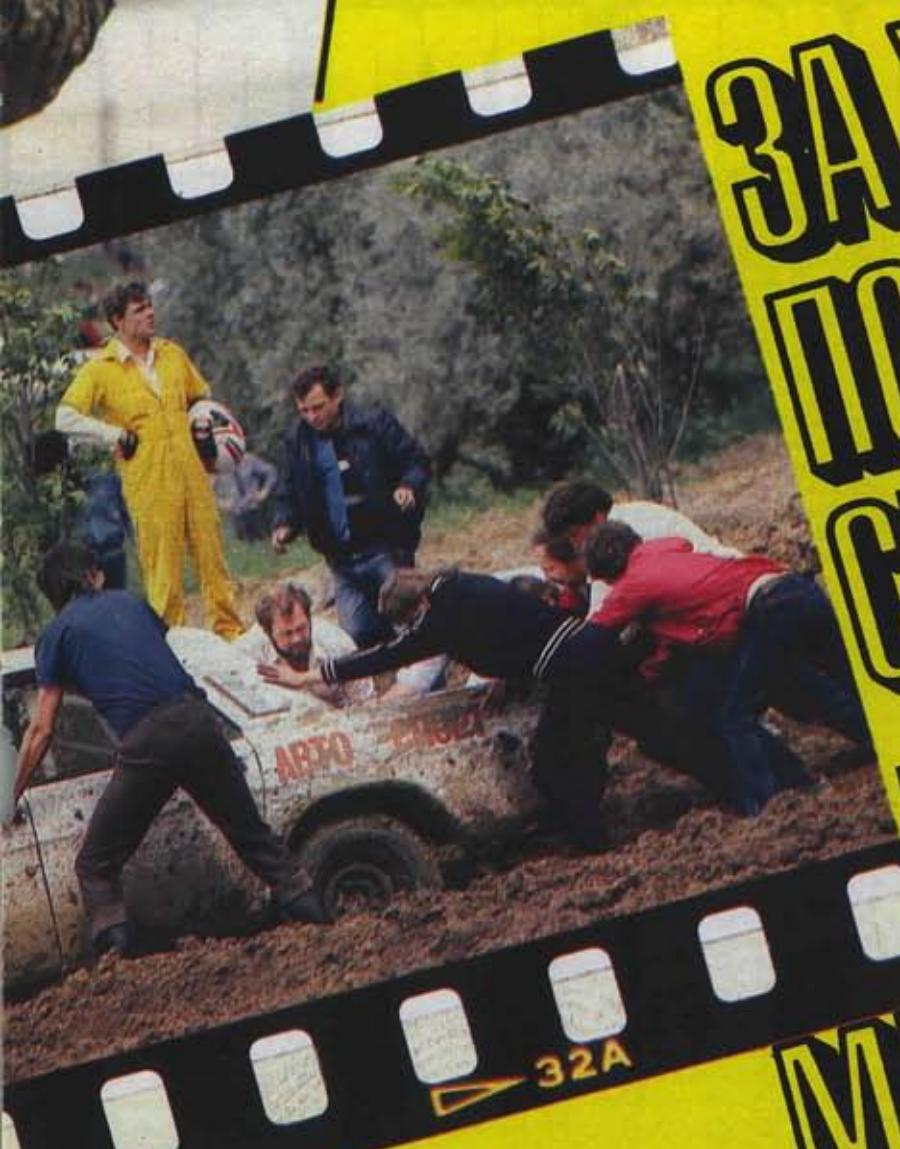
прошедшая гонка стала на сегодня последней: возможностей передвижных «техничек» не хватает, чтобы вернуть разбитые машины к жизни. Михаил Петрузов поднял крышку капота, и на нас пахнуло мартеновской печью. Раскаленный двигатель потрескивал, и не верилось, что через час он будет способен вновь перенести эти нагрузки. Механик Серега цокал языком, разглядывая рваную рану на боку машины. И зачем все это нужно?

— Как зачем? — удивляется вопросу Петрузов. — Автокросс — это ведь испытательный полигон. Мы создаем здесь экстремальные условия и проверяем в них любые новшества: узлы, агрегаты, новую резину, новую форму кузова. На трассе видны все недостатки автомобиля, но беда в том, что к нам они попадают уже после начала серийного производства, когда менять что-либо уже поздно. А должно быть наоборот, как делают ведущие автомобильные фирмы: сначала спорт, потом серийное производство.

Да, автокросс — это далеко не гонки на «Формуле-1» по гладкому, как полированный стол, шоссе. Я пытаюсь представить себе на кроссовой трассе обычный серийный автомобиль — переливающийся лаком красавец, на котором так приятно чувствовать свою независимость от давки в метро в час пик. Вряд ли бы он добрался здесь до финиша. Я спросил об этом Михаила, и его заключение прозвучало безапелляционно: «Двигатель заклинит еще до конца первого круга».

А на трассе вновь выбиваются из сил моторы, и километр за километром накручивается на спидометр, приближая финишную ленточку и миг, ради которого эти ребята сделали все. Миг удачи.

**ЗА УДАЧЕЙ
ДО ПЕРЕ-
СЧЕЧИ.
НОЙ
МЕСТНОСТИ**

Сергей ВЕТРОВ

Фото автора

ПОТОМУ ЧТО ОНИ

По своей воле сюда никто не приходит. Сюда привозят насилием тех, кто уклоняется от лечения. Порядки строгие: решетки, никаких прогулок, никакого общения с противоположным полом. Но — никуда не денешься — всюду жизнь! Вот и здесь, хоть убейся, надеются, любят, страдают.

Женщины на втором этаже, мужчины — на третьем, входы-выходы перекрыты, но можно взять веревочку, смастерить крючок, прицепить запасочку... Девчонки дали мне почитать эти послания: «Я увидел тебя, когда ты выходила из карцера, и понял, что не могу без тебя жить...» «Я так надеялся, что ты меня любишь, неужели ты обманываешь меня...»

Больные гонореей, сифилисом. Они не могут и не хотят жить без любви и надежды. Потому что они — люди.

Говорят, что проституция — это первая древнейшая профессия, а журналистика — вторая. Мрачное темно-красное здание на задворках рынка хорошо известно представителям обеих древнейших профессий.

В газетах вдруг замелькали заголовки: «Милиция нравов делает первые шаги в Риге», «Создано первое в стране подразделение по борьбе с проституцией»...

Имитировать любовь за деньги, конечно, нехорошо. Дезинформировать читателя и получать за это гонорар — не лучше. Никакой «милиции нравов», никакого «специального подразделения» в Риге нет. Темно-красное здание с решетками на ок-

нах — обыкновенный приемник-распределитель, каких в стране сотни. И функции у него самые обычные: найти бродяжек, попрошайек, других горемык, установить их личность, если больные — отправить на лечение, а потом попытаться адаптировать. Проще — пристроить на работу, в общежитие. Сделать это совсем несложно — альтруистов, особенно среди директорского «корпуса», сейчас мало. Но не мытьем, так катаньем сотрудники приемника возвратили обществу сотни бомжей. Казалось бы, все в порядке, колея накатана, осталось развесить почетные грамоты и снисходительно делиться передовым опытом. И тут коллектив приемника решил резко раздвинуть рамки своей деятельности — поставить под контроль всех рожанок «группы риска» — от бродяг до интердевочек.

Что сделал бы нормальный руководитель, затевая такое дело? Пшел бы выбивать ставки, оклады, транспорт... Начальник приемника подполковник Марк Дубовицкий предложил коллективу, минуя все формальности, начать борьбу с проституцией в свободное от основной работы время. Кажется, такого в нашей милиции еще не было. Работать без приказа, делать то, за что денег не платят... Какие-то «неформальны» с погонами.

— Мы определили две цели, — говорит Дубовицкий. — Первая — поставить заслон распространению венерических заболеваний: ведь ясно, что портовые прибалтийские города

могут стать основными каналами проникновения СПИДа в нашу страну. А вторая — воспрепятствовать вовлечению в этот промысел несовершеннолетних. Как видите, задачи сложные, на общественных началах их не решить. Нужен профессионализм. Нужен системный подход. Нужна индивидуальная работа с каждой женщиной из «группы повышенного риска». Нам здорово помог Указ Верховного Совета СССР о мерах по борьбе со СПИДом. Он дал возможность теснее объединить наши усилия с усилиями медицины. Теперь устраиваем совместные рейды с сотрудниками спецвендиспансера. Но, конечно, мы только в начале пути, ведь работа началась меньше года назад. Сделано не так много, как хотелось бы...

Его неудовлетворенность можно понять, но справедливости ради скажем — сделано много. На каждую легкомысленную даму заведен ДОП — «Дело оперативной проверки». Я листал эти дела: фотографии, протоколы, объяснительные, показания свидетелей, справки с места работы, медицинские справки... Из сотен «ДОПов», собранных сотрудниками приемника, складывается подробная и объективная история социальной болезни. Не изучив ее, нельзя приступать к лечению.

— Мы так долго игнорировали существование проституции, — продолжает Марк Дубовицкий, — что начинаем практический с нуля. Собственно опыта нет, с зарубежным знакомы плохо... Да и подойдут ли нам их

методы? В Штатах шериф запихивает проституток в автобус, вывозит за пятьсот миль от своего города и бросает на дороге...

Я мог бы напомнить Дубовицкому, что из Москвы перед Олимпиадой тоже вывозили ненадежных девочек подальше от Олимпийского Мишки — за сто первый километр. Это стало сюжетом нашумевшей пьесы Александра Галина «Звезды на утреннем небе».

В письмах, что сегодня приходят и к Дубовицкому, и в редакции газет и журналов, предлагаются все те же универсальные средства: тюремная решетка, колючая проволока... Двести пятьдесят лет назад вся Англия рыдала, читая роман Дефо о несчастной проститутке Молль Флендерс, которая «под конец стала жить честно и умерла в раскаянии». Призыв о «милости к падшим» — лейтмотив великой русской литературы. Почему же сейчас нет в нас чувства боли, вины, сострадания? Неужели СПИД и милосердие несовместимы? Такие мысли неизбежно возникают, когда читаешь о «необходимости полной изоляции», об «использовании на самых тяжелых работах», о том, что «при Сталине этого не было»...

Это — неправда, проституция существовала во все времена.

...Пока я читал письма, в Кабинете Дубовицкого собрались участники очередного совместного рейда. Часть в белых халатах — врачи из кожвен-диспансера, другие, естественно, в милиционерской форме. Инструктаж

ведет заместитель начальника Петя Закутаев:

— С восемнадцати до двадцати часов — четвертая и третья категории, потом — вторая, с двадцати трех — первая. Старшая поисковой группы — Галина Ванышева.

Для читателя, недостаточно хорошо знакомого с «горизонтальным бизнесом», объясним: первая категория — «интердевочки», вторая — «совпроститутки», третья — «плечевые», четвертая — «вокзальные». По ходу рейда мы познакомились с ними ближе.

Группа усаживается в «скорую помощь», причем люди в форме так, чтобы их не было видно, и реид начинается.

...Машина резко тормозит на привокзальной площади, и тут же раздается истошный крик:

— Менты!

«Четвертая категория» пускается

наутек. Стартовая скорость у них невысокая. Измощденные, больные, с проваленными носами, они покорно забираются в машину, начиная свой привычный круг: камера приемника, вендинговер, ЛПП, попытка устроиться на работу, опять вокзал... Скорее алкоголички, чем проститутки, они отдаются за фланончик одеколона или зубного эликсира. За «фунфырь» — так они называют эти фланончики.

— Пьем все, что мокрое — бесшабашно говорит одна из них, по кличке «Вокзал для двоих». У нее туберкулез, на вид лет шестьдесят, на самом деле — тридцать семь. Родители не помнят, выросла в детдоме. Вышла из замкнутого детдомовского мира и растерялась. Молодая была, глупая. Пошла по рукам. Добрые дяди кормили, поили. Не успела и глазом моргнуть, как оказалась на самом «дне». Чувствует, что скоро

умрет. «Вокзальные» долго не живут. Да и что за смысл цепляться за такую жизнь... Приемник для нее — дом родной, а Галия Ванышева — вроде строгой сестры. Единственное, что беспокоит, — как бы спрятать недопитый фунфырь. Или быстро допить прямо тут, в машине? Она тихонечко достает фланончик...

— Ты что делаешь? — У Ванышевой хорошая реакция. — Здесь и так дышать нечем!

Да, «рафик» явно не рассчитан на такое количество пассажиров. В кабине витает причудливая смесь запахов: пот, одеколон, моча, перегар.

— Хватит, — решает Галина, — поехали в приемник, сдадим эту группу и займемся «дальнобойщиками»...

Для погони за «плечевыми» или «дальнобойщиками» машина оказалась не нужна. Приемник находится рядом с центральным рынком, рефрижераторы, которые привезли сюда

фрукты и овощи, стоят прямо под окнами, водители копаются в моторах, а вокруг них трутся эти лягушки-путешественницы, готовые схватиться куда глаза глядят в кабинах МАЗов и КамАЗов, даря радость общения за котлету в столовке на обочине, за какое-нибудь бельишко. Шоферы — народ серьезный, деньгами швыряться не любят, но относятся по-человечески. Мир для «плечевых» сужается до размеров кабины.

И сегодня в «Риге» — «спецобслуживание»...

На столе у Виновида Буяка — «вещишки».

Галина Ванышева и ее коллеги.

«Трезвая? Ну, это проверим...»

Этот «рыцарь» задержан.

А сколько валютчиков-сугенеров еще на свободе...

Привокзальная площадь: финиш.

и на всех параллелях и меридианах одно и то же: пыль, пот, запах солярки...

Из окна приемника мне хорошо видны действия рейдовой группы. Около одного из большегрузов идет крупный разговор. Все оживленно жестикулируют. Позже выяснится, что водители всячески выгораживали двух своих будущих «пассажиров». Еще позже, в кожвендиспансере, выяснится, что рейдовая группа уберегла сердобольных шоферов от весьма противной заразы.

...И вновь наша «скорая помощь» колесит по вечерней Риге. Пришло время «второй категории». Эти проститутки общаются с обеспеченными соотечественниками. Предпочитают мужчин с Крайнего Севера или бескрайнего юга. Клиентов называют «пассажирами». Это действительно пассажиры, приехавшие в Ригу в командировки или просто отдохнуть. Женщины, как правило, зрелые, в отличие от третьей и четвертой категорий находятся под контролем супергеров, которым отдают значительную часть заработка. Зато супергеры защищают их от разных неприятностей.

Как выглядит эта защита, я узнал на себе: попытался сфотографировать этих девочек в ресторане на окраине, и через секунду оказался с заломанными руками в каком-то темном углу. Только вмешательство милиции спасло мой новенький «Нikon».

Мир проституции — жестокий мир. Зрелые проститутки люто ненавидят конкуренток — «малолеток». Поэтому школьницы, пэтэушки «пасутся» в своих, специально отведенных для этого местах. До последнего времени собирались в кафе «Латитис». Великое таинство осуществляли прямо в туалете. Условия, конечно, антисанитарные, зато и цены за вход в этот храм любви были вполне доступны: трешка, пятерка. Под давлением прогрессивной общественно-

сти туалет в кафе нагло заколотили. Ничего, подворотен много, хотя в туалете было, конечно, уютнее...

Сейчас штаб юных дарований переместился в сквер рядом с цирком. Начальница штаба — кудрявая восемнадцатилетняя Ира. Бареные джинсы, белая кофточка, маленькая сумочка. В сумочке — косметичка и острый ножик. В глазах — готовность пустить нож в дело. Ира, несмотря на юный возраст, смекнула, что гораздо выгоднее продавать других, чем торговать собой. И стала во главе такой крохотной, полудетской мафии. Они отыскивают тихих, забытых, безвольных девочек, запугивают их до потери пульса и дают напрокат пожилым ценителям юности. С одной из Ириных жертв я познакомился в закрытом вендиспансере. Таня тоже восемнадцать. Убежала из дома («не убежала, а ушла» — повторяла девочка), в общем, убежала, ушла — не важно. Главное — оказалась в боевых порядках Ириной гвардии. Для начала ее хорошенько поколотили, а потом пустили по рукам. Сколько за нее платили, не знает — Ира брала все деньги себе. Клиенты были в основном торговцы с рынка, и Таня иногда перепадал огурец, или яблоко, или абрикос. Так она прожила неделю. А потом к Ире подкатился старичок-пенсионер и предложил за пятьдесят рублей продать ему Таню «насовсем». Ира подумала и согласилась. Лысый друг детей утащил Таню в свою нору. Он оказался извращенцем и вытворял с девочкой такие гнусности, что на третий день Таня пересилила страх и сбежала. Возмущенный старикан потребовал от Иры восстановить справедливость. Насовсем — значит насовсем. Ира и еще три девочки поймали Таню, увезли в лес и стали пытать. Били ногами, загоняли иголки, тушили окурки о кожу. Она потеряла сознание от страха и боли, а когда очнулась, была уже ночь. Вышла на шоссе

и стала голосовать грузовикам. Решила податься в «плечевые», уехала далеко-далеко, чтобы Ира никогда ее не нашла. Сотрудники приемника подобрали ее, отвезли в этот диспансер. Таня не хочет отсюда уходить. Здесь крепкие решетки на окнах, здесь спокойно. Здесь ее Ира не достанет...

Рейд продолжается. Пришло время первой категории — интердевочек. Впрочем, пока команда Дубовицкого металась по городу в поисках бродяг, «плечевых» и «малолеток», «интерши» находились под наблюдением конкурирующей организации: специального оперативного подразделения уголовного розыска по обеспечению безопасности иностранных граждан. Сокращенно — СОП. Отношения между этими двумя подразделениями складываются непросто: знатоки международных нравов из СОПа без восторга относятся к вторжению на их территорию сотрудников приемника, те отвечают тем же монетой. Не будем вдаваться в подробности, скажем только, что отсутствие координации усилий идет не на пользу делу.

Гостиница «Рига» — место работы инспектора уголовного розыска Виновида Буяка. Пока рейдовая группа пьет кофе в буфете, мы сидим с Виновидом в его крошечной комнатке на первом этаже гостиницы. Буяк — не новичок, знает всех проституток Риги и по именам, и по кличкам.

Сегодня в гостиничном ресторане — аншлаг. В город приехала большая группа финских туристов. Таблички «Свободных мест нет» и «Специальный обслугивание» для «интерши» не преграда. Недавно «Советский экран» напечатал на обложке игровой призыв «Ищем интердевочку!». А чего ее искать? Вот они, все здесь: Тортила, Муха, Горбатая, Заика, Утка, Рабочие Губки, Универмаг... А вот и Белая Лошадь поскакала к своему столику. Я узнал ее сразу:

утром начальник СОПа Геннадий Рыжников показал мне фривольный финский журнальчик «Ратто». Белая Лошадь занимает там достойное место, иллюстрируя статью под заголовком «Рига — это маленький Париж». В статье Ригу хвалят: и выпивки хоть залейся, и девочки веселые и недорогие. Вообще-то все мы любим, когда нас хвалят за границей. Но тут чувства законной гордости я не испытал.

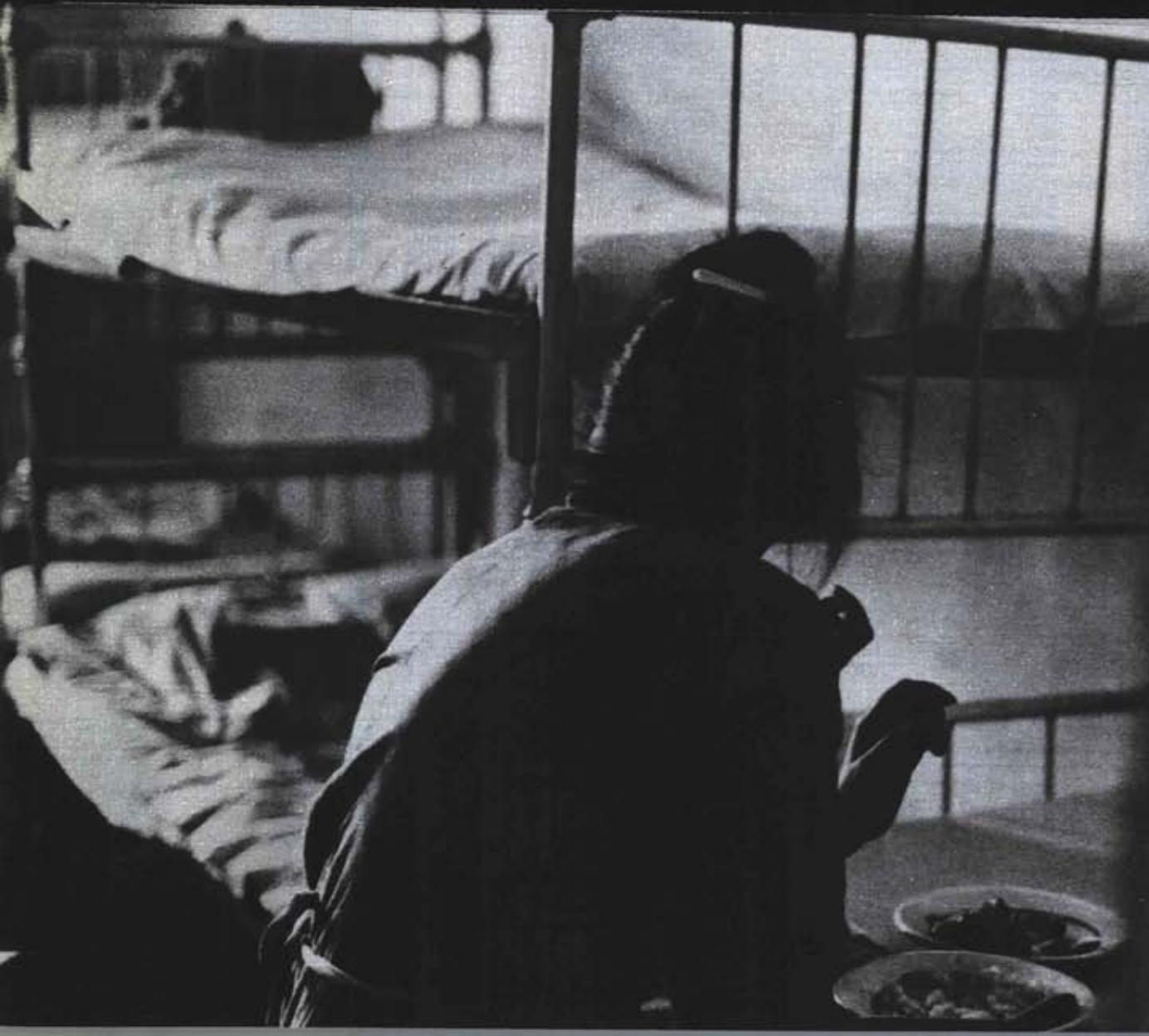
Атмосфера в ресторане становится все более теплой. Дружба народов постепенно переходит в любовь. В качестве амуротов выступают рижский бальзам, русская водка и некоторые официанты. Проститутки нахально делают глазки Буяку. Уверены в своей безнаказанности? Как написал бы Юlian Семенов, «они еще не знали, что...

Действительно, они еще не знают, что Галия Ванышева и ее коллеги уже допили кофе. А у Буяка сегодня своя работа: СОП вместе с оперативным горкомом комсомола начинают операцию по захвату нескольких крупных спекулянтов-валютчиков. Выходы из гостиницы блокированы дружинниками. Валютчиков нужно взять с поличным. Впрочем, это тема для другого репортажа, хотя все взаимосвязано: не будет валютчиков — не будет интердевочек. Нельзя сказать, что валютчики дают девочкам особенно разбогатеть. Доход средненький, а риск смертельный: ведь все они — потенциальные жертвы СПИДа. Понимают ли это? Трудно сказать...

В крупных городах США восемьдесят процентов проституток заражены СПИДом. По прогнозу Всемирной организации здравоохранения, через три года число вирусоносителей на земном шаре достигнет ста миллионов. Сколько миллионов придется на нашу долю? Думаю, этого не знает никто.

Окончание на 31-й стр.

После ужина в ресторане — завтрак в кожвендиспансере.

В ЗАМКЕ МИЛОВАННОМ

БУАЛО-НАРСЕЖАК

ДСУ

Она скрестила руки у горла, ее глаза блуждали в поисках чего-то неведомого.

— Он скрывается во мне... Мне часто хочется умереть. Как Мерлену и как де Дерфу! Порой мне кажется, что мои мольбы вскоре будут услышаны и я наконец обрету мир, спокойствие, а затем...

— Клер, дорогая, успокойтесь! Мне не нравится это ваше исступление. Рядом со мной вам нечего опасаться... А позже вы мне все объясните...

Обняв ее за плечи, я шел с ней по дозорному пути. Вокруг нас скользил легкий ветерок. По нагретым солнцем камням, словно язычки пламени, то тут, то там мелькали ящерицы. От наполнившей меня божественной радости я почувствовал, как воспрянул мой дух.

— Вы, как и я,— жертва одиночества,— прошептал я ей на ухо.— Эти величественные леса, эти мирные стояние воды, эти травы, выросшие, словно лианы, и превратившие парк в какой-то дикий уголок,— вот что постепенно вызвало в вас ипохондрию, это мрачное и нелюдимое настроение. Но я намерен переделать замок Миозияк. Я выброшу деревья, осушу пруд, а на том месте, где шумел тростник с камышом, зацветут лилии и розы. А сам замок...

Она покачала головой:

— Прошу вас, не усугубляйте мою печаль!.. Ах! Вот и отец.

И в самом деле, в замковой башне раздался голос барона. Я отошел от Клер на несколько шагов.

— Я никогда не покину вас, что бы ни случилось! — поклялся я.

Появился барон, идущий впереди жены, и потирающий руки нотариус.

— Мы пришли к согласию,— сообщил мне барон.— Вы можете гордиться, господин граф, тем, что нашли в лице метра Меньяна такого прекрасного союзника.

Я смотрел на его перевязанный палец, и его слова странным образом отзывались в моей голове.

— Я счастлив,— пробормотал я.— Лишь я ничего не смыслю в подобного рода сделках...

— Нужно только подписать документы,— вмешался нотариус.— Я уже все подготовил.

— Ну что ж,— подытожил барон,— давайте спустимся вниз... Быть может, господин граф, вы хотели бы еще что-нибудь посмотреть?

В какой-то момент я внерешительности замер, боясь показаться смешным.

— Да,— вымолвил я наконец.— Да... Я бы хотел еще осмотреть склеп под часовней.

— Склеп? — повторил барон.

Внезапно он остановился, и кровь отхлынула от его полнокровного лица, а его жена прислонилась к амбразуре, став такого же серого цвета, что и камень, поддерживающий ее. Клер же опустила глаза, и, несмотря на заливавшее нас солнце, они все трое, казалось, застыли, мучимые изнутри какой-то странной и смертельной болью.

— Это не к спеху,— поспешил добавил я.

— Да, это не к спеху,— повторил барон слабым голосом.

А затем, взяв меня под руку и ведя обратно, он добавил:

— Лучше оставить мертвых в покое.

— Как? Вам никогда не приходила в голову мысль спуститься в склеп? — спросил я.

— Я туда уже однажды спускался...

— И что?

— А то, что у меня нет ни малейшего желания спускаться туда вновь.

— Он что, оказался... слишком поврежденным?

— Вовсе нет. Однако, поверьте мне, господин граф, что погребать мертвых столь близко от живых далеко не самая удачная мысль.

После этих слов воцарилось молчание, едва нару-

шаемое свистом ветра. Я вновь ощутил то тягостное чувство, столь взволновавшее меня в начале визита, и подумал, что барон, возможно, не согласился бы с предложением нотариуса, не будь у него каких-то определенных оснований. Почему этот человек, который раньше и не думал о продаже замка, столь поспешно принял мои предложения? Клер накануне сказала мне: ее родители терзались страхом... Мой взгляд без конца возвращался к пальцу барона, к тому самому пальцу, который я так глубоко ранил всего несколько часов назад. Нет, страх — это не объяснение, и тайна Эрбо, без сомнения, заключалась в чем-то гораздо более ужасном.

Запутавшись в своих мыслях и отчаявшись убедить свою любимую, я, желая умереть сам, следил за бароном в гостиную. Нотариус утратил свою живость и,казалось, погрузился в какое-то мрачное размышление. Вынув из своего портфеля договор, он принялся отсчитывать деньги, в то время как мы с бароном ставили на пергаменте свои подписи. По правде говоря, я уже не понимал, сон ли это или же реальность. Во время нашего отсутствия в гостиную принесли поднос и бокалы. Барон налил нам старого вина, аромат которого я едва заметил. Совершенно напрасно я твердил себе: «Замок принадлежит тебе. Ты у себя дома. Прошлое — не в счет», — и все же я был опечален еще больше, чем на похоронах моей матери. Наконец нотариус уверенными жестами закрыл свой портфель.

— Разумеется, господин барон,— сказал он,— вы располагаете достаточной отсрочкой, чтобы забрать...

— Благодарю вас, но мы уедем с наступлением ночи.

Я попытался было возразить.

— Не настаивайте, господин граф,— продолжил он.— Я намерен уехать в Ренн, где мне предлагают одно очень интересное дело. С вашего разрешения, несколько позже я заберу некоторые вещи, которые мне дороги. Вместе с тем я был бы вам чрезвычайно благодарен, если бы вы оставили ландо в моем рас-

поряжении еще на несколько дней.

Оценив его учтивость, я, в свою очередь, предложил ему оставить карету у себя навсегда, и мы расстались лучшими друзьями. В то время как метр Меньян прощался с бароном и баронессой, я подошел к Клер.

— Я тоже поеду в Ренн,— прошептал я.

— Я запрещаю вам это.

— Но я не хочу терять вас.

— А я не хочу выходить за вас замуж.

— Почему?

— Это секрет.

— Уверяю вас, что я его раскрою.

— А я умоляю вас забыть меня.

— Ни за что!

Это были последние слова, которыми мы обменялись. Сильно взволнованный, я сел в кабриолет, и мы уехали из замка. В голове моей уже крутилась тысяча смелых планов. Я был готов, в случае надобности, выкрасть Клер. Я поклялся, что она будет принадлежать лишь мне и никому другому. Мое возбуждение в конце концов привлекло внимание нотариуса.

— Я вижу, господин граф, что вы испытываете то же впечатление, что и я... Странная семья, не правда ли?

— Да, странная.

— Я бы даже сказал: вызывающая беспокойство,— уточнил этот славный малый.— В их жилище царит... не знаю, как поточнее передать словами мое впечатление,— какая-то угнетающая вас атмосфера... Эти люди, похоже, живут иначе, чем мы с вами. Однако нельзя сказать, чтобы они были таинственными, нет... Должен даже признать, что барон весьма недурно разбирается в юриспруденции... Однако я бы все же не хотел пребывать в замке вместе с ними... Возможно, это смешно...

— Вовсе нет. Я полностью разделяю ваше чувство... Была ли у вас возможность общаться с предыдущими владельцами замка Миозияк, с этими Мерленом и де Дерфом?

— Нет. Никогда.

— Вы говорили, что один из них сошел с ума?
— Совершенно верно, господин граф. А другой покончил с собой.

Какое-то время метр Меньян пребывал в задумчивости, несомненно, размышляя над моими вопросами, а затем продолжил:

— Меня удивляет другое. Я ожидал встретить серьезный отпор, однако, когда Эрбо узнал, что вы намерены тут же расплатиться наличными, он немедленно уступил. Полагаю, что он спешит избавиться от замка.

Нотариус был несколько обижен тем, что ему не пришлося прибегнуть ко всевозможным юридическим уловкам. Я же решил не рассказывать ему то, что я видел накануне, так как был почти уверен, что Эрбо явился жертвами какого-то загадочного колдовства. А слова барона о склепе лишь подтверждали мое предположение. Разумеется, это не помогло мне проникнуть в тайну, оставшуюся для меня непостижимой. Вместе с тем я догадывался, что она как-то косвенно была связана с трагической судьбой тех, кто первыми завладели замком. Странное поведение Эрбо только укрепило мою уверенность в том, что я видел, и в том, что я не был подвержен галлюцинациям. Но тогда... Я опасался, что вновь приду к умозаключениям, которые поставят под угрозу мой рассудок. В итоге я решил раскрыть все свои затруднения духовнику, когда у меня будет на это время.

Между тем мы приехали в поселок, и нотариус, видя мое уныние, и, возможно, догадываясь — ведь он был человеком на редкость проницательным — о пагубной страсти, которую я питал к дочери барона, весьма любезно пригласил меня на обед. Я с радостью принял приглашение, опасаясь остаться наедине со своими душевными муками. Рассказывать, каким был обед и как прошел остаток дня, было бы пустой трата времени. Нотариус поставил меня в известность о придуманных им путях укрепления моего состояния. Вежливо внимая ему, я не переставал думать о владельцах замка, готовящихся к отъезду. Разумеется, через некоторое время я мог бы тоже поехать в Ренн и просить у барона руки его дочери. Покидая Миозиян, Клер не была потеряна для меня навсегда. Вместе с тем я испытывал глубокое беспокойство. Какое-то смутное предчувствие предупреждало меня, что я не должен дать ей уехать, и, по мере того как солнце опускалось к горизонту, тревога моя становилась все невыносимее. Я удалился, будучи не в силах выносить дальше вид подобных себе людей. Теперь я остро нуждался в одиночестве.

Выходя из поселка, я направился к ландам, и величественный вид заходящего солнца, пурпурно-перламутрового цвета, еще больше возбудил мою любовь. Мои глаза наполнились горькими слезами. Я брел наугад, молча призывая себя на помощь небо и чувствуя себя еще более заброшенным, нежели скорбная душа. Сумерки вскоре окутали цветущие травы пепельным светом, а я так и не пришел ни к какому решению. Временами идея с женитьбой казалась чудовищной, и я прекрасно осознавал, что посельчане будут показывать на меня пальцами. Вдруг я так сильно пожелал этого союза, что даже почувствовал, как сердце перестало биться, и я зашатался, словно дуб под ударами топора. Над верхушками деревьев появилось огромное и красное ночное светило, похожее на ту древнюю луну, что вела друидов к месту их жертвоприношений. Я же, словно неприкаянная тень, подсознательно направлялся к воротам замка. Я узнал дорогу, когда под моими ногами заскрипели камешки. Итак, я вернулся на место нашей первой встречи, я все еще ждал свою любимую в тот момент, когда она садилась в ландо, готовясь навсегда покинуть эти места! Полностью предавшись своему отчаянию и почти что сраженный болью, я побрел к воротам замка. Уцепившись за решетку, словно узник, в последний раз наблюдающий из своей камеры дневной свет, я обратил свой умирающий взор к этим высоким стенам, за которыми в течение многих лет она, наверное, заочно любила меня, не зная даже моего имени. А теперь... О жестокий Бог! Едва наши руки успели соединиться, как мы тут же оказались различными. Просто и трогательно вплетая зиятельные насмешки в мольбы, я поднял свои глаза к небу.

Луна бросала серебряные отблески на наклонные крыши, и постепенно я обнаружил, что двор пустынен. Вдруг я ясно услышал скрип едущей кареты. Она огибалась северной частью замка, посему я должен был вскоре увидеть ее. Шаги лошади, четко ступавшей по твердой земле, отдавались эхом, и охваченный каким-то суеверным страхом, я отступил к самой стене. Колеса ланда вскоре заскрипели во дворе, и оно возникло из темноты, столь же фантастичное в этом едва освещенном пространстве, что и накануне, там, в глубине парка. Лошадь выдыхала пары, и сдержанное ржание вырывалось из ее горла с неровным шумом. Щелкали поводья. Цилиндр кучера, похожий на какой-то воинственный шлем, зловеще блестел. Карета, с поднятым и тщательно закрытым верхом, двигалась с какой-то холодной и смутно угрожающей величественностью, бросая перед собой бесформенную

тень, лежащую огромным полумесяцем на чудовищно вытянутых ушах лошади. Выехав, Антуан — я сразу же узнал его худощавый силуэт — соскочил с козел и вернулся назад, чтобы закрыть тяжелые железные ворота арки. Я четко видел окно ланда, отражающее часть усыпанного звездами неба. Что же делали Эрбо за этим окном? Курил ли барон сигару? Не наклонилась ли баронесса, чтобы в последний раз посмотреть на проданное ими владение? А Клер? Думала ли она обо мне в этот момент?

Ворота сопротивлялись, и их петли отчаянно скрипели. Я не в силах был больше сдерживаться. К черту приличия! Пусть говорят обо мне все что угодно, но я все же коснусь на сиденье кое-как! Три тела, которые я плохо различал, но которые я узнал как-то инстинктивно. Луч луны коснулся бакенбарда барона, а светлые пряди Клер сияли в темноте почти фосфоресцирующим отблеском. Потеряв голову, я пробормотал тихим голосом:

— Прошу вас извинить меня.

Но я уже знал, что никто мне не ответит. За спиной у меня хлопнули ворота, и подбежал кучер. Я хотел принять оборонительную позу, потеряв все свое хладнокровие, однако у слуги не было никаких дурных намерений. Он сделал мне знак рукой, чтобы я не производил ни малейшего шума. Да и сам оншел теперь, приглушая шум своих шагов. Подойдя ко мне, он приложил палец к губам, а затем настежь раскрыл дверцу кареты.

— Быстро садитесь, — молвил он мне. — И ни звука! Я пытался на ощупь сориентироваться в темноте, натыкаясь на тела, а затем упал на сиденье подле Клер. Вытянув руку, я почувствовал ледяную кожу ее рук. У меня вырвался крик ужаса, не получивший, однако, никакого отклика. Карета по-прежнему катилась, сильно раскачиваясь и скрипя всеми своими перегруженными рессорами, причем каждый наклон сопровождался невероятными шатаниями сидящих передо мной силузтов. Я задыхался. Легкий запах забытого в застоявой воде букета забил мое обоняние. Где-то мне уже приходилось вдыхать подобный запах... Это был запах погребальных комнат иочных бдений у гроба матери. Более сильный толчок перевернул тело барона и отбросил его на меня, с отвратительной фамильярностью он надавил на мое плечо. Я высвободился и с воплем ударил кулаком по перегородке кареты. Антуан подстегнул лошадь — колеса запрыгали по кочкам, а в моей голове отдавался нарастающий шум. Заблокированная дверца кареты уже не открывалась. Я видел перед собой лишь мертвенно-бледные лица, которые, похоже, оживились каким-то до неистовства лугающим меня бешенством. Лунный свет по очереди скользил по ним, показывая их рты с поблескивающими зубами.

В последний раз призывав к себе Клер, я лишился чувств...

Почему же смерть не приняла меня в этот момент в свое лоно? Она бы помогла мне избежать множества испытаний — ведь самое страшное было мне уготовано позже. И оно не замедлило обрушиться на меня.

Когда я раскрыл глаза, было темно. Я лежал в огромной кровати, и, повернув голову, заметил слева от себя деревенский шкаф, а справа — комод с зеркалом. У моего изголовья в медном подсвечнике горела свеча. Вокруг царило молчание. Где я нахожусь? В гостинице? Но почему тогда меня не отнесли в мою комнату? Внезапно я вспомнил то, что со мной произошло, и я, убитый этим воспоминанием, повернулся на бок. И чуть было вторично не потерял сознание. Я становился сумасшедшим или же оказался жертвой какого-то ужасного кошмара... Клер!.. Клер!.. Даже в бреду я произносил ее имя. И вдруг какая-то тень пересекла комнату и подошла ко мне. Свет свечи позолотил ее светлые волосы и зажег две сверкающие точки ее зрачков.

— Я здесь, — прошептал призрак. — Спите. Отдыхайте.

Нежная и мягкая рука опустилась на мой лоб и вытерла пот, выступивший у меня на висках.

— Клер!.. Вы ли это?

Девушка улыбнулась.

— Конечно, Орельен. Это я... Я вас больше не покину...

— А где ваши родители?

— Они продолжают путешествие.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно уверена.

— А они не... больны?

— Больны?.. А почему они должны быть больны?

В изнеможении я закрыл глаза.

— А я? — спросил я. — Я болен?

— Вы переутомлены, — пробормотала Клер. — Не говорите больше, спите. — И она оставила свою руку в моей руке, а я погрузился в черную бездну.

Кем бы ты ни был, читатель, я не желаю больше ни злоупотреблять твоим вниманием, ни вызывать жалость обстоятельным рассказом о своих злоключениях. Я лишь желал точно передать основные моменты

моей исповеди, которая покажется тебе невероятной, но которая тем не менее полностью правдива. Все, о чем я рассказал, мне довелось пережить, и под подобными жестокими ударами не устоял бы никто. Но будь столь любезен выслушать меня еще немноги — ведь я рассказал пока что не все. Мне осталось рассказать самое печальное и самое худшее, и я чувствую, что, по мере того как я приступаю к заключительной части своего рассказа, силы начинают покидать меня.

Благодаря своему мощному телосложению я относительно быстро поправился. По-моему, даже слишком быстро, так как этот короткий период выздоровления, среди стольких таинственных и ужасных событий, походил на настоящий оазис счастья. Клер по-прежнему находилась подле меня, проявляя сострадание, словно добрый ангел, и ее нежная рука быстро согнала с моего лба меланхолические мысли, которые иногда все же посещали мой рассудок, словно грозовые тучи, и пытались разрушить мою любовь и счастье угрожающим шквалом. Мы молча наслаждались несказанными радостями. Ведь я получил ее обещание! Я уже был уверен, что она навсегда останется со мною. Будущее рисовало перед нами самые радужные перспективы. Почему же я не спешил идти ей навстречу? Потому что, несмотря на все усилия моей любимой, несмотря на мое желание забыться, прошлое упорно жило в моей памяти. Оно отметило нас обоих своими несходящими царапинами, и я без труда различал их на лице Клер, опущенные глаза и бледность которой не переставали вызывать во мне беспокойство. Но с каждым днем улыбки все чаще освещали наши лица. И, несомненно, разгорающийся огонь страсти все чаще сверкал в наших глазах и соединял наши сердца. Но как могли мы принадлежать друг другу, не зная друг о друге всего? Итак, я ждал, что Клер заговорит первой и согласится объяснить те загадочные происшествия, свидетелем которых я стал. Готов поклясться, что она должна была испытывать сходные чувства. Впрочем, я множество раз видел, как откровение вот-вот было готово сорваться с ее уст. Однако какая-то щепетильность, может, тайный стыд или непобедимый страх мешали ей открыться мне. Вот так, несмотря на соединенные руки и нежные взгляды, мы чувствовали, как между нами возникает определенное расстояние, и наши души перестают соприкасаться, вновь впадая в прежнее одиночество.

Вскоре я мог уже вставать и, понимая, что пришло время определить наше совместное существование, выражая ей свое желание написать ее родителям. Она, похоже, удивилась и даже рассердилась.

— Но, моя дорогая, — сказал я, — щекотливое положение, в котором мы находимся, не может длиться так долго. Ваше присутствие подле меня уже противоречит общепринятым нормам морали. Возблагодарим же небо за то, что моя болезнь настигла меня в этой маленькой деревушке, где нас никто не знает и мнение которой нас особо не волнует. Однако же ваши родители имели бы полное право считать меня презренным соблазнителем, если бы я все еще медлил просить у них вашу руку и сердце.

— Я совершенолетняя, — ответила она мне, — и могу свободно распоряжаться своей судьбой.

— Но ведь приличия...

— Мне достаточно лишь предупредить их о замужестве. Вряд ли они станут возражать.

— Должен ли я это понимать так, что вы не очень-то ладите с ними?

— Наши вкусы действительно не совпадают.

Я не стал допытываться, и не только потому, что не хотел выглядеть нескромным, но главным образом потому, что я чувствовал, как ступаю на зыбкую и опасную почву. Я надеялся, что полное доверие, вызванное совместной жизнью и нежностью, сопровождающими всякую страсть, рассеет сдержанность Клер. Итак, мы обсудили детали нашей свадьбы, и я заставил ее согласиться, не без труда, правда, жить со мной в замке, в котором я поклялся обосноваться. Она поняла, что я буду мучиться тягостными угрозами совести всю свою жизнь, если уступлю ей в этом, и согласилась с моими доводами, скорее устав от спора, чем повинувшись мне. С этого момента в ее поведении и даже в разговоре появилось небольшое изменение. Она стала настолько покорной, что однажды я даже рискнул спросить у нее:

— Я думаю, что вид замка вызывает в вашей памяти какое-то тягостное воспоминание. Но его легко перестроить. Скажите, что бы вы желали изменить в нем?

Она убедила меня в своем желании оставить замок в первозданном виде, в каком он и есть, и заверила, что он не вызывает в ее памяти никаких болезненных воспоминаний. Будучи юной, она любила мечтать. Как и у всех девушек, а также в силу склонностей, присущих ее натуре, мечты Клер были несколько болезненными, однако все это постепенно осталось позади. Подле меня она чувствовала бы себя вполне счастливой и спокойной. В то же время, пока она пыталась успокоить меня, ее щеки побледнели еще больше, и даже самый непроницательный наблюдатель догадался бы, что она скрывает от меня часть истины. Сам же я по мере того, как силы возвращались ко мне,

увлекался размышлениями, которые тем не менее запретил себе, но, оставаясь в одиночестве, я невольно приоткрывал дверь в недавнее прошлое, словно дверь склепа, полного мрачных останков. Из этих экскурсов в проклятое прошлое я выходил глубоко потрясенный и уверенный, что Клер хранила в себе живую тайну. Более того — *horresco referens** — иногда я думал, что это чистейшее создание содержало в себе, помимо своей воли, какое-то слишком грустное начало, действие которого я начал ощущать. Но я старалась быть веселым, водил свою любимую на очаровательные прогулки, делился с ней воспоминаниями о пребывании в Англии. Страна эта, похоже, возбуждала ее любопытство... А однажды вечером она даже воскликнула:

— Вот где нам следовало бы жить. Там я бы чувствовала себя в полной безопасности!

— В безопасности от чего, душа моя?

В ответ она лишь положила мне на плечо свою голову. Вместе с тем, data нашей свадьбы приближалась, и мы наконец прибыли в Миозияк. Нотариус, которого я поставил в известность о наших планах, очень хотел принять нас у себя. Он был готов сопровождать по поселку ту, которая через несколько дней должна стать моей женой. Это стало бы для меня подлинным испытанием, которое я хотел во что бы то ни стало встретить безболезненно. Как поселок воспримет эту новость? Как примут будущую графиню де Миозияк? Пусть будут благословлены наши бретонцы. В данном случае они выказали пример незабываемого великодушия. При посредничестве метра Меньяна я дешево купил нечто похожее на тильбори*, что позволило ездить во всех необходимых случаях из замка в поселок. Некоторые благоустройства, которые я поклялся провести на втором этаже замка, вскоре были завершены. Для церемонии бракосочетания все было готово.

Иногда я по пальцам пересчитывал разделяющие нас дни и видел, как Клер закрывает глаза, но не знал, делает ли она это от удовольствия или же от страха. Она отвечала на все мои ласки то страстно, то рассеянно, так что я все время мучился вопросом: действовал ли я разумно или же готов был совершить какую-нибудь непоправимую ошибку. Накануне нашей свадьбы я решил осмотреть замок сверху донизу. Я испытывал какой-то смутный страх, который даже затруднялся описать. Но я хотел осмотреть все детально, в частности, склеп, единственное место, куда я пока не спускался. С опасением, граничащим с отвращением, я осторожно ступил на первые ступеньки, ставшие от влажности скользкими. Сдвинув алтарный камень и вытянув руку с факелом, я попытался проникнуть в темноту, хранящую останки моих предков, однако удалось мне это не сразу. Пламя замерцало и наполовину погасло от зловония. Лестница углублялась в кромешную тьму, и, звонивший, с сильно бьющимся сердцем, держа перед собой агонизирующий огонь, я продолжал погружаться в до ужаса мрачное спокойствие склепа. Вскоре мои ноги ступили на липкую почву, и я начал различать каменные ниши, в которых покоялись останки Миозияков, ожидая воскрешения. Медленно опустив факел, я обратил к своим умершим предкам одну из бессловесных молитв, в которых охваченная дрожью душа полностью доверяется божественному милосердию. Мои жизненные бури стихли на пороге этого склепа. Сумасшествие людей, похожее на бешеный океан, кончалось здесь, у подножия этой обители, которую оно осквернило своей пеной, прежде чем отступить. Я же, путник, качающийся на волнах ссылки, возвращался, наконец, в свою родную гавань, но не увенчанный цветами, как античные возницы из преисподней после удачной перевоправы, а уставший, постаревший, несчастный, изнеможенный, подстерегаемый бурей даже в этой спасительной гавани, которой я так мечтал достичь. Я не смог сдержать горячих слез, и мои размышления продолжились столь долго, что светящий мне факел почти весь сгорел, когда я решил, что пришла пора покинуть эти печальные места. Выйдя на свет, я обнаружил множество следов на липкой поверхности каменных ступенек, а также каплю воска, что меня немало удивило. Впрочем, я тут же вспомнил рассказ барона Эбро о том, как он однажды уже спускался в подземелье.

Выяснив для себя этот вопрос, я поставил камень на место, давая себе обет потратить часть своих доходов на сооружение нового склепа, лучшего, нежели этот. Затем под сухими взглядами предков, взирающих на меня из потускневших золотых рам, я прошелся по просторным залам замка. Две прислуги, которых я устроил в крыле замка, украсили комнаты, где мы должны были жить. Солнце заливало своими лучами все залы. Замок, в котором я готовился встретить Клер, уже не выглядел печальным, несмотря на некоторую строгость, и я поклялся еще больше украсить его...

Наша свадьба была отпразднована на следующий

день. Я не стану говорить ни об этом дне, ни о последующих... Они нежным огнем сияют в моей памяти и напоминают мне рай.

Счастье это, увы, продлилось недолго. Однажды вечером, сидя в библиотеке над счетами, с головой, полной цифр, я обратился к Клер:

— Душа моя, я забыл наверху необходимые мне бумаги. Не могли бы вы принести их мне? Если пойдете наверх.

— А где они лежат?

— В комнате мушкетера.

Эта небольшая комната, расположенная в северной части, называлась так по причине висевшей в ней картины с изображением одного из двоюродных братьев моей матери, служившего у Великого кардинала в чине капитана. В теплые часы дня я любил там работать. Клер взяла подсвечник и вышла. Я вновь погрузился в свои подсчеты и долгое время не замечал ничего, кроме скрипа своего пера. Окончив работу, я зевнул и случайно взглянул на часы. Клер отсутствовала уже двадцать пять минут. Что она могла так долго делать там? Я не был обеспокоен, но испытывал неприятное чувство и тут же принялся за поиски. Я пошел прямо в комнату мушкетера, даже не освещая себе дорогу, — ведь я прекрасно знал все закоулки замка. Ни на лестнице, ни в коридоре, ведущем после множества закоулков в комнату мушкетера, не оказалось ни души. При тусклом свете сумерек я увидел лежащие на столе бумаги и сунул их под руку. Затем, несколько встревоженный, зовя Клер, я пошел назад.

Я обнаружил ее лишь в противоположном конце замка, всю в слезах. Сквозняк задул ее свечу, и она призналась мне, что не решилась больше двигаться, испуганная медленно надвигающейся на нее темнотой.

— Но, ради бога, объясните мне, зачем вы пришли сюда? — спросил я у нее.

— Я заблудилась.

Я не стал выяснять, как это могло произойти, а просто провел ее в наши комнаты, где она быстро пришла в себя. Однако этой ночью спал я крайне плохо. Еще бы! Клер заблудилась в доме, в котором она прожила не один год своей жизни! Такое объяснение не могло удовлетворить меня. Она явно что-то скрывала. Мои задремавшие опасения пробудились с новой силой. Я незаметно наблюдал за своей женой и немного погодя опять повторил свой опыт с комнатой мушкетера, на этот раз среди бела дня. И вновь Клер ошиблась и некоторое время блуждала по замку, словно человек, лишенный рассудка, среди хорошо известных ей предметов. И тут я вспомнил рассказ нотариуса, когда он впервые заговорил об Эбро. Тогда он сказал мне, что Клер считали немногим ненормальной. До этого мне не доводилось замечать, что ее рассудок был несколько помрачен, однако не исключено, что таинственная болезнь уже набирала свою силу после кратковременного замиания. Клер, бесспорно, была больна. Ее тело, вероятно, подвергалось болезни, по крайней мере в той же степени, что и душа. У нее пропал аппетит, а ее похудевшее лицо стало бледным и несло на себе отпечаток какого-то тайного страдания. Тогда я вызвал в замок некоего де Ванна — молодого врача, таланты которого мне расхваливали. Он долго обследовал Клер, слушал ее дыхание по методу, введенному его соотечественником Лазеком, после чего отвел меня в сторону и прошептал:

— Не скрою от вас, господин граф, что я весьма обеспокоен состоянием здоровья вашей жены. Диагноз, по-моему, однозначен: ярко выраженное истощение...

— Вы опасаетесь чахотки? — спросил я, испугавшись этого самого ужасного слова, таящего в себе еще более опасную действительность.

— Я не стал бы утверждать, что мой прогноз категоричен. Тем не менее беспрестанный уход, обильная пища и полный отдых вполне могут победить эту болезненную вялость. А главное, никаких забот, никаких умственных напряжений. Ваша больная супруга должна жить огражденной от любых потрясений. Для начальства мы применим лечение молоком ослицы. Я наведаюсь через две недели...

Куда только подевалось все мое счастье! Начинался самый черный период моей жизни, которому никогда не суждено было завершиться. Вскоре Клер была вынуждена слечь в постель, и она совершенно не выносила, когда ее оставляли одну, даже ненадолго. Увидев, что Клер задремала, я иногда покидал ее, чтобы пойти прогуляться по парку, но, возвратясь, находил ее возбужденной, в лихорадке, и нередко в слезах. А когда я умолял ее объяснить мне, почему она поддавалась подобным беспокойствам, она неизменно отвечала:

— Я боюсь... Я боюсь...

— Но, дорогая моя, чего вы боитесь? Ведь я рядом, да к тому же вам никто и ничто не угрожает.

Но она упорно молчала, закрывала глаза, брала мою руку и погружалась в сонную дремоту, длившуюся часами. Лекарства не улучшили ее состояния. Обеспокоенный, я предложил ей написать родителям, молчание которых я лично находил довольно необычным. Они ведь даже не соизволили присутствовать на церемонии венчания своей дочери, несмотря на любезней-

шее приглашение, которое я отправил им. Клер весьма болезненно восприняла мое предложение, и я остерегался повторить его, так как она показалась мне столь взволнованной, что я опасался, как бы это не вызвало у нее какого-то опасного кризиса. Все же с наступлением ночи, вытягиваясь на своем ложе и беспрестанно прислушиваясь к звукам в соседней комнате, я не мог помешать себе воскрешать в памяти поразительную цепь событий, которые вот уже три месяца держали меня в мучительной неизвестности. Сам того не желая, я пришел к выводу, что между всеми загадочными событиями и болезнью Клер существовала какая-то непонятная мне связь. Ведь в противном случае откуда бы взялась эта медленно разрушающая ее боязнь? Откуда этот страх перед одиночеством? Откуда эти вздрагивания при малейшем постригивании пола? Почему иногда ее глаза смотрели на стены и мебель таким взглядом, будто больше не узнавали их? Я вынужден был признать: моя жена умирала от страха. С тех пор, как Клер, взявшись меня под руку, вошла в замок, она не переставала дрожать. В глубине души я должен был признаться, что такую же дрожь от страха я часто ощущал в своих собственных костях. Она проходила по мне, словно гальванический ток, и оставляла на висках и ладонях горячий пот. Это случалось со мной в самые непредвиденные моменты, но чаще всего, когда я подходил к гостиной или же когда заходил слишком далеко в глубь парка. А что касается звона колокола, то он тоже оказывал весьма странное действие на мои нервы. Да что тут говорить! Я никак не мог привыкнуть к этому замку, несмотря на то, что появился на свет именно тут. Я не мог избавиться от чувства, что за мной постоянно кто-то следует по пятам или скрывается за дверью, которую я собираюсь открыть. Но кто? Увы! Как назвать этот фантазм, являющийся плодом моего взбудораженного воображения? Быть может, мне тоже следовало бы обратиться к врачу?.. Я притворялся изо всех сил. Я пытался казаться веселым и доверительным. Все же не трудно было заметить, что я не в силах обмануть Клер. И наши два страха поддерживали друг друга, словно две головешки, передающие друг другу поглощающий их огонь.

Осень зажгла лес огнем своих красок. Опавшие листья, несомые ветром, кружились над камышом, садились на гладь озера, где их хрупкие лодочки некоторое время скользили по поверхности, прежде чем погрузиться. Клер продолжала чахнуть. Тогда я позвал другого врача. Он говорил уклончиво, не сккупился на подбадривания, уверяя, что всему виной погода, и посоветовал увезти больную в горы. Его отъезд повергнул меня в крайнюю степень отчаяния, настолько угнетающую, что я даже потерял всякое желание бороться. Я жил нелюдимо, словно отшельник в пустыне. Даже нотариус перестал наведываться к нам. После Мерлена, де Дерфа и Эбро настала наша очередь оказаться пленниками замка. И как только ночь начинала наполнять своей мглой его залы, я, проверив прочность запоров, приходил и садился у изголовья Клер, и мы, прислушиваясь, ждали... будучи неспособными ни двигаться, ни заснуть. Лишь с первыми проблесками дня, когда смутно вырисовывались силуэты окон, мы погружались в изнурительную летаргию. Выхода не было. Я уже знал, что моя жена обречена. Я также знал, что и мои дни сочтены тоже. Я знал, что нам предстоит погибнуть, потому что мы оказались свидетелями какого-то страшной тайны, запретной для простых смертных. В глазах моей возлюбленной временами мелькала тень смерти. Клер почти не принимала никакой пищи; золотой перстень — свидетельство нашего союза — болтался на ее пальце, сухой кашель, приступы которого все усиливались, торопил прогрессирующую болезнь. Весь в слезах, я решился позвать местного священника. Последовавшая церемония настолько взволновала меня, что я крайне затруднялся описать это величественное и раздирающее сердце зрелище. Забившись в угол комнаты, я едва сдерживал рыдания, в то время как священник, читая молитвы о прощении, мирил эту болезненную душу со своим Создателем. Его рука, рисующая над кровью умротворяющие благословения, казалась, рассеивала дурные влияния, сдавлившавшие наши сердца. Он долго молился и, прежде чем покинуть нас, взял меня под руку, прошептал:

— Она много выстрадала, сын мой. Но теперь она успокоена. Будьте же мужественны и доверчивы и не пытайтесь разгадать пути божественного пророчества.

Когда я вернулся в ее комнату, Клер дремала. Она была спокойна, и с ее губ слетало ровное дыхание. Это было обманчивое замиание, предшествующее буре. И действительно: когда сумерки густели над гольми верхушками деревьев и когда ночь прислонила к нашим окнам свое мрачное обличье, Клер охватило нечто вроде оцепенения. Я зажег два канделябра и сел подле нее, мысленно спрашивая себя, отчего это она, бедняшка, так страдает и почему так тщательно скрывает от меня то, в чем призналась на исповеди священнику. Иногда она стонала, приоткрывая веки, и тогда я видел ее потерянные глаза, в которых вновь появился страх.

— Дорогая моя, — прошептал я, — слышите ли вы меня?

* *horresco referens* (лат.) — «Трепещу, рассказываю об этом».

** тильбори — легкий, открытый двухместный экипаж на двух колесах, названный так по имени изобретателя.

— Я больше не хочу,— простонала она,— нет. Я больше не хочу... Вы же прекрасно понимаете, что все они мертвы...

Это были ее последние слова. Она еще немногоподняла губами, но я не смог уловить ее последней мысли. Затем она стала неподвижной. С этого мгновения прошло много часов. С рассветом я обнаружил, что она уже не дышит. Моя жена была мертва. Или по крайней мере она была такой же, какой я увидел ее тогда в гостиной, подле ее родителей, в ту ночь, когда я забрался в замок, и такой, какой она представала передо мной в ландо... Вот почему, несмотря на переполнявшую меня печаль, я не стал будить прислугу. Несмотря на ослепляющие меня слезы, я все же нашел в себе силы достать из шкафа прекрасное зеленое платье времен нашей начинавшейся любви. Моя любимая стала такой легкой, что я без труда смог одеть ее. Сделав это и причесав ее, я положил тело на кровать и стал ждать чуда, которое неминуемо должно было произойти. Время от времени я прикасался к ее медленно остигающей руке. Однако ее рука, к которой я прикоснулся тогда в карете, была не только ледяной, но и несгибаемой. Почему бы жизни вновь не расцвести в этом теле, которое уже неоднократно было охвачено смертью? Целый день я молчаливо наблюдал за все более сереющим лицом моей дорогой супруги. Я потерял способность думать и молиться. Я ждал признаков жизни и был уверен, что они скоро проявятся. К пяти часам я отпустил прислугу, и, вероятно, напуганные моей бледностью, они, не задавая никаких вопросов, поспешили удалиться. Я же вернулся в комнату, где высокими светлыми огнями горели свечи. Не двигалась ли она? Я сел прямо напротив кровати, решив сидеть здесь до тех пор, пока моя любимая не будет мне возвращена. Затем, среди ночи, меня посетила мысль, которая должна была бы прйти мне в голову гораздо раньше. Для того, чтобы чудо повторилось, тело, несомненно, должно быть помещено в те условия, в которых оно уже находилось. Итак, я открыл настежь все двери, зажег все свечи и пошел в ту самую небольшую гостиную. Клер ничего не весила на моих руках. Я нес ее, медленно идя по пустынному замку, под застывшими взглядами своих предков. Я спустился по широкой лестнице, по которой до меня поднималось множество счастливых пар. Та, которая стояла недолго была плотью моей плоти, склонила голову мне на грудь, но теплота моей крови не распространялась в ее артериях и не достигала ее остановившегося сердца. Затем я попытался посадить ее, схранив равновесие, на то кресло, которое занимал барон. Ну же!.. Наступил момент ожидания и надежды... Сконцентрировав всю свою волю, я умоляюще протянул руки...

Она незаметно скользнула с кресла и рухнула на ковер, я же потерял сознание...

Теперь я знаю, что она по-настоящему мертва. Я более не испытываю ни печали, ни надежды. Я похожу на сраженное молнией дерево. Моя жизнь лишена всякого смысла. Я только что зарядил один из пистолетов отца, а через минуту, окровавленный, буду лежать подле нее, и замок, со своими красивыми, освещенными залами, будет стоять в карауле подле наших холодных тел. К этим листам, содержащим грустную и правдивую историю, я прилагаю имена тех, кто унаследует все мое состояние. Пусть они не оставляют себе замок Мюзияк! Это заколдованное место лучше всего уничтожить! И пусть они каждый год заказывают мессу о спасении наших навечно соединенных душ.

— Ну что ж,— сказала Элиан,— вы можете утверждать, мой бедный Ален, что ваш предок был довольно странным малым.

— Элиан!

— Не сердитесь. Но я имею полное право посмеяться. Вот так история!

— Вы, разумеется, не верите ни единому его слову.

— Напротив. Бедняга был совершенно не способен лгать.

— Вы что же хотите сказать, что он был сумасшедшим?

Девушка отдала Алену пожелтевшие листки и выключила плитку:

— К столу, маркиз! После трехсот километров на мотоцикле я чувствую себя проголодавшейся.

Глядя на руины замка Мюзияк, Ален в задумчивости сел возле Элиан.

— И все же это любопытно,— пробормотал он.— Конечно же, принадлежите к ученым. Значит, ваша истинная причина быть такой, чтобы ее можно было увидеть и прикоснуться к ней. Этакая алтекарская истинка. Но если бы вы чувствовали рок судьбы, если бы вы могли оценить тайное стечениес всех обстоятельств...

— Осторожно! — предупредила Элиан.— На хлебе муравьи.

— Это вынырнувшее из прошлого послание... всего лишь случайно найденный документ. Я вполне мог писать диплом, например, по английскому языку, а не по юриспруденции, и тогда бы, вероятно, пренебрег эти старыми семейными бумагами...

— А я вполне могла не встретиться с вами и была бы помолвлена с другим парнем.

Расхохотавшись, она игриво посмотрела на Ален.

— Нет,— сказала она,— я не согласна... Мне очень нравится ваша семья. Было бы весьма забавно называться мадам де Краузи. Если хотите, мы будем часто совершать паломничество в этот довольно милый уголок. Однако не требуйте от меня, чтобы я принимала всерьез измышления вашего предка...

— Измышления? — возмутился Ален.— ...Да вы настоящий варвар, моя дорогая Элиан. Прочитав этот текст, я был глубоко потрясен. Вот почему я захотел разобраться во всем этом. И вы видите, граф де Мюзияк не обманул нас...

— К несчастью,— сказала Элиан,— замок на три четверти уничтожен, парк исчез.

— Вместе с тем я уже представляю себе более менее четкую картину.

— Вы лучше представьте себе мертвцев на прогулке!

— Прекрасно! А почему бы, собственно говоря, и нет? Вот и попытайтесь объяснить тайну — ведь вы утверждаете, что всему этому можно найти логичное объяснение.

Раскурив сигарету, Элиан уселась по-турецки.

— Я вовсе ничего не утверждаю,— сказала она,— однако я уверена, что ваш родственник не мог видеть живыми людьми, которые были мертвы. Либо он ошибся, и эти люди не были мертвы, либо же, если они действительно были мертвые, увидел, уже впоследствии, других людей, вполне живых.

— Вы безукоризненны, когда начинаете размышлять. Продолжайте! Продолжайте!

— Вот, собственно говоря, и все. Эрбо не были мертвты.

— Но вы забываете о ране на пальце барона.

— Ну, раз они были мертвны, значит, кто-то другой и занял их место, чтобы обмануть графа.

— Ну, а как же Клер, черт возьми! Вы же напрочь забыли о ней! Орельян влюбился в нее во время их первой встречи, на дороге. Я уже не говорю о ее появлении на балконе, во время своего первого тайного посещения замка моим двоюродным прадедом, хотя, конечно, это происходило в сумерках, и он отмечает, что не смог рассмотреть черт ее лица. Но потом! Ведь потом это была одна и та же девушка, вы слышите? Одна и та же появлялась вновь и вновь в каждом новом эпизоде его истории. И в гостиной, и в карете, и на следующий день после его официального визита в замок! Это была одна и та же девушка, одна и та же! Ваше объяснение не выдерживает никакой критики.

Элиан нахмурила брови.

— Погодите! Если это та же девушка, которую он увидел вполне живой, то, значит, там, в гостиной, Клер не была мертва. Она только притворялась... или, скорее всего, она потеряла сознание.

— Ну, а почему она потеряла сознание?

— При виде мертвцев, несомненно, настоящих мертвцев. Поставьте себя на ее место... Ваш двоюродный прадед установил, что в комнате находится двое мертвцев, и решил, что Клер тоже мертва, но он все же не решился проверить это. Да он и сам говорит: он едва осмелился войти.

— Допустим, но это нам ничего не дает.

— Напротив. Ваш дедушка видел одну и ту же девушку, но разных барона и баронессу. Он, без сомнения, видел то настоящих мертвых, Эрбо, то людей, подменивших их собой.

— Я бы не сказал, что мне все стало ослепительно ясно,— съехидничал Ален.

— Да,— сказала Элиан,— пока еще не все ясно, но кое-что я начинаю понимать. Послушайте... Мне пришла в голову одна мысль. Считайте, что тайна уже раскрыта.

— Прекрасная мысль, но что ж, предположим!

— Так вот, замок стал собственностью барона Эрбо... Имперского дворянин... Эти люди чувствуют себя косвенно виновными. Они опасаются враждебности со стороны соседей, потому что знают о подобных precedентах. Они также помнят трагическую судьбу двух своих предшественников: Мерлена и де Дерфа. Вы понимаете?

— Разумеется!

— Антуан же, их слуга, вероятно, какой-то отпетый мошенник. У него плутовской вид. Кроме того, связь с поселком осуществляется только он, и я полагаю, именно он и рассказывает своим хозяевам страшные истории.

— Зачем?

— Чтобы держать их в страхе и помешать всяческому контакту между поставщиками провизии и хозяевами замка. Он, должно быть, сильно раздувает счета. Не забывайте, что Эрбо ни разу не осмелился показаться на людях. Никто не видел их в лицо. Посмотрите в манускрипт... что говорит метр Меньян...

— Не смейтесь, Элиан. Все это гораздо сложнее. Я допускаю, что Антуан — личность темная. Ну и что из этого?

— Однажды утром ваш двоюродный прадед отдал ему письмо — вы припомните?.. Так вот, Антуан раскрывает это письмо и узнает о предложении графа де Мюзияк откупить владения. Предложенная сумма весьма значительна... Разве не естественно то, что

этот алчный слуга пытается использовать ситуацию?

— Ну, допустим?

— Он знает мужчину и женщину такого же возраста, как и барон с баронессой... и девушку или женщину, которая, вероятно, является их дочерью... Кто эти люди? Родственники или, может, друзья Антуана? Это в принципе не имеет значения!.. Они живут где-то неподалеку, и наш кучер, несомненно, сопрягал с ними уже не одно дельце...

— Гм, это несколько притянуто за уши.

— Погодите!.. Итак, Антуан покидает замок под каким-то предлогом и спешит к своим сообщникам. Он объясняет им суть дела. Они, мол, приглашают графа, перед этим подменив настоящих Эрбо, от которых предварительно избавятся. Комедия продлится совсем недолго: будет достаточно буквально нескольких минут для того, чтобы прикармнить деньги. Ожидая момента своего появления, они тем временем спрячутся где-нибудь в замке. Там соглашаются, и Антуан увозит их в своем ландо... Но вот с каретой происходит нечто небольшая поломка, и тут случайно появляется Орельян... Клер, точнее, лже-Клер, ловко использует эту ситуацию. Представившись трафу, она сообщает, что отец принимает его предложение и приглашает его на следующий день в замок.

— Завидное, однако, хладнокровие!

— Не такое уж и завидное. Вы вспомните, что Орельян говорит в своей исповеди. Он, напротив, утверждает, что у девушки был испуганный вид.

— Допустим... Ну и что дальше?

— В тот же вечер все трое замковладельцев убийцы... точнее, отправлены. Когда все закончено, Антуан звоном колокола созывает сообщников, которые прячутся где-то неподалеку...

— Прошу прощения... вы это сейчас придумали или логически размышляете?

— И то, и другое... Я пытаюсь развить вероятные последствия заговора... Теперь им необходимо избавиться от тел. Бандиты, несомненно, рассчитывают закопать их где-нибудь в парке. Однако из предосторожности, пока еще ямы не выкопаны, они решают отнести покойников в склеп — это идеальный тайник. Первым они несут тело дочери Эрбо — деталь, в сущности, незначительная, но именно она и является основным моментом, от которого проистекает все последующее... Оба мужчины несут труп, а женщина освещает им дорогу... Клер же остается в гостиной одна, в качестве часового. Она менее закалена, нежели ее сообщники, — и теряет сознание... Именно в этот момент и появляется граф... Перечитайте манускрипт. Обоих мертвцев он видит лишь со спины, и то плохо освещенными канделябрами с мерцающим светом. Ведь единственная деталь, отмеченная вашим двоюродным прадедом, это то, что барон носит бакенбарды... как, впрочем, и большинство горожан того времени. На самом же деле граф де Мюзияк смотрит лишь на Клер, сидящую лицом к нему. Он считает ее дочерью Эрбо. Следовательно, двое других мертвцев могут быть лишь бароном и баронессой.

— Что вполне соответствует истине, если я вас правильно понял.

— Да, это вполне соответствует истине. Так как эти двое явно мертвы, то граф приходит к выводу, что и Клер, которую он видит недвижимой и смертельно бледной, также мертва. Мне это кажется вполне логичным. А вам?

— Пока что да.

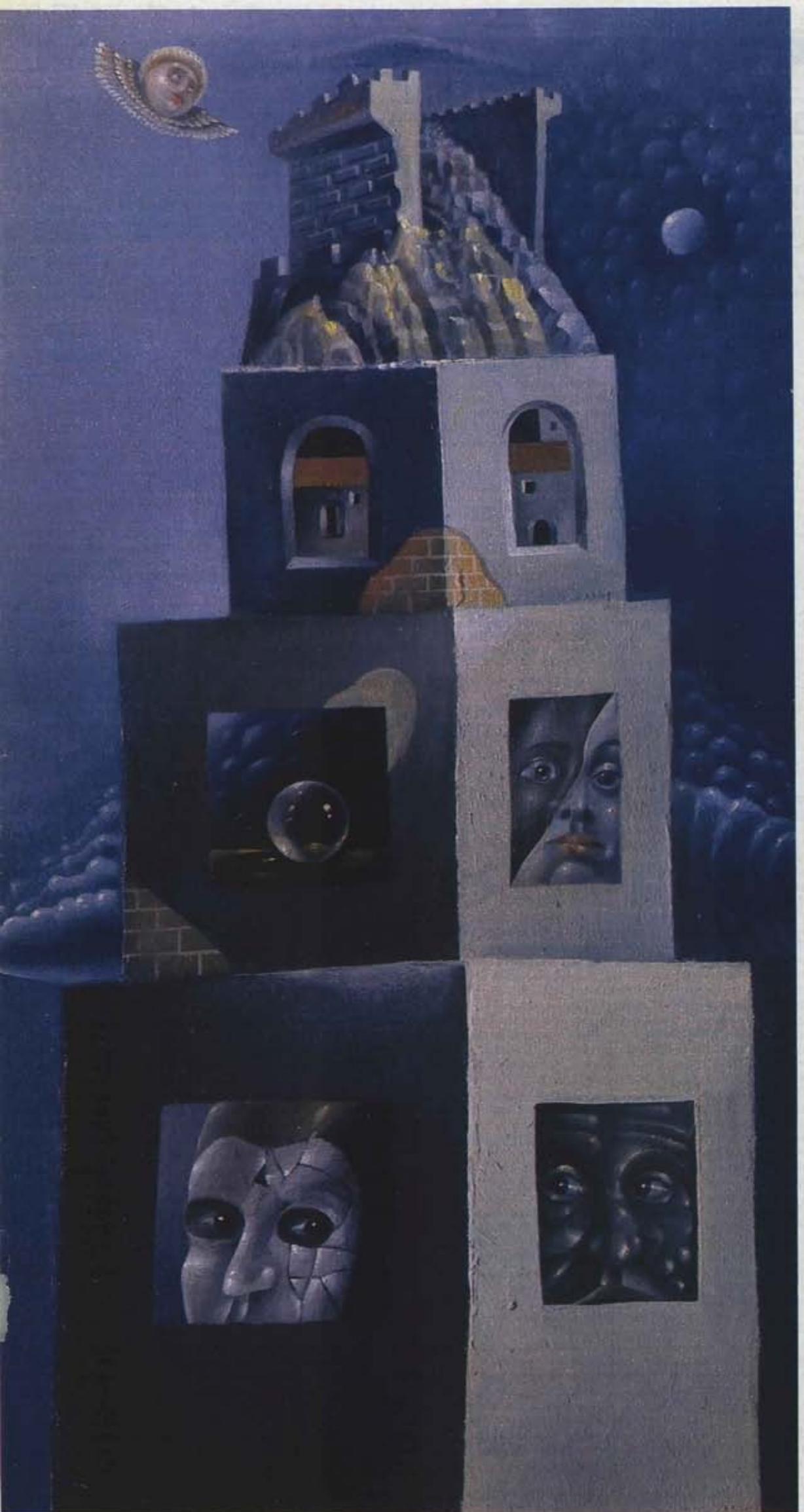
— Но вот бандиты возвращаются. Услышав шум, граф пугается и убегает, оставляя за собой на полу капли воска.

— Теперь испугаться пришла очередь бандитов.

— Совершенно верно... И они задаются вопросом, кто бы мог быть этот таинственный посетитель и что он смог обнаружить в комнате, в которой пробыл лишь несколько мгновений. Они решают, что это, видимо, какой-нибудь бродяга или какой-нибудь неотесанный крестьянин. И все же они действуют без промедления. Антуан запрягает лошадь, в то время как его сообщники приводят Клер в чувство, и вся троица усаживается в карету. Под сенью деревьев подмени не рискует быть обнаруженней. К тому же женщина не перестает обмахиваться веером баронессы перед своим лицом, в то время как мужчина обволакивает себя клубами дыма. Кроме того, он чванливо подставляет свету луны свой перстень, снятый с пальца мертвца. Если негодяям доведется встретиться с незнакомцем, они полностью нейтрализуют увиденную им картину: граф — человек весьма образованный, прекрасно понял, что если он расскажет об увиденной им сцене, то никто ему не поверит.

— Да... Да... Это все вполне логично. Ну, а что же дальше?

— Они возвращаются в гостиную, и там несчастная Клер, которая не в силах перенести все это, вновь лишается чувств. Она падает, а в это время слышатся приближающиеся шаги. Троє сообщников спешно удаляются и прячутся в соседней комнате, готовые вмешаться, если возмутитель их спокойствия проявит какую-то нескромность. Но они узнают графа, которого Клер не преминула им описать. Но о том, чтобы убрать с дороги свидетеля, теперь не может быть и речи... К тому же последний, за малейшими движениями которого они внимательно следили, и не думает

пристально рассматривать обоих мертвцов. Орельян лишь ранит барона в палец руки, выступающей за подлокотник, и, напуганный иллюзией, заставляющей его сомневаться в своем рассудке, стремительно убегает прочь... Думаю, что я ничего не упустила.

— Нет, все это, мне кажется, вы рассказали прекрасно.

— О, прошу прощения! Вот теперь я почти уверена в том, что все-таки добралась до истины. В сущности, все остальное кажется мне совершенно простым.

— Простым?

— Совершенно простым... Находясь так близко от цели, бандиты не стали бы отступать. Они не стали бы понапрасну совершать это свое тройное убийство. Если бы все затяжное ими дело обернулось против них, то у них всегда было бы достаточно времени, чтобы предпринять необходимые меры... Поэтому подложный Эрбо перевязывает себе палец. Вспомните визит на следующий день и неловкость так называемых замковладельцев, их испуг, когда граф неожиданно выразил желание спуститься в склеп... где, вероятно, лежали все три трупа. Даже нотариус почувствовал что-то неладное.

— Согласен! Однако эта девушка... Похоже, она вовсе не была созданием, способным на такое.

— Вот это самый деликатный и трогательный пункт в этой истории. Ее, вероятно, заставили играть эту роль, а она к тому времени уже успела влюбиться в графа... Должно быть, он был весьма обольстительным.

— Само собой разумеется! Как и все Мюзияки!

— Не перебивайте, не то я потеряю нить своих рассуждений. А, так вот... Граф сообщил, что он намерен перестроить замок, осушить пруд и благоустроить парк. Таким образом, создавалась опасность, что все его уголки будут перерыты.

О том, чтобы оставлять трупы на территории замка и парка, теперь не могло быть и речи. Необходимо было их увезти и закопать где-нибудь вдали от Мюзияка. Таким образом, трупы в тот же вечер грузят в ландо, а кучер садится на козлы. К несчастью, появляется ваш двоюродный прадед и открывает дверцу кареты. У Антуана не остается другого выхода. Он вынужден затолкать вашего предка в темноту кареты и... ну, остальное вам известно. Граф теряет сознание. Антуан привозит ландо к месту встречи со своими сообщниками. Что делать? Убить графа? Кучер и подложные супруги Эрбо, вероятно, так бы и поступили, будь они одни. Но Клер противится этому плану. Ведь она уже безумно влюблена в Орельяна. Она остается подле него, мечтая довести свой роман до конца. Но представьте себе ее чувства, когда, став графиней де Мюзияк, она вновь оказывается в замке. Она постоянно терзается страхом, а возможно, и угрызениями совести. Она, вероятно, не уверена, что устоит перед последующими испытаниями... Вспомните хотя бы мимоходом одну деталь: эпизод с комнатой мушкетера. Из него прекрасно видно, что Клер не знает замка, в котором ей никогда не доводилось жить.

— Признаюсь, все это меня взволновало... Вы умеете объяснять вещи... Давайте немножко пройдемся.

Ален помог Элиан подняться. Сумерки сиреневым светом окутали руины замка, а в камыше тихонько квакали лягушки.

— Ваша версия,— продолжил Ален,— это логическая версия... Но посмотрите...

Они пошли вдоль стен с зияющими провалинами. Кое-где кустарники просовывали свои ветви в окно. Над их головами летало несколько летучих мышей.

— А теперь представьте здесь Орельена наедине с его женой...

Молодые люди подошли к углу главного двора, заросшего травой и превратившегося теперь в настоящий луг, усеянный ромашками и лютиками. Стоя рядом, они внимательно осматривали руины слева от обрушившегося подъезда, где виднелись останки гостиной, а также нечто вроде темного погреба, заросшего колючими кустами. Вдруг одновременно они услышали глухие, блуждающие шаги, раздающиеся с другого конца двора.

— Что это? — прошептала Элиан.

— Похоже, лошадь,— ответил Ален.

Неожиданно она предстала перед ними: черная, с поднятой головой, могущественная и однокая, стоящая посреди этого цветочного луга. Лошадь задумчиво разглядывала их издалека, выдыхая легкий пар. Затем она продолжила свой путь, пошла рысью, и, наконец, ее копыта ритмично застучали по земле. Вскоре она исчезла, лишь стук ее копыт еще долго слышался в наступающей ночи.

— Пора возвращаться,— сказала Элиан.

— Подумайте,— продолжил Ален,— подумайте о де Дерфе, о Мерлене... Мой предок тоже ведь покончил с собой. И вместе с тем он не был сумасшедшим... Вот если бы мы оба жили в те времена...

— Да замолчите же вы,— сказала Элиан.

Они посмотрели на разбитый ими лагерь и поспешно принялись укладывать вещи.

— А эта лошадь,— спросила Элиан,— вероятно, отбилась от своего табуна?

— Вероятно,— вторил ей Ален.

Перевод с французского
Алексея ДРОЗДОВСКОГО.

— Хотите знать мое мнение? — Многократный чемпион страны усмехнулся. — Хорошо. В нашем виде спорта сегодня заправляют дилетанты. С умным видом рассуждают о том, чего не знают. Главное для них — «выбить» очередную командировку за границу. Привезти побольше тряпок...

Речь идет о бадминтоне. Его называют маленьkim, пляжным, несерьезным видом спорта. Но Международный олимпийский комитет своим недавним решением заставил нас по-новому взглянуть на бадминтон. Через четыре

страны открылись секции, в 1961 году была создана Федерация бадминтона СССР. Но единой, целостной программы развития бадминтона никто не принимал. На него смотрели как на развлечение.

Сегодня, спустя три десятилетия, положение почти не изменилось. Правда, в Госкомспорте СССР появилась ставка гостренера по бадминтону, который к тому же отвечает и за... бейсбол. (Пикантная ситуация заключается в том, что ни в бадминтон, ни в бейсбол гостренер никогда не играл.) В стране

сама команда. Игроки «взбунтовались» еще до начала чемпионата Европы, проходившего в Норвегии, — обвинили тренера в некомпетентности, самоуправстве, разжигании ненужных страсти, в нечистоплотных поступках. Команда отказывалась ехать с ним на чемпионат Европы. Но руководство Управления спортивных игр Госкомспорта СССР все-таки уговорило ребят не горячиться, дав обещание рассмотреть этот вопрос по окончании турнира.

Швачко очень своеобразно руководил сборной. Он мог взять в зарубежную поездку бадминтониста И. Мармера (№ 23 во всесоюзной квалификации) и оставить дома чемпионку страны Т. Литвиненко. Почему? Просто Мармер — его любимец, а Литвиненко позволяла себе спорить с тренером. По словам его подопечных (теперь уже бывших), он ездил за рубеж не столько ради накопления тренерского опыта, сколько ради банального накопительства.

После чемпионата Европы президиум Федерации бадминтона СССР отстранил В. Швачко от руководства сборной, но назначить нового старшего тренера пока не решился. До декабря сборной СССР будет руководить триумвиат

турнирах принять играть первьевым воланом, а у нас производят только пластиковый.

Высококачественные первевые воланы и ракетки есть сейчас только у игроков сборной. Обеспечить всех сразу, понятное дело, невозможно. Но что получается? Идет, к примеру, чемпионат страны, где в одном из решающих матчей встречаются игроки сборной и спортсмен, который чуть ниже по классу. Один из них экипирован отлично, другой — средне. Да и играть они будут не пластиковыми, а первевыми воланом. В результате еще до матча «сборник» получает явное преимущество. Справедливо ли это?

Госкомспорт СССР вынужден просить, скажем, у Министерства химической промышленности, чтобы оно поручило своим предприятиям выпуск стержней для металлических ракеток. А те отказываются: стержень не считается готовым товаром — производить его невыгодно. Вот почему даже ракеток из металла в стране не хватает.

Ситуация с первевыми воланами и вовсе смехотворна. Делают их из гусиных перьев. Гусь, как известно, — птица водоплавающая. Но наши птицефермы не учитывают этой его «особенности» и содержат, как курицу, на земле. Поэтому и оперение у гуся такое, что на него даже смотреть больно...

Смешно и грустно. Такое определение можно дать многому, что происходит сейчас в бадминтоне. Весной, к примеру, в Москве состоялся семинар для тренеров. Своего рода курсы повышения квалификации. Представьте себе, тренерам по бадминтону читали десятки разнообразных лекций о... теннисе. Да, внешне он похож на бадминтон. Но это же разные виды спорта! Бадминтону на этом месячном семинаре было посвящено всего четыре часа.

О бадминтоне журналисты пишут настолько мало, что многие люди знают о нем лишь понаслышке. Висит, например, в Минске на Доске почета портрет бадминтониста Анатолия Скрипко. Внизу подпись: «Чемпион Европы». И невдомек прохожим, что на первенстве Европы Скрипко никогда не побеждал, а выигрывал (вместе с командой) лишь тот самый Кубок Гельвеции, где сильнейшие мастера не участвуют. Появясь на Доске почета другой портрет, скажем, футболиста с подписью «Чемпион мира», реакция прохожих, уверен, была совсем иной. Такой портрет долго не провисел бы...

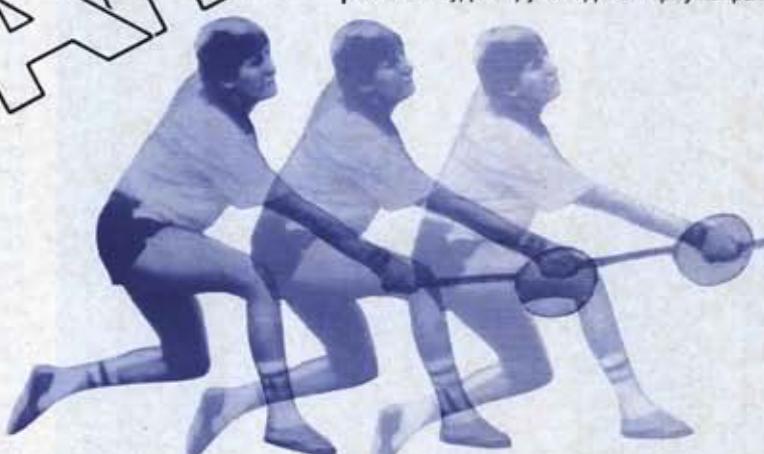
Наш бадминтон находится сегодня на задворках большого спорта. Если он будет так развиваться и дальше, советские бадминтонисты могут не попасть на Олимпийские игры: не пройдут сквозь сито отбора. Большинство из них пока ездит на международные турниры только в качестве «туристов» — без шансов на успех. На это тратятся немалые средства. А ведь эти деньги — и даже в сотни раз большие — спортсмены могли бы зарабатывать сами. За рубежом проводится множество турниров, призовой фонд которых исчисляется сотнями тысяч долларов. Дело за малым — научиться играть в бадминтон.

Что для этого надо? Наверное, прежде всего поставить дело на научную основу, привлечь грамотных специалистов, обеспечить материально-техническую базу... В общем, пойти по пути, который уже протоплен нашим большим теннисом. Ведь еще лет десять назад этот вид спорта у нас был в таком же «затруднительном положении». А сегодня теннис поставляет в государственную казну сотни тысяч иностранных рублей. Значит, можем, если захотим?

P.S. Редакция надеется, что Госкомспорт СССР не замедлит выразить свое отношение ко всем проблемам, о которых говорится в статье.

КОЯ ЛЕТИТЬ ВОЛАН?

Сергей ДАДЫГИН

года в Барселоне состоится олимпийский дебют этого вида спорта.

По данным журнала «Мировой бадминтон», в нашей стране насчитывается 185 тысяч «рыцарей волана». Однако в журнале попала цифра трехлетней давности. На 1 января 1988 года количество занимающихся резко сократилось — на 105 тысяч человек. Ларчик открывается просто. В годы, когда у нас любили козырять цифрами, когда приписки стали обычным явлением, рапортования не обошли и спорт. Получалось, что Советский Союз занимал первое место в мире по числу бадминтонистов! Но вот незадача: со всех крупнейших международных турниров наши игроки возвращались ни с чем. Награды доставались другим. Среди тридцати сильнейших бадминтонистов мира нет ни одного представителя СССР.

Впрочем, отдельные достижения все-таки были. Два года назад на чемпионате Европы Светлана Белясова вышла в полуфинал. Нынешней весной такого же успеха добился Андрей Антропов. Дважды (1977, 1979 гг.) советские бадминтонисты побеждали в Кубке Гельвеции. Правда, в розыгрыше этого приза — таковы правила — шесть лучших команд Европы не участвуют...

Если вспомнить, что законодатели мод в мировом бадминтоне — страны Азии (Китай, Южная Корея, Индонезия, Малайзия), цена этих успехов окажется еще ниже.

В чем же дело?

Мы познакомились с бадминтоном в 1957 году. Тогда в Москве проходил Всемирный фестиваль молодежи и студентов, в программу которого вошли и соревнования по бадминтону. Игра в волан многим понравилась. Появились энтузиасты, в разных городах

выросло около двух десятков мастеров спорта международного класса, многим из которых так и не удалось подтвердить этот класс. Интересно, за какие заслуги наши уважаемые спортсмены удостоены столь высоких званий?

Число профессиональных тренеров по бадминтону перевалило за три сотни. Но назвать большинство из них профессионалами язык не повернется: еще 2–3 года назад в стране не было ни одного учебного заведения, где бы готовили специалистов по бадминтону.

Небольшой шаг вперед сделан. В Баку, Каунасе, Омске и Днепропетровске открыты специализации бадминтона в институтах физкультуры. Однако обучение там ведется кустарно. Нет даже настоящего учебника, о хороших методических пособиях, видеофильмах и говорить не приходится. Энтузиасты стараются, переводят зарубежные книги и статьи о бадминтоне. Но многие наставники, получив такой перевод, не спешат его размножить. Напротив, тщательно прячут его от... своих же учеников. Ведь преподнести новое от себя лично престижно. А если ученик сам во всем разберется, выходит, что и тренер не нужен. Такая «забота об авторите» приводит к тому, что спортсмен остается самостоятельно мыслить.

Итак, у нас нет ШКОЛЫ БАДМИНТОНА. Нет продуманной системы подготовки тренерских кадров и игроков высокого класса. Без этого рассчитывать на серьезные успехи в мировом бадминтоне нереально.

А кто тренирует сборную СССР? Какова квалификация наставника? Еще недавно у команды был тренер — Виктор Швачко. История его отставки наладила много шума в мире бадминтона. От услуг старшего тренера отказалась

в составе Н. Пешехонова (Днепропетровск), В. Суворкина (Омск) и Н. Никитина (Москва). За это время каждый, кто мечтает возглавить сборную, должен подать заявку на участие в конкурсе и представить свою программу развития бадминтона в стране. Разумное решение. Право руководить сборной надо доказать — в открытом и честном споре.

Наконец-то Федерация бадминтона СССР смогла заявить о себе в полный голос. Видимо, это и дало повод гостренеру по бадминтону А. Каливоду в беседе со мной сказать:

— В отношениях с Федерацией у нас нет никаких проблем. Работаем в тесном контакте.

А вот член президиума Федерации Б. Глебович утверждает совсем другое:

— С общественностью, то есть членами Федерации, в Госкомспорте не считаются. Мы часто даже не знаем, кто из спортсменов поедет на международные соревнования. Это решается в узком кругу. Вспоминаю такой случай. Федерация запретила бывшему чемпиону страны из Горького переезд в Минск, куда его переманивал местный тренер. Но запрет наш просто проигнорировали — сделка совершилась.

Вот вам и «тесный контакт».

Одна из проблем бадминтона, причем весьма острая, — нехватка инвентаря. В магазинах деревянные ракетки лежат свободно, но они пригодны лишь для начинающих: бадминтон во дворе и бадминтон на высшем уровне — разные вещи. За рубежом деревянные ракетки уже не выпускают. Ведущие мастера Европы и Азии играют ракетками из пластика, графита, керамики, а наши бадминтонисты в лучшем случае — металлическими. На всех международных

БЕССЛОЖНЫЕ СЕРДЦА

Валерий СЕРЕГИН,
строитель, Невинномысск

АФГАНИСТАН

И никто не хотел умирать,
И никто не хотел убивать,
Сила силу пытается сломать,
Смерть смеялась, и плакала мать.

Восемнадцать — не возраст еще.
Вещмешок давит лямкой плечо.
Впереди, как картинка, — война.
Что там, братцы, ведь пуля глупа.

А потом с маxу в землю лицом.
Слезы жгут раскаленный свинцом.
И от ярости муки своей
Сам стреляешь в таких же людей.

Плачут дети, а матери ждут.
Кто-то взрослый играет в войну,
И седеют юнцы от смертей
Вдалеке от своих матерей.

Потому мне о счастье не спеть,
Что мой век для меня словно плеть,
Век мой памятью хлещет меня,
Как нагайкою хлещут коня.

Кто-то в жадности, словно в бреду,
Ну, а кто-то в огне и в дыму;
Где-то меркою рубль и чек,
Ну, а где-то цена — человек.

Марина НИЖЕВЯСОВА,
студентка, Рига

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Мне ветки дерев усыхающих жалко
до слез.
Но страшно, когда подрубают стволы
молодые.
Иду, и мелькают прозрачные крылья
стрекоз,
Ржавеют рябины, и шепчутся ветви
седые.

Кто шел впереди, не радел о великих
корнях:
Сушил чернозем и срывал золотые
соцветья.
Наверное, думал, что он истребляет
сорняк,
Но он истреблял все, что люди
растали столетья.

Летают стрекозы... Волниют
минувшие дни...
Сквозь крылья лучи пробиваются,
только не греют.
Мы точно стрекозы порхаем,
а души — бедны...
Без почвы и мысли, и травы, и звуки
хиреют.
По памяти крохам, по втоптанным
в грунт семенам —
Собрать, накопить, сохранить и,
лелея, поселят:
То нужно ушедшими и —
ныне подрубленным, нам,
Как сила земли, что служила опорой
Антею.

Александр БУРНЫШЕВ,
дрессировщик животных, Тула

ОБНОВКА

Светило солнце,
Разгорался день.
В пыли купались

Полусонно куры.
И кепку сдвинув лихо
Набекрень,
Мой дед протез
Строгал себе
С натуры.
А я стоял,
Штанину закатав,
Позировал,
Боясь пошелочнуться:
«Пропустит дед
Какой-нибудь сустав,
А без него
Нога не будет гнуться...»
Но дед мой был
Талантливый мастак!
Не пропустил,
Не оплошал вояка...
Вертел обновку
Он и так, и сяк,
А ночью вдруг,
Как маленький, заплакал.

Семен МАЙДАНИК,
инженер, Бердичев

ВЕСНУШКИ

Мы прощались утром
на вокзале,
Скупо нам
светили фонари.
Сердце
ты не отдала мне, знаю,—
Ну, так горсть веснушек
подари...
Улыбнулась:
— На, возьми, пожалуй!

У меня их
хватит на двоих.
На вокзале вдруг
светлее стало
От веснушек
этих золотых.

Владимир КОСТЕНКО,
учитель, Сальск

БАЛАЛАЕЧКА

Балалаечка,
Голос тоненький,
И возможности так скромны:
На певучем
Резном треугольнике
Всего-навсего три струны.
Так немного!
Но пальцы мастера
Прикоснутся к ним не спеша,
И десятками струн замается,
Зашемит,
Запоет душа.
Ничего в тебе модного, нового,
Только слышу: издалека
Голос твой,
Простой и зволнованный,
Прорывается сквозь века!

Василий ГОРШЕНИН
художник, с. Марьино,
Краснодарский край

■
Вот и полянка, ручеек, камыш,
Здесь даже тиши неповторима.
И ты на золото листья глядишь,
На птицу ту, что пролетает мимо.
Неповторимы краски, свет и звук,
Неповторимы пляски ветра.
И сеть свою уже соткал паук
Средь тоненьких ольховых веток.

Татьяна ТИХОМИРОВА,
служащая, Москва

■
Мы рядом шли.
Ты что-то говорил мне.
Я улыбалась,
Видно, невсподад.
Но мне так нравился
Твой голос, профиль...
Что можно так идти
И ни о чем не думать,
Что много снега,
Вечер и тепло.
И счастье мое рвалось наружу.
Ну, что могла поделать я с собой?

Вадим ВОРОНЦОВ,
доцент МАТИ, Москва

КАК ЭТО — РАНЬШЕ УТРА?

Утро, рожденное в тонких крыльях,
тише пчелы в ожидании дани,
утро
простое, как песня прохлады.
Видели,
видели вы когда-нибудь
орхидеи у водопада?

Валерий КУЗЬМИН,
учитель, Уссурийск

ПОЭЗИЯ

Кому нужна поэзия моя,
Классически рифмованные строфы?
Земля моя, предчувствую и я,
Что мы с тобой — на грани
катастрофы.

Кому нужна красивая игра
В слова, чередования, рефены?
Избородили бронекатера
Приморские октаны и катрены.

Кому нужна высокая печать
Стихов в литературной гарнитуре?
И стоит ли сегодня воевать
За честь принадлежать литературе?

Зачем мне эти замки на песке,
Когда весь мир висит на волоске?

Вячеслав АНАНЬЕВ,
рабочий, Московская область

СТРАДА

Там, где ржи монолитные зерна
в час урочний летят в кузова,
начинается хлебушек черный
и рождаются песен слова.

Под крылом августовского неба
разгорается праздник труда,
и во имя грядущего хлеба
будоражит просторы страда.

Бог вам в помощь, отважные люди,
патриоты бескрайних полей!
Это самое трудное чудо —
некончаемый хлеб на столе.

Это самая светлая песня —
золотистая песня страды,
потому что от века известно:
больше хлеба — и меньше беды.

Окончание. Начало на 22-й стр.

Но интересно, знают ли медицинские начальники, что, по данным СОПа, многие проститутки работают в лечебных учреждениях? Белая Лошадь — медсестра. Утка — санитарка, днем кладет трешки в карман белого халата, ночью — марки и доллары в карманчик до машника.

Медики советуют вести монашеский образ жизни. Совет хороший, но трудновыполнимый для миллионов одиноких мужчин и женщин. Все они, конечно, как-то устраиваются.

Каждый десятый советский ребенок рождается вне брака, в Латвии — каждый пятый, в сельских районах Эстонии — каждый третий. Если учесть, что по числу абортов мы «впереди планеты всей», что заболеваемость сифилисом среди подростков от 15 до 17 лет за последние два года выросла в Латвии в 2,5 раза, а гонореей — в 9 раз, становится ясно: общество наше движется отнюдь не в монастыре.

Рад бы оказаться никудышным пророком, но кажется, что сексуальная революция, отшумевшая на Западе, ждет нас где-то за поворотом. Прячущее сочетание разнообразных причин неизбежно приводит к такому выводу.

Пока мы стреляем по ложным мишеням, боремся с «сатанинским» хэви-металлом и робкой эротикой на белых простынях кинозреков, все больше «видиков» появляется в наших домах. Через несколько лет видеобум станет реальностью. А где «видуха», там зачастую и «порнуха». Лавина видеопорнографии может свалиться на совершенно неподготовленную, пока еще достаточно целомудренную аудиторию, и это — один из компонентов будущего сексуального взрыва. Никакие запреты не помогут. Нельзя запретить авиацию с целью предупреждения авиакатастроф.

Западным странам крупно повезло. Секс-бум и вспышка СПИДа разминулись во времени. У нас они могут совпасть. Исключить такую возможность — преступная безответственность...

Подполковник Дубовицкий прав: нужна система. Не очередной бездушный бюрократический департамент, а гибкая, эффективная система спасения. Вспомним: в трудные годы Дзержинский смог создать систему борьбы с беспризорностью и победил. Неужели мы не сможем вырвать бездомную «Вокзал для двоих» из порочного круга, защитить Таню, направить на путь истинный Муху? Сможем, если создадим принципиально новую общественно-государственную целевую программу, осуществлять которую будут все — МВД, Минздрав, комсомол, Комитет советских женщин, общественные фонды, Красный Крест — да мало ли у нас организаций, обязанных стоять на страже физического и нравственного здоровья народа! Дело найдется всем — от баптистов до металлистов, от сексологов до участковых инспекторов.

И последнее. Нужны деньги. Миллионы, «экономленные» сегодня, обернутся миллиардами, которые придется тратить завтра.

Утка вышла из приемника последней. Два часа ночи, моросит мелкий дождь.

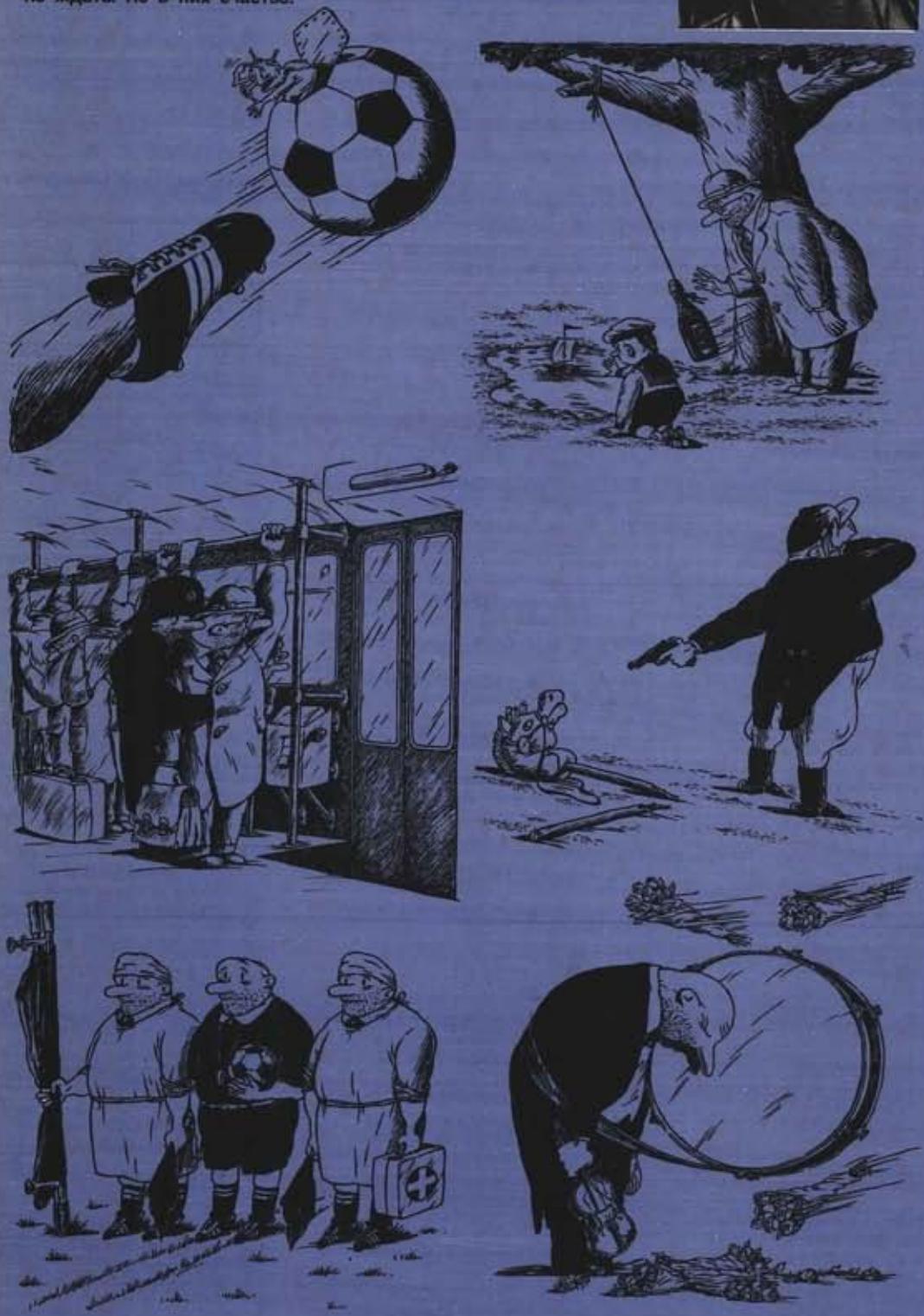
Она терпеливо ждала своей очереди, наконец, подписала официальное предостережение («мне, выявленной как лицо, занимающееся проституцией, объявлено предостережение о недопустимости такого образа жизни. Мне разъяснено, что в случае продолжения...») — этот текст она знает наизусть. У нее своя работа, у них своя, злиться нечего, до дома недалеко, дойдет пешком.

Она шлепала по лужам и в своем несурзном белом платьице действительно была очень похожа на утку...

ВЕРНИСАЖ·88

ЮРИЙ КОСОБУКИН

Если вам покажется, что художник киевской «Рабочей газеты» Юрий Кособукин улыбается на этой фотографии,— не верьте глазам своим: он человек сугубо серьезный. И герои его рисунков крайне серьезны. К тому же очень симпатичны. Думается, это потому, что Кособукин окончил авиационный институт. Похоже, бывших авиаторов любят в Японии, Югославии и Италии. Иначе как объяснить то, что именно в этих странах наш автор получил награды за рисунки? С 1976 года Юрий Кособукин заполоняет своими карикатурами газеты и журналы. Мы хотели приурочить публикацию в «Смене» к какому-нибудь юбилею художника, а потом решили юбилея не ждать. Не в них счастье.

СМЕНА 88 АНОНС

ЧИТАЙТЕ
В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

О молодой семье,
квадратных метрах
и социальной
справедливости.

Николай Черкашин.
«Реквием по линкору». История морской трагедии.

«Дитя с нимбом». Мнения читателей.

Вспоминая Олимпиаду. Фоторепортаж.

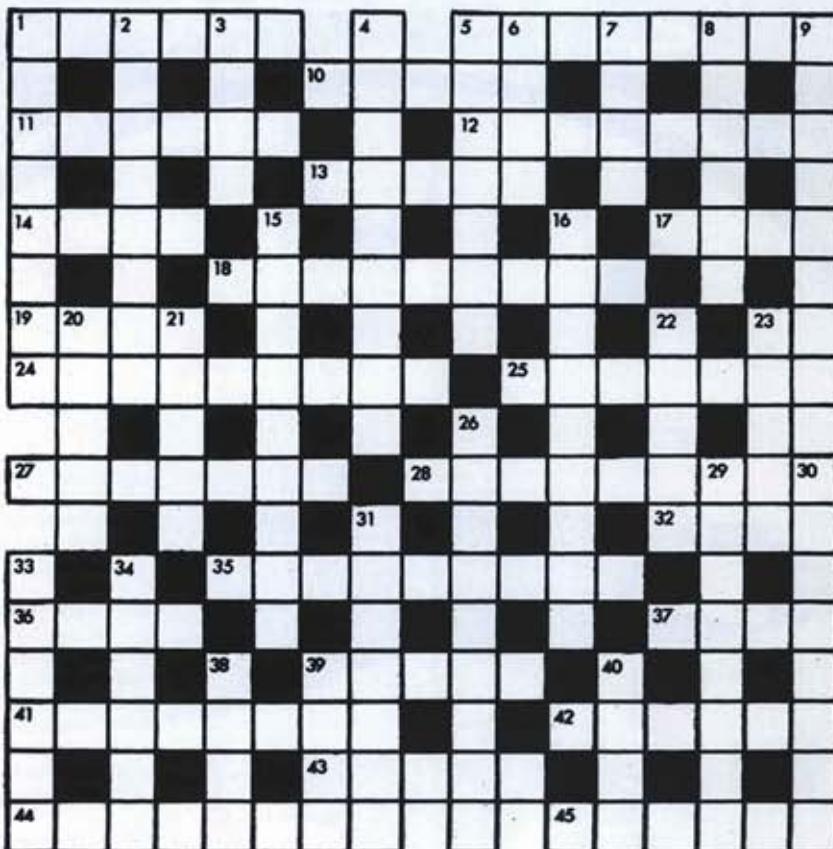
Рыбаки Таймыра. Фотоочерк.

Стивен Кинг.
«Баллада о гибкой пуле».

КРОССВОРД

Составил С. Белов, Москва

ПРАЗДНИК БЕССОННИЦЫ

Редакция журнала «Смена» совместно с Центральным телевидением, руководством Дома культуры МЭИ и при участии «Студии Москва» под руководством Сергея Лисовского придумала, кажется, нечто небывалое, а именно: провести 10 декабря ночные празднество «Сон в зимнюю ночь». Как это будет? Карнавал? Обязательно. С призами за небанальность. Говорят, целый телевизор можно будет выиграть, да еще с гарантией, и еще — бесплатное путешествие в летнее время на борту белоснежного лайнера в компании эстрадных звезд. Несколько пар только что зарегистрировавших свой брак молодоженов будут приглашены провести свою « первую брачную ночь » на карнавале.

Само собой разумеется, что будут выступать популярнейшие рок-группы и мастера традиционного музирования, театральные коллективы и ведущие актеры кинематографа. Для тех, кому не нужно ничего, кроме разговора с приятелем или подругой за чашкой хорошего кофе, будут созданы все условия в «переулках», «на площадях», «скверах» дворца-лабиринта, который выстроит для этой ночи художники и декораторы. Участники карнавальной ночи увидят и кусочек Старого Арбата — сюда придут художники, барды и брейкеры. Здесь развернутся лучшие кооперативы. Через расставленные по всем залам мониторы представители министерств и ведомств, заинтересованные в будущих специалистах из МЭИ и других вузов столицы, расскажут о прелестях предстоящей работы, а также ответят на любые вопросы молодых людей в специально созданных «диспуттаках».

Словом, праздничная пыль столбом. Конечно, все это потребует приличных затрат. Но деньги уже есть.

Организаторы «Сна в зимнюю ночь» (телефон 273-21-47) не откажутся от услуг того или иного кооператива и государственного предприятия, желающих иметь собственную рекламу.

Кстати, любой читающий эти строки может стать в ряды организаторов праздника. Достаточно взять открытку и написать, кого бы вы хотели увидеть в качестве дорогого гостя или приятного собеседника в эту зимнюю ночь. Для тех, кто придумает наиболее оригинальные вопросы своим «гостям», а также предложит что-либо необычное или из ряда вон выходящее в сценарий праздника, организаторы торжественно гарантируют любезное приглашение на карнавал. Будет нeliшним сказать: если первый блин не окажется комом, то такого рода праздники при посредничестве журнала «Смена» мыслится проводить ежемесячно.

Подумаешь — ночь не поспишь! Зато сколько впечатлений!

ОРГКОМИТЕТ КАРНАВАЛА
«СОН В ЗИМНЮЮ НОЧЬ»

Начало карнавала смотрите на четвертой странице обложки.

КРОССВОРД

Составил С. Белов, Москва

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

- Французская писательница, друг и единомышленник Ж.-П. Сартра. 5. Европейская страна, где звание крестьянина исконно считали почетным, а поступление на службу даже к королю — постыдным. 10. Подводный или подземный снаряд. 11. Цветок, опьяняемый ночных бабочками. 12. Фекла как помощница Параси в поэме А. Пушкина «Домик в Коломне». 13. Металл, который долгие века не считали металлом. 14. Ума — два гумна да ... без верху (русская пословица). 17. Среднеазиатское название кругового обрыва плато. 18. Герой греческой мифологии, который, разъезжая по свету на золотой колеснице, заселял землю пшеницей. 19. Рыба. Впервые появилась в Дунае. 24. Советский боксер, олимпийский чемпион. 25. Крупная птица, при взлете так быстро машущая крыльями, что их не видно. 27. Каждый из «героев» самой известной картины И. Шишкина. 28. Наследник германского императора.
- Бельгийский музыкант, походивший на Антона Рубинштейна не только «львиным» обликом, но и характером исполнительского дарования. 35. Работа с оплатой за продукцию. 36. Знаменитый пират, английский мореплаватель, поэт, драматург, фаворит Елизаветы Первой. 37. «Кильт» — это ... из волокон бутылочной тыквы (Ж. Верн «Пять недель на воздушном шаре»). 39. Антрацит (суть). 41. Итальянский художник, о котором В. Суриков сказал, «что ни одной картины у него нет без своего портрета». Зачем он себя так любил? 42. Временное напряжение. 43. Имя героинь в нескольких знаменитых произведениях русской литературы. 44. Месяц, в который мексиканский священник Мигель Идалго ударом в колокол в 1810 году возвестил начало освободительной войны против испанских колонизаторов. 45. Один из самых ранних овощей.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

- Игра привязанным к палочке шариком. 2. Французский мыслитель, автор афоризма: «Люди глупые никогда не поймут умных». 3. Гора в Греции, с которой в начале XVI века в Россию прибыл Максим Грек. 4. Праздный гуляк. 5. Микроклимат в коллективе. 6. Непременная часть яменного колоса в отличие от пшеничного. 7. Путешествие. 8. Национальность П. Шаликова, поэта и журналиста, издателя журналов «Московский зритель», «Аглай», «Дамский журнал». 9. Остров в Карибском море, открытый Колумбом. 15. Союз испанских городов и крестьянских общин в средние века для самообороны во время войн и защиты своих вольностей. 16. Звание Алеши Ботяна, которому в польском городе Илже стоит памятник. 20. Символ небесной красоты. 21. Русское название плода айвы. 22. Место, где бушевали ветры в думе К. Рылеева «Смерть Ермака». 23. Другое название лавсонии, из листьев которой получают краситель для женских волос. 26. Ипостась дворников союза в стихотворении И. Никитина «Ночлег извозчиков». 29. Полный достаток. 30. Крепость. 31. Философ, чью мысль на самом деле привел Б. Пастернак в четверостишии: «Однажды Гегель ненароком и, вероятно, наугад, назвал историка пророком, предсказывающим назад». 33. Главное в открытии скота. 34. Монета, из которой возник польский золотой. 38. Одно из сельхозорудий, упоминаемых в романе Л. Толстого «Анна Каренина». 39. Орнамент. 40. Река, впадающая в озеро Ильмень.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 21

По горизонтали:

- Абель. 8. Геракл. 10. Жерико. 11. Изобата. 12. Гагара. 14. Ксанон. 16. Денситометр. 17. Шлага. 19. Трава. 22. Факел. 26. Атланта. 27. Юнтушен. 28. Яхонт. 29. Соверен. 30. Инсаров. 31. Сцинк. 34. Паста. 37. Месяц. 40. Кондраскар. 41. Йогурт. 42. Карат. 43. Евтерпа. 44. Ниамей. 45. Монгол. 46. Чомга.

По вертикали:

- Реванш. 2. Засада. 4. Бионика. 5. Луайоте. 6. Триера. 7. Эклога. 9. Лиана. 10. Жакет. 13. Регенератор. 15. Стратосфера. 18. Полевка. 20. Венгрия. 21. Хамса. 22. Фаянс. 23. Кроки. 24. Литотик. 25. Шнява. 32. Царство. 33. Носорог. 34. Протий. 35. Скульпте. 36. «Антей». 37. Макам. 38. Спринт. 39. Цитрон.

Пролетарии
всех стран,
соединяйтесь!

СМЕНА'88

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 22 (1476) НОЯБРЬ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

- Сергей БАБКИН
(заместитель главного редактора)
Борис ДАНОЮШЕВСКИЙ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Андрей КУЧЕРОВ
Альберт ЛИХАНОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Сергей ПОПОВ
(ответственный секретарь)
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
(главный художник)

Художник
Владимир ЗАЙЦЕВ
Технический редактор
Елена ОВЧИННИКОВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки.
212-21-38 — коммунистического воспитания.
212-23-79 — фотоочерка.
212-21-38 — военно-спортивный.
251-32-84 — международной жизни.
251-04-10 — литературы и искусства.
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

© Издательство ЦК КПСС «Правда».
«Смена», 1988 г.

Сдано в набор 05.10.88.
Подписано к печати 18.10.88.
А 11810. Формат 70 × 108½.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7.
Тираж 2 000 000 экз.
Заказ № 3178.
Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

